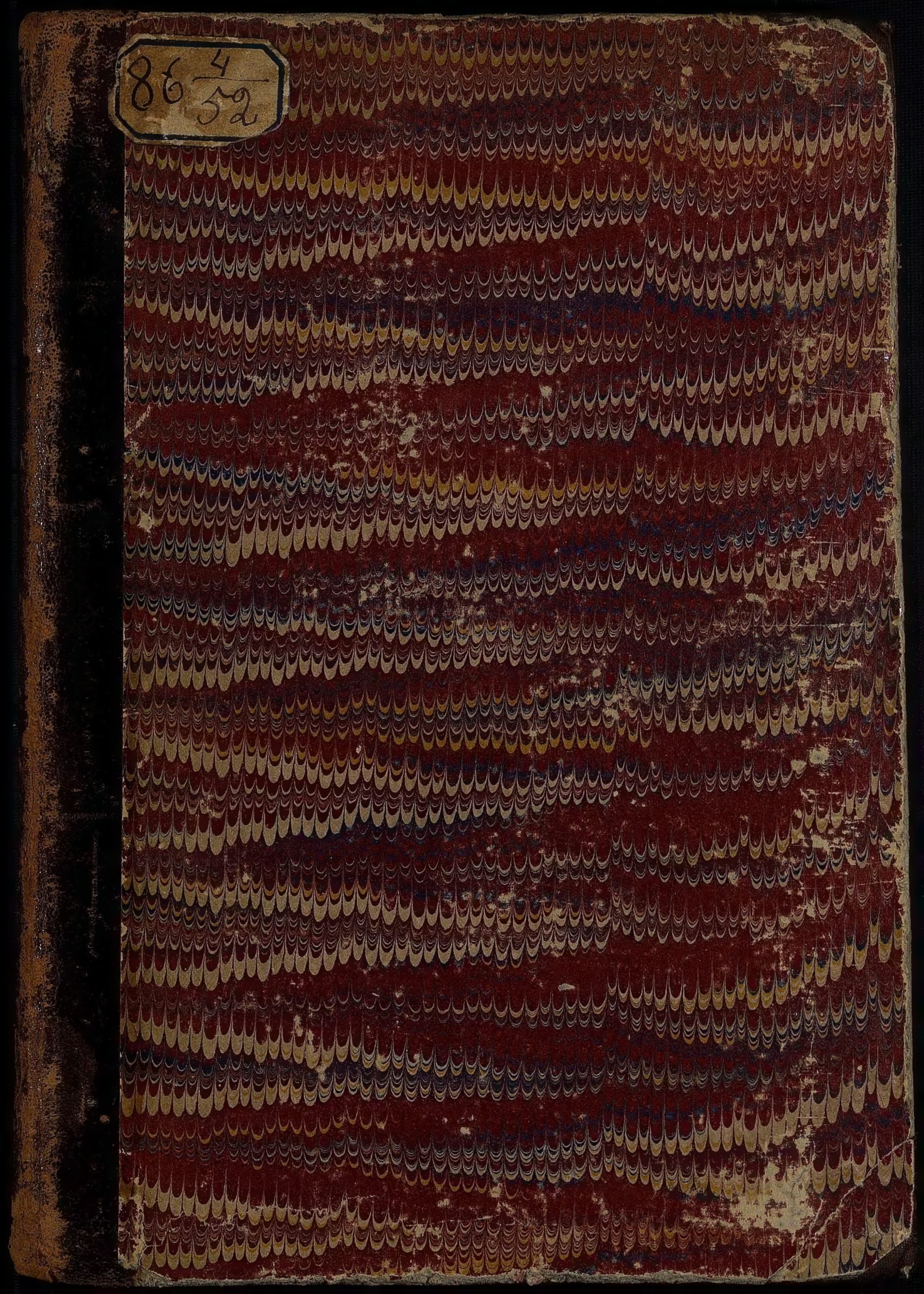
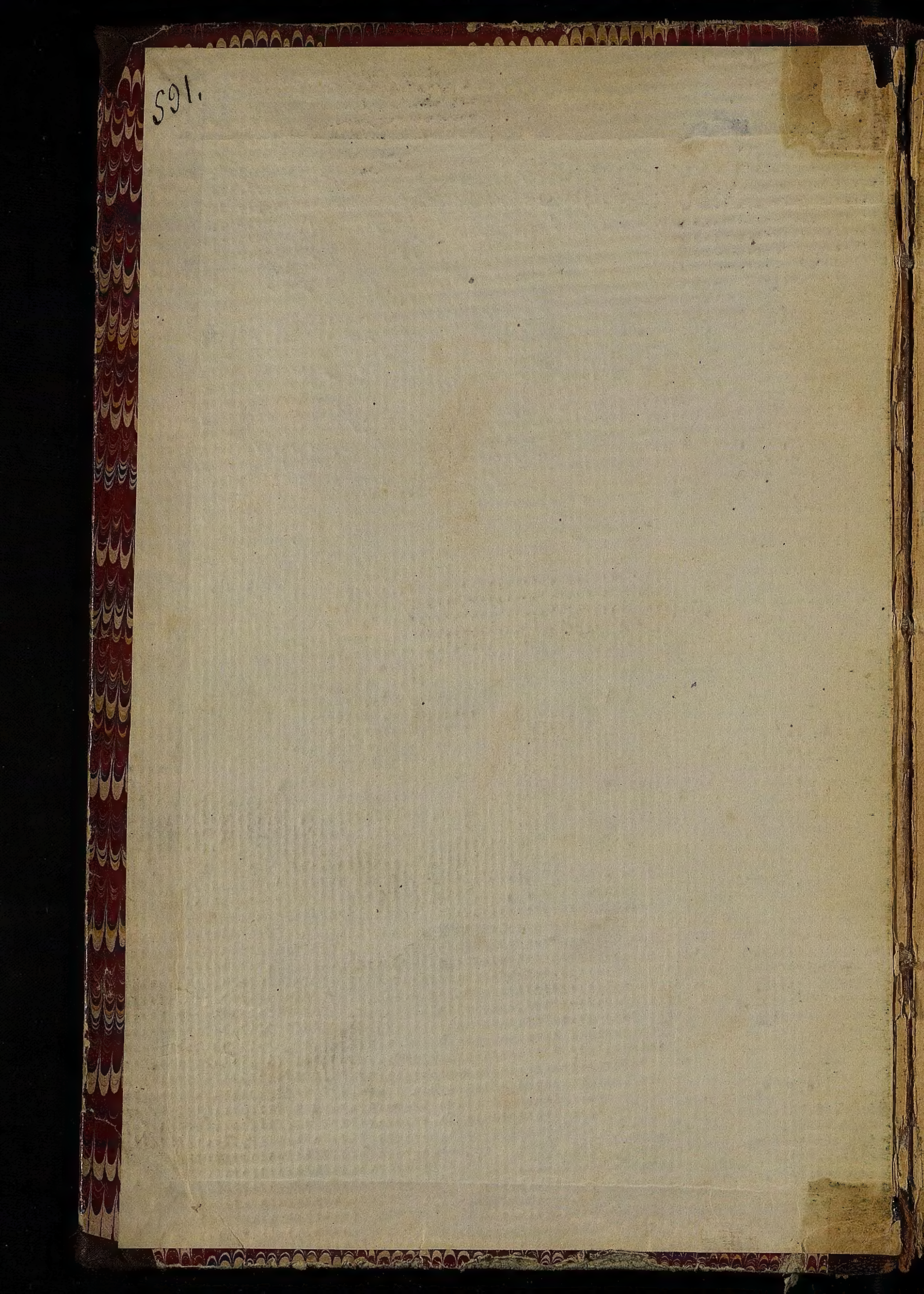
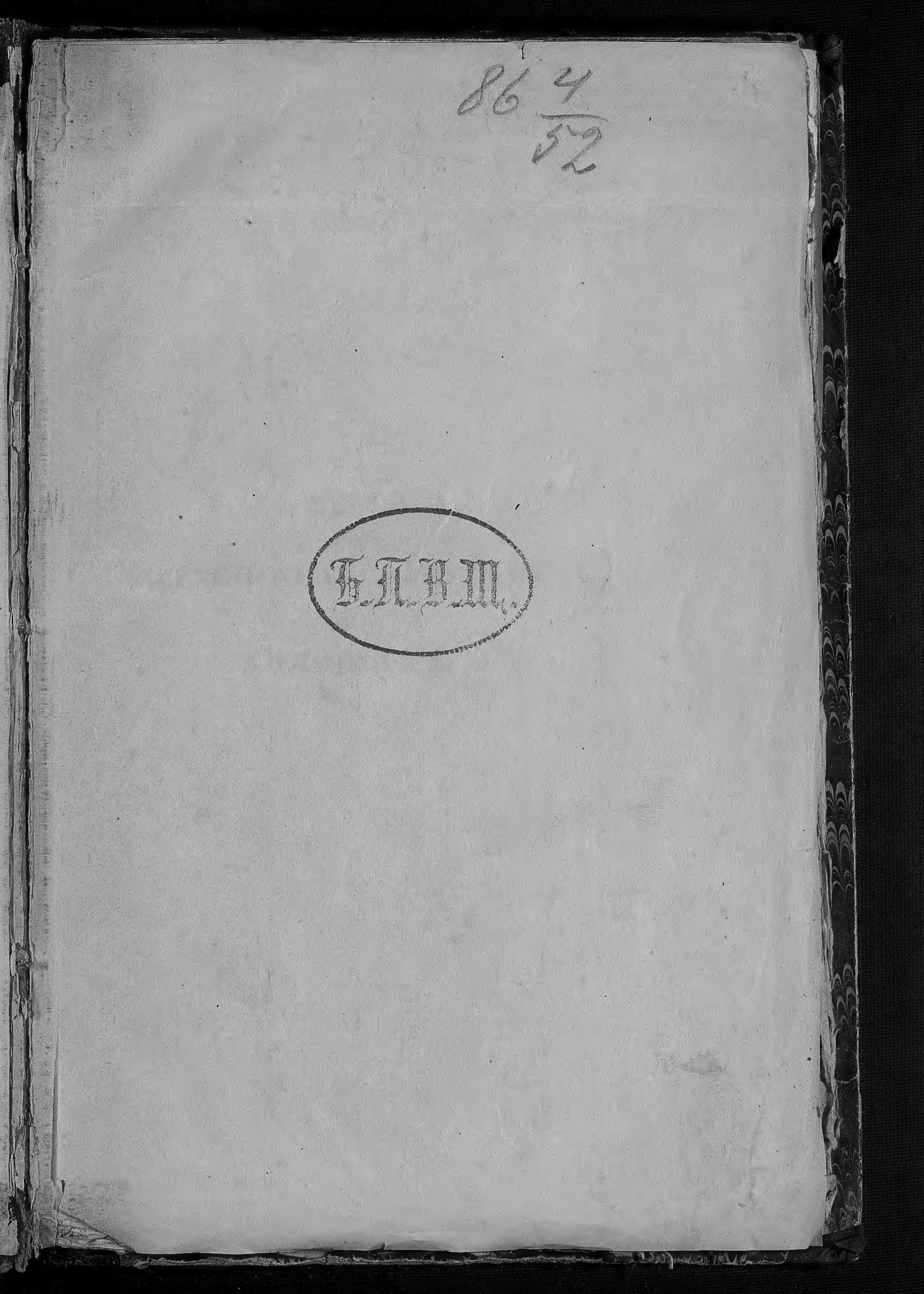
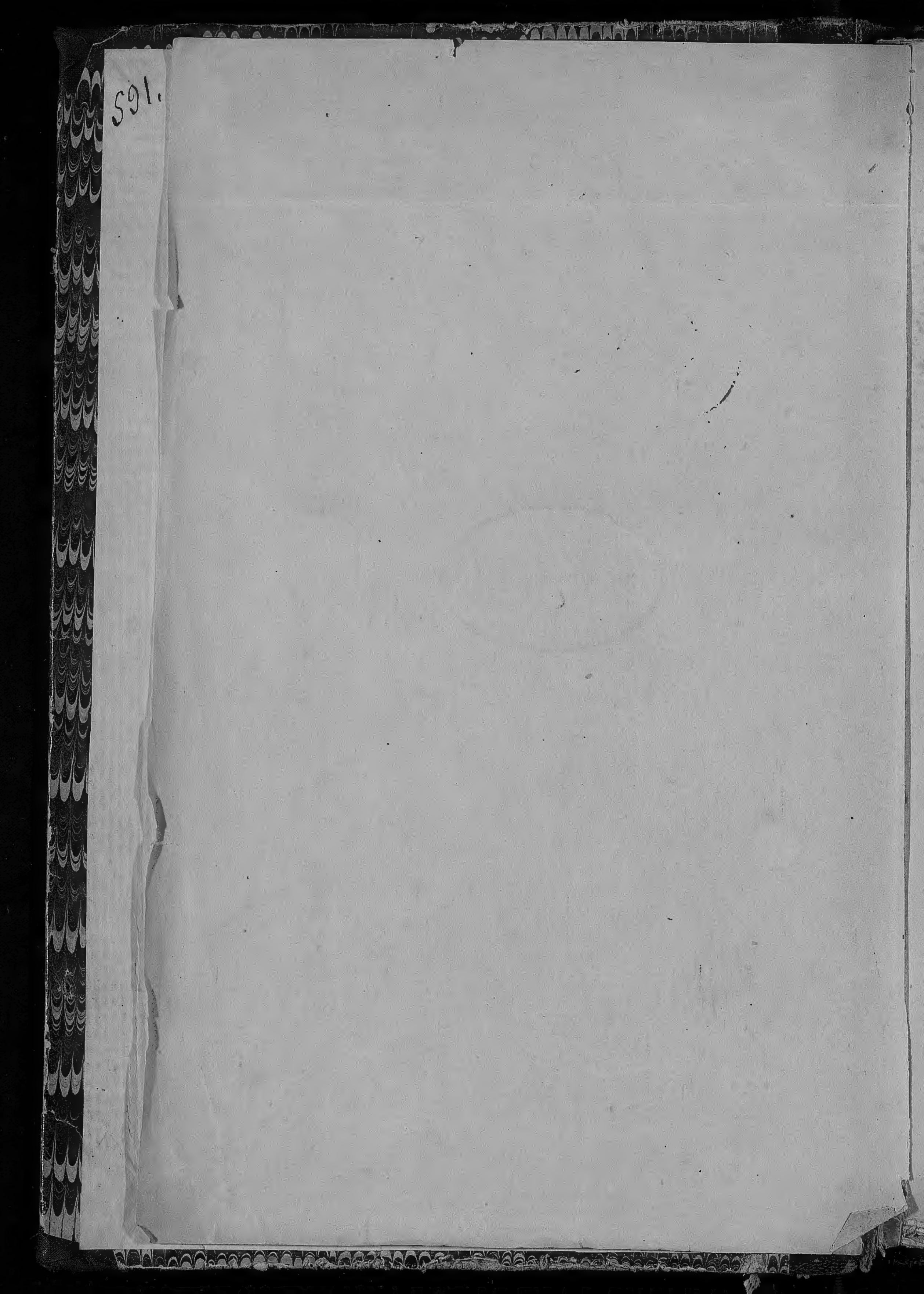

86 4/52

591.

86 4/52
Б.П.В.Ш.

ЗАПИСКИ
ОБЪ
АТХИНСКИХЪ АЛЕУТАХЪ
И
КОЛОШАХЪ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ

АТХИНСКИХЪ АЛЕУТАХЪ

И

КОЛОШАХЪ.

И. Веніаминова,

СОСТАВЛЯЮЩІЕ

ТРЕТІЮ ЧАСТЬ

ЗАПИСОКЪ

ОБЪ ОСТРОВАХЪ

УНАЛАШКИНСКАГО ОТДѢЛА.

Издано Иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ 15 Сентября 1840 года.

Цензоръ *А Крыловъ.*

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
ЗАПИСКАМЪ
ОБЪ ОСТРОВАХЪ
УНАЛАШКИНСКАГО
ОТДѢЛА.

ЧАСТЬ III.

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ *ЗАПИСКИ* 1) О ПРЕЖНИХЪ ОБЫЧАЯХЪ И ВѢРѢ АТХИНСКИХЪ АЛЕУТОВЪ 2) О КОЛОШАХЪ — ОБИТАТЕЛЯХЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ.

I.

Записки о прежнихъ обычаяхъ и вѣрѣ Атхинскихъ Алеутовъ.

Атхинскіе Алеуты, или обитатели островов: *Андреяновскихъ*, *Крысьихъ*, *Берингова* и прочихъ, лежащихъ между Уналашкинскимъ отдѣломъ и Камчаткою, суть того же племени и происхожденія, что и Уналашкинскіе Алеуты. Это доказываютъ

Произхождение Атхинцовъ. их языкъ, обычаи, характеръ и самый наружный видъ ихъ *.

Атхинцы думали, что всѣ обитатели островов, какіе они знали, произошли отъ пары людей, сошедшихъ съ неба на островъ, называемый *Танагъ*, изъ числа группы ихъ островов.

Вѣра. Атхинцы, какъ и ихъ собратія Уналашкинцы, имѣли шаманскую вѣру, т. е. признавая Творца вселенныя, вѣровали въ духовъ-правителей міра. Вышнее Существо, они, называли *кѧюдамъ агѵгѵ*, и также *ачидамъ агѵгѵ*. Первое значитъ собственно: *Творецъ неба*, а второе *Творецъ низа* или *подножія*.

Призывать же духовъ и показывать котораго изъ нихъ болѣе почитать и призывать въ помощь и прочее — было дѣломъ шамановъ.

Духословіе Атхинцовъ было весьма обширно; они вѣровали и въ птицъ и рыбъ и другихъ животныхъ; въ солнце,

---

* Описывая Уналашкинцевъ я весьма желалъ имѣть какія либо свѣденія и объ Атхинцахъ; и почтенный Отецъ Іаковъ, Атхинскій Священникъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣденія объ ихъ языческихъ обычаяхъ, которыя я здѣсь и передаю.

небо и прочія не одушевленныя твари, думая, что духи живутъ въ нихъ. А какъ сношеніе съ духами предоставлялось однимъ только шаманамъ, то они и изображали ихъ, какъ умѣли или хотѣли, въ маскахъ или личинахъ, употреблявшихся при шаманствахъ и игрищахъ. Такія маски и личины видѣлъ еще и самъ описатель ихъ. Онъ говоритъ, что онѣ вообще безобразны и представляютъ какого либо животнаго, въ изуродованномъ видѣ.

Хотя у нѣкоторыхъ Атхинцевъ были въ скрытныхъ мѣстахъ и болваны, въ человѣческомъ видѣ во весь ростъ, называвшіеся *тайягѣлигѣкъ*, которымъ приносили они жертвы, состоящія въ *краскѣ*, *шкурѣ ястреба* и *тонкихъ жиленныхъниткахъ*; но явнаго или общаго идолопоклонства у нихъ не было, и оно считалось даже гибельнымъ для самихъ поклонниковъ. Это доказываютъ тѣмъ, что хотя сдѣланный кѣмъ либо идолъ будто бы могъ дѣйствовать, говорить и помогать своему производителю; но когда выполнялъ онъ всѣ желанія и просьбы его: то губилъ какъ самаго производителя своего, такъ и весь родъ его и истреблялъ многихъ неосторожныхъ, дерзавшихъ приблизиться къ мѣсту, гдѣ онъ былъ поставленъ *; и потому

* Атхинцы разсказываютъ, что на одномъ остров-

Вѣра. строго воспрещалось дѣлать такихъ болвановъ; но, разумѣется, всегда находились въ нихъ дѣлатели особенно изъ шамановъ, и которые были даже и тогда, когда всѣ Атхинцы были уже окрещены; и особенно это было, между жителями острова Атту; и только съ прибытіемъ къ нимъ Священника, т. е. съ 1827 года прекратилось такое тайное идолопоклонство и идолодѣланіе.

Атхинцы также вѣрили, что души умершихъ людей, по разлученіи отъ тѣла,

---

къ саiѹга́макъ, въ бухтѣ, называемой Ѹса́амкѹхъ, въ половинѣ горы, въ пещерѣ поставленъ кажимъ-то шаманомъ подобный болванъ, который губилъ всѣхъ проѣзжавшихъ мимо сего мѣста. Всѣ они видѣли и знали, что гибнутъ ихъ собратія въ одной бухтѣ, но не знали, гдѣ именно и какъ они гибнутъ, дотолѣ, пока наконецъ одинъ изъ нихъ пожертвовалъ собою для того, чтобы узнать самое мѣсто, гдѣ гибли Алеуты. Рѣшившись на такой подвигъ онъ поѣхалъ въ подозрѣваемую бухту, взялъ съ собою и жену свою, которую положилъ внутрь своей байдарки. Пріѣхавъ туда, онъ высадилъ жену свою въ особенное скрытное мѣсто, и велѣлъ ей наблюдать за нимъ, а самъ отъѣхавъ далѣе остановился. Жена его видитъ, что кто-то вы-

не умираютъ, но живутъ и носятся повсюду, не имѣя постояннаго мѣста.

Шаманы.

Шаманами у Атхинцовъ были мущины и рѣдко женщины. Шаманы, по вѣрованію Атхинцовъ, имѣя сношенія съ духами и силу призывать ихъ, въ случаѣ надобности, предсказывали будущее, не покорныхъ имъ угрожали различными наказаніями, помогали больнымъ и промышленникамъ и проч.; почему болѣе досужіе изъ нихъ были въ большомъ уваженіи. Для излѣченія болѣзни и дарованія счастія въ промыслахъ, шаманы, по большой части, употребляли корень травы *петрушки* и

шелъ изъ пещеры, подошелъ къ ея мужу, убилъ его и унесъ въ пещеру. Она возвратилась домой и разсказала все; почему тотчасъ отправились туда Алеуты нашли болвана, *убили* его и истребили; и послѣ того бухта эта сдѣлалась безопасною.

Также разсказывали, что около 1814 года, на островѣ *Канагъ*, найденъ такой же болванъ, въ коемъ видны были признаки жизни. И въ 1827 году, на островѣ *Адахъ*, также найденъ болванъ, котораго видѣли двое Алеутовъ выходящаго изъ пещеры. Первый болванъ былъ разрубленъ и разбросанъ, а другой *убитъ изъ ружья*, изрубленъ и сожженъ.

Вѣра *пережженое берестo* *, которыя были принимаемы отъ шамановъ какъ великій даръ.

Если предсказанія шамановъ или ихъ помощь оправдывались на дѣлѣ, то они требовали отъ своихъ кліентовъ жертвы духамъ, болѣе имъ уважаемымъ; но сами довольствовались тѣмъ, что имъ дадутъ. Обыкновеннымъ занятіемъ шамановъ было: дѣлать маски и личины, а иногда тайкомъ и болваны, составлять и учреждать игрища, сочинять пѣсни и проч. Для всѣхъ таковыхъ занятій, они, имѣли особенное мѣсто, въ которое не вносилось и не входило ни что нечистое и особенно не было доступно женщинамъ. И чтобы предохранить себя и всѣ производимыя имъ вещи отъ вліянія всякой нечистоты, шаманы, приступая къ занятію, часто мылись въ водѣ и омывали дѣлаемыя ими вещи **.

* Кора березы.

** Весьма замѣчательно, что у всѣхъ дикарей, при всей нелѣпости ихъ религіозныхъ обрядовъ, при совершеніи ихъ всегда уважалась чистота и поставлялась въ непремѣнную обязанность соблюдать ее, особенно совершателямъ обрядовъ.

Нравственныя правила.

У Атхинцевъ (также какъ и у ихъ собратій Уналашкинцовъ) строго воспрещалось: клеветать на другихъ (какъ сильная причина ко враждѣ, ссорѣ и убійствамъ), лѣность, воровство, обида безвинныхъ, гнѣвъ и то, что они считали любодѣяніемъ; но мщеніе за обиду не только не воспрещалось, но считалось какъ бы обязанностію или долгомъ; повиновеніе родителямъ и старшимъ, и благодарность къ благодѣтелямъ считались между ими за добродѣтели и непремѣнныя правила добраго человѣка *.

Убить человѣка за дѣло, считалось справедливымъ и возможнымъ. Причины къ тому были: нарушеніе супружескаго ложа, отказъ въ сватовствѣ, похищеніе, или тайный промыселъ въ чужихъ границахъ, и иногда зависть въ преимуществахъ. Мщеніе за это простиралось иногда до того, что убивали и жену виновнаго; но дѣти, особенно малолѣтные, всегда были щадимы.

Наказаній за преступленія не было ни какихъ, но всякому предоставлялось раздѣдываться лично съ своимъ обидчикомъ.

---

* Хорошо бы если бы въ сихъ добродѣтелямъ Алеуты пребывали и нынѣ при просвѣщеніи ихъ. *Примѣчаніе сочинителя.*

Вѣра.

Воровство у нихъ было не терпимо до того, что всегда было изслѣдываемо. Юрта, въ которой случалась покража, тотчасъ опоражнивалась совершенно и очищалась какъ можно лучше. Послѣ того, входилъ въ нее шаманъ, съ нѣсколькими мущинами, и при заженномъ свѣтильникѣ начиналъ шаманить, для того, что бы найти виновнаго; и будто бы всегда, послѣ нѣсколькихъ его дѣйствій, у свѣтильника являлся видъ или призракъ того, кто сдѣлалъ воровство; узнавъ такимъ образомъ виновнаго, приходили къ нему и отбирали вещи, имъ похищенныя.

Весьма замѣчателенъ бывшій у Атхинцовъ обычай, или обрядъ, *очищенія грѣховъ* или *исповѣди*, который они называли *илагъ*. Великими грѣхами (тӱннӱхта́гӱнъ) у нихъ считались ближайшее кровосмѣшеніе и преждевременное сожитіе съ невѣстою или назначенною женою. Обрядъ очищенія грѣховъ ихъ совершался такъ: павшій въ великій грѣхъ и чувствующій угрызеніе совѣсти, избравъ время самаго яснаго сіянія солнца, бралъ какую нибудь траву, клалъ ее предъ собою и надъ нею исповѣдывалъ грѣхъ свой, поставляя во свидѣтели солнце; и когда высказывалъ все лежащее на его сердцѣ, тогда траву ту бросалъ въ огонь; и послѣ сего считалъ себя очищеннымъ отъ грѣха.

Самоубійство.

Атхинцы, какъ дикіе, не знали цѣны

своей жизни, а потому въ сильныхъ волненіяхъ чувствъ своихъ не дорожили ею и охотно сами лишали себя оной, напримѣръ отъ печали или жалости по умершихъ своихъ родныхъ, сына, племянника, мужа, жены и проч.; но не было примѣра, чтобы дѣти лишили себя жизни въ печали при смерти своихъ родителей, не смотря на то какъ бы они не любили умершихъ. Вѣроятно, это было ихъ закономъ. Случалось также, что убивали себя отъ неудачи въ какихъ либо предпріятіяхъ; отъ страха же или трусости того не дѣлали, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ напримѣръ они видѣли, что непремѣнно должны попасть въ плѣнъ своимъ непріятелямъ; тогда они лучше предпочитали смерть, чѣмъ быть рабами своихъ непріятелей или быть отъ нихъ замученными.

У Атхинцовъ позволялось вступать въ бракъ со всѣми родственниками, выключая брата съ родною сестрою, отца съ дочерью и сына съ матерью. Въ случаѣ смерти одного брата другой долженъ былъ наслѣдовать жену умершаго. Браки.

Вступать въ бракъ позволялось съ 10 лѣтъ возраста, какъ время, въ которое мальчикъ могъ и долженъ былъ умѣть владѣть байдаркою и стрѣлками, и слѣдовательно числиться въ числѣ промышленниковъ, а дѣвица шить. Родители еще въ дѣтствѣ дѣлали сватовство другъ съ дру-

Обычаи. гомъ и назначали дѣтей своихъ супругами. По сосватаніи невѣсты, или по рѣшительномъ назначеніи дѣтей къ браку, родители ихъ дарили ихъ вещами, нужными для хозяйства, какъ то одеждами, промысловымъ снарядомъ, и проч. Но бракъ вполнѣ утверждался только тогда, когда у молодыхъ супруговъ родилось дитя. И тогда зять долженъ былъ тестю своему подарить калгу (раба). Отказъ въ сватовствѣ считался величайшею обидою, за которое слѣдовало жестокое мщеніе, даже смертію. Позволялось имѣть двѣ жены и болѣе; но болѣе двухъ, имѣли весьма рѣдкіе. Къ женамъ своимъ были чрезвычайно ревнивы. Соблазнитель подвергался жестокому мщенію, и это весьма часто бывало причиною раздоровъ и междуусобія.

Любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ у нихъ была—какъ и у Уналашкинцовъ—примѣрная. Родители содержали дѣтей своихъ строго, учили ихъ всему, что нужно въ ихъ быту, не давая имъ исполнять ихъ собственную волю, такъ, что даже назначали и ограничивали время отлучки ихъ отъ себя; не позволяли обращаться свободно брату съ сестрою; за непослушаніе и малые проступки наказывали только выговорами, а за большіе не давали имъ ѣсть цѣлый день и болѣе. Родители охотно отдавали дѣтей своихъ на воспитаніе родственникамъ и даже чужимъ людямъ. У

нихъ было также въ обычаѣ отдавать дѣтей своихъ другимъ въ усыновленіе, иногда даромъ, а иногда и за какія либо вещи; и взявшіе ихъ къ себѣ точно также любили и воспитывали ихъ какъ бы собственныхъ дѣтей.

Погребеніе умершихъ было у нихъ различно, смотря по состоянію и званію умершаго. Почетныхъ, богатыхъ и отличныхъ промышленниковъ погребали съ особенною церемоніею. Умершаго изъ таковыхъ лицъ одѣвали во все лучшее платье, и сдѣлавъ небольшую юрточку, или хижину въ землѣ, и сколько возможно украсивъ ее внутри рогожками и проч., *садили* въ нее умершаго, скорчивъ и стянувъ ноги къ груди. Потомъ закрывали юрточку сверху и засыпали землею на глухо. Если умершій былъ промышленникъ, то съ нимъ въ юрточку клали и всѣ промысловыя его орудія; но если умершій завѣщалъ ихъ кому нибудь, то въ такомъ случаѣ онѣ поступали, кому слѣдуетъ. Бѣдныхъ и обыкновенныхъ людей клали просто въ вырытую яму, но также сидя. Изъ умершаго на морѣ мущины, въ намѣреніи, чтобы онъ не сгнилъ скоро, почти всегда вынимали внутренности тѣла и хоронили особливо. Похороны.

Родственники умершаго, въ честь его или въ доказательство любви своей къ нему, или въ утѣшеніе печали по немъ,

Обычаи. также какъ и многіе у Американцевъ, убивали рабовъ.

Близкіе родственники умершаго обыкновенно дѣлали плачь по немъ нѣсколько дней сряду. Въ это время они постились, т. е. не употребляли въ пищу ни чего мяснаго и жирнаго: напр. рыбьихъ головъ; и воздерживались отъ всякой плотской нечистоты, даже супруги въ это время не видали другъ друга.

Болѣе приверженные къ умершему, если въ первомъ порывѣ своей горести не лишали себя жизни, то постились даже до изнеможенія, часто ходили плакать на то мѣсто, гдѣ погребенъ былъ умершій, раздавали вещи постороннимъ въ память его. Родители по умершимъ дѣтямъ своимъ плача не дѣлали, выключая того если дитя померло еще не имѣя зубовъ; тогда отецъ постился 10 дней, а мать 20. Жена по умершемъ мужѣ своемъ и также мужъ по женѣ держали постъ и плачъ 60 дней, начиная съ 11-го дня послѣ смерти его. Но если мужъ ея померъ или погибъ на морѣ, то дни плача сокращались въ половину. По окончаніи дней плача, оставшаяся половина, имѣла полное право вступать въ другой бракъ.

Правленіе. Правленіе Атхинцовъ было патріархальное-свободное; у нихъ не было ни законовъ, ни постановленій; обычаи и преданія ихъ были единственнымъ руковод-

ствомъ. У нихъ были и родовые наслѣдственные начальники также какъ и у прочихъ Американцевъ; но власть ихъ была ограничена, и весьма условна, такъ, что имъ повиновались только тѣ, кто хотѣлъ. Власть ихъ состояла въ томъ, что они могли отрядить людей на какое либо дѣло для общей пользы, дѣлить выкинутаго кита, собрать воиновъ въ случаѣ надобности, и предводительствовать въ сраженіи съ непріятелемъ; но здѣсь они должны показывать себя храбрѣе другихъ и идти всегда впереди всѣхъ; впрочемъ доброму, храброму и расторопному повиновались всегда и весьма охотно, и все, что пріобрѣтали, то дѣлежъ онаго предоставляли въ полную волю и власть его; нерасторопныхъ же и худыхъ даже лишали при дѣлежахъ и собственной ихъ части.

Празднества и игрища.

Для празднествъ особенныхъ дней или назначеннаго времени не было; но всегда какой нибудь случай былъ причиною ихъ, напримѣръ: пріѣздъ постороннихъ людей, гостей, возвращеніе своихъ изъ дальнаго пути, побѣда надъ непріятелемъ, не обыкновенная удача въ промыслѣ и проч.

Празднество состояло обыкновенно въ сценическихъ представленіяхъ, при пѣсняхъ и бубнахъ; тогда употреблялись и маски, личины разныя и всѣ промысловыя орудія и вещи, смотря потому, что

Обычаи. представляютъ пляшущіе. Не рѣдко при такихъ празднествахъ бывали и шаманства. И вообще при всѣхъ игрищахъ и празднествахъ перводѣйствующими лицами всегда были шаманы.

Всякое празднество обыкновенно заключалось, а иногда и начиналось угощеніемъ, которое состояло единственно только въ пищѣ изъ мѣстныхъ произведеній. Всѣ морскіе звѣри, кромѣ китовъ плавуновъ, всѣ птицы, кромѣ ястреба, орла и чайки, всѣ рыбы и всѣ извѣстныя здѣсь ягоды и коренья употреблялись въ пищу, но лакомое блюдо было и есть: истолченный корень сараны съ ягодами и жиромъ.

Войны. У Атхинцевъ была еще особенная игра, или вечерки, *мстительная*, на которой были дѣйствующими лицами только личные враги, или соперники. Чтобы сдѣлать такую игру, соперники, заблаговременно къ тому дѣлали приготовленіе, которое состояло въ сочиненіи и составленіи пѣсенъ и плясокъ, укоризненныхъ, ругательныхъ и насмѣшливыхъ.

Когда съ обѣихъ сторонъ все было готово, тогда обиженный составлялъ вечерку и приглашалъ на нее своего соперника, съ его помощниками, въ пѣсняхъ и пляскѣ, и постороннихъ людей. Встрѣча соперника и всѣхъ гостей была пріятельская, и было обыкновенное угощеніе; послѣ угощенія

начиналась вечерка обыкновенными пѣснями; но тутъ-то мало по малу начинали выражаться обиды, оскорбленія, и злоба враговъ, въ приготовленныхъ ими пѣсняхъ и пляскахъ, гдѣ они старались одинъ другаго превзойти въ своихъ выраженіяхъ. И отъ того таковыя игры не рѣдко оканчивались явными ругательствами, дракою и даже убійствомъ.

И Атхинцы также говорятъ, какъ и Уналашкинцы, что было у нихъ время, когда всѣ они жили мирно и дружно, съ своими сосѣдями, но впослѣдствіи, по разнымъ случаямъ, у нихъ начались оскорбленія, потомъ ссоры, а наконецъ подъвидомъ мщенія за обиду начали нападать другъ на друга, истреблять, гдѣ и какъ только могли; и только постоянное пребываніе у нихъ Русскихъ заставило ихъ прекратить междоусобія и убійства; а принятіе ими Христіанства совершенно опять ихъ примирило, сдѣлало братіями, связало любовію, бо́льшею чѣмъ прежде. Самые сильные и страшные враги Атхинцевъ до прибытія Русскихъ, были ихъ сосѣди Уналашкинцы, которые, будучи многочисленнѣе ихъ, весьма много истребили ихъ.

Первою причиною къ ссорѣ между ними, говорятъ, былъ слѣдующій случай: одинъ изъ Уналашкинцевъ былъ женатъ на Атхинской урожденкѣ и имѣлъ отъ нея сына, по несчастію, объ одной только рукѣ,

Обычаи. такъ родившагося. Въ одно время, родственники и родные братья жены его, проѣжжая мимо жилища зятя своего, заѣхали къ нему; а онъ въ это время находился въ дальней отлучкѣ. Пріѣжжіе дяди и родственники, увидѣвъ своего безрукаго племянника, начали надъ нимъ насмѣхаться; привязавъ ему вмѣсто руки надутый пузырь заставляли его плясать и проч. Матери такія насмѣшки, которыя можетъ быть были совсѣмъ не отъ злаго сердца, показались обидны; но она не показала вида оскорбленія; и гости уѣхали въ покоѣ безъ всякаго подозрѣнія на свою сестру; когда же возвратился мужъ ея, она тотчасъ разсказала ему все, что дѣлали ея родственники съ ихъ несчастнымъ сыномъ. Мужъ ея оскорбился этимъ до раздраженія. Собравъ нѣсколько своихъ родственниковъ онъ отправился къ своимъ оскорбителямъ, съ тѣмъ, чтобы отмстить имъ; и онъ исполнилъ свое намѣреніе весьма легко; ибо тѣ совсѣмъ не ожидали такихъ гостей и съ такимъ намѣреніемъ.

Это первое мщеніе подало поводъ вооружиться и Атхинцамъ на Уналашкинцовъ, и сдѣлать такое же нападеніе, которое въ первый разъ вѣроятно такъ же было удачно.

Послѣ того, натурально, Уналашкинцы, считая себя обиженными, напали на Атхинцевъ и отъ того вражда между

Уналашкинскими и Атхинскими начала усиливаться, и наконецъ дошла до того, что гдѣ бы они не увидали другъ друга, нападали и истребляли; но Атхинцы терпѣли гораздо болѣе, потому что они были и малочисленнѣе и часто въ разъѣздахъ; не смѣя дѣлать нападеній на жилища враговъ своихъ, они могли нападать только на тѣхъ изъ нихъ, которые случайно отлучались изъ своихъ селеній за промыслами въ лѣтнее время: напр. на Сигуамѣ, Амлѣ и Амухтѣ. Уналашкинцы же каждое лѣто пріѣзжали къ Атхинцамъ открытою силою, въ числѣ отъ 50 до 100 однолючныхъ байдарокъ, и нападали на нихъ и истребляли, такъ, что наконецъ Атхинцы, не имѣя возможности ни отомстить, ни противустоять своимъ сильнымъ врагамъ, принуждены были на лѣто укрываться въ свои крѣпости, т. е. на неприступные утесы и кекурья и отсиживаться. Но Уналашнинцамъ иногда удавалось и тутъ одерживать верхъ и побѣду, долговременною осадою.

Острова Сигуамъ и Амля болѣе и чаще бывали театромъ войны ихъ.

Атхинцы же, не имѣя возможности дѣлать нападенія на Уналашкинцовъ, въ свое время, нападали на слабѣйшихъ своихъ сосѣдей *Крысьевскихъ* и *ближнихъ* и до *Атту* и также истребляли ихъ.

Обычаи.

Въ сраженіяхъ они употребляли тѣже оружія, что и Уналашкинцы, т. е. стрѣлки, копье и луки.

Съ плѣнными, особливо съ мущинами, Атхинцы поступали весьма жестоко; и счастливы были тѣ плѣнные, которыхъ дѣлали рабами. Иначе ихъ живыхъ жгли на огнѣ, парили на раскаленныхъ камняхъ, стягивали рѣмнями и проч.

Мысли, какія они имѣли, при первомъ свиданіи съ Русскими.

Атхинцы, такъ какъ и ихъ сосѣди Уналашкинцы и другіе Американцы, пока не видѣли Европейцовъ, думали, что въ цѣломъ мірѣ только они одни живутъ, и нѣтъ нигдѣ людей кромѣ ихъ; и потому перв..е прибытіе Русскихъ къ Атхинцамъ было для нихъ явленіемъ необыкновеннымъ: всѣ произведенія и дѣйствія Русскихъ, не понятныя имъ, они считали сверхъестественными; и отъ того, въ первое время, они, Русскихъ называли духами или дьяволами (Кѹганъ); мнѣніе это отчасти поддерживали и сами Русскіе своими жестокими и насильственными поступками съ Алеутами. Всѣ вещи Русскихъ, которыя имъ нерѣдко случалось находить на берегахъ съ разбитыхъ судовъ, они считали не иначе какъ нечистыми, заколдованными, дьявольскими; и когда находили ихъ, то тотчасъ или бросали въ море или сожигали.

Точно тоже они думали и о желѣзѣ и мѣди, которыя они, по словамъ ихъ, нахо-

дили на берегахъ своихъ еще за долго до прибытія Русскихъ (вѣроятно также съ какого нибудь погибшаго у береговъ ихъ судна, и вѣроятнѣе Японскаго или Китайскаго), строго возпрещали употреблять ихъ на что либо; но гдѣ запрещеніе, тамъ и нарушеніе запрещеній; такъ и изъ Алеутовъ находились смѣлчаки, которые, не смотря на запрещенія и кары, которыя имъ предсказывали за нарушеніе, отваживались употреблять ихъ въ свою пользу, выдѣлывая изъ нихъ (камнями) копья, носки для стрѣлокъ, ножи и проч. Но выдѣлка эта всегда производилась тайно, въ уединенномъ мѣстѣ, со страхохъ и частыми омовеніями.

Но потомъ когда болѣе ознакомились съ Русскими и узнали, что Русскіе такіе же люди какъ и они, тогда перестали считать желѣзо, мѣдь и всѣ прочія чужеземныя вещи нечистыми, перестали и Русскихъ называть духами или дьяволами, но дали имъ названіе салигъгинъ, т. е. *шапошники или въ шапкахъ*, съ *покрытою головою;* такое названіе Русскимъ они дали потому, что Алеуты мущины, въ прежнемъ быту ихъ, никогда не покрывали голову, выключая того, когда они ѣздили въ байдаркахъ; и шапка была принадлежностію ѣздока въ числѣ другихъ вещей и орудій, употреблявшихся при поѣздкѣ въ байдаркѣ.

Пѣсня Ахтинскихъ Алеутовъ *.

Маямȣлухъ мадáӈисъ маӈанъ ȣ́ага тӥӈъ аӷȣеихъ, аю́гсихъ аӈалӥкиӈáнъ.

Аладáлихъ икъяӷилик ȣкиӈанъ, алгакъ кадакъ инихсӥнахъ касадасалихъ айтахтахтàкȣхъ ȣкȣхтàлихъ;

Аӈàданъ тиӈъ аникàсихъ аӈгилакалинàкиӈъ:

Маяӷȣлахъ аӽтагáлимъ манáӷнатхинъ масаликалка̀ анухталка;

Манáӷнаниӈъ малидáкиӈъ анȣхтáсалихъ йкъяӈъ ȣкаӈанъ аӈадагáнъ ȣӷáлȣхъ идгӥсихъ, кигаслӥлихъ ачидáлихъ;

Ӈáнъ тӥӈъ икъяӷӥсха; илаӷáнъ аӷáлка

Какъ то дѣлаетъ не удалый, чтобы также сдѣлать, я скрылся и поѣхалъ;

И когда оглядываясь я ѣхалъ, увидѣлъ звѣря сивуча, что онъ ловко выныриваетъ;

Остановившись противъ его, я сталъ думать:

Хотя и не удалому, но кажется можно учинить надъ нимъ что хочется;

И думая, что въ предпріятіяхъ моихъ и мнѣ удавалось, взялъ съ кормы моей байдарки стрѣлку, снялъ ножны (съ носка) и положилъ предъ собою,

Поѣхалъ и приближась къ нему, стрѣ-

* Сію пѣсню самъ поетъ тотъ, кто приготовляется плясать.

ѹталѹхтагаликѹнгъ, ѹга-лѹхъ илянъ чангатла-канка акѹнгъ;

Тхинъ атангнилъ а-манѹсъ агакѹхъ,

Агалаганъ икъягилихъ, ѹгалѹдагдагаликѹнгъ, анагисъ масала-канка инимавъ ѹга-лѹнингинъ кадалисал-ка.

ѹкѹгинъ алагагта таманъ тингъ агѹеихъ аюгласахъ акѹкинганъ;

Кинъ ѹкѹнганъ ала-еагдагалилигъ агалихъ;

Аеихъ кидагинъ агѹ-кѹма, кидалидахъ ли-дахъ тѹталихъ.

Анѹсъ аникакада-мингъ, тананѹганъ ти-нгъ икъягисихъ, тана-нѹлихъ чалакѹкинганъ,

Амакѹхъ агатикихъ кагагталкихъ, кѹгаса-нангъ анѹхтадакингъ,

лилъ его, но стрѣлку не посадилъ въ него;

Онъ остервенился и нырнулъ,

Я за нимъ ѣхалъ и стрѣлялъ въ него, но ничего не могъ сдѣлать съ нимъ, какъ только перепортилъ носки у стрѣлокъ моихъ.

Хоть я поѣхалъ съ тѣмъ только, чтобы никого мнѣ не видѣть;

Но я озирался, какъ бы кого увидѣть, и не увидалъ;

И если бы было мнѣ съ кѣмъ плакать, то я такъ, былъ въ такомъ состояніи.

Постоявъ тутъ, поѣхалъ домой; пріѣхавъ, когда я присталъ на берегъ,

Обратилъ свои уши къ прислушиванію того, что я любилъ, и

чáякъ ќкинъ тѹтѹсикъ агитáликъ áгалихъ, тѹнѹнáкихъ тѹталáканъ.

Инáя малгáлилихъ анѹхтáнанъ ахтакѹ́нинъ мáлихъ áнѹнъ ахтакѹхтхи́чихъ ѹ́ая.

А́лихъ чáячихъ сѹ́лихъ агиѓтхичихъ а ѹ́ай.

считалъ себя искусникомъ въ ономъ, къ голосу бубна и не услышалъ.

Такъ! какъ я думалъ, такъ и есть, что вы здѣсь вотъ находитесь.

И такъ возмите свои бубны и воспойте.

Здѣсь плясунъ перестаетъ пѣть, и предсѣдящіе начинаютъ бить въ бубны и пѣть; онъ же пляшетъ и представляетъ промышленника.

Повѣсть.

Танáгамъ танаѓанáганъ кѹ́ганъ, ѹлѓѹсихъ и́лахтамъ тайнѓѹ, Каѹаланисъ лали́лка акѹ; амѹкѹсъ Ка ѹалáнисъ агáлимъ адагáнъ атхи́съ áгалихъ, лáнъ ѹкѹлакáѓимъ мáлихъ Каѹалáнихъ ѹгалѹлъ асхатдалихъ ахтаѓали́кѹмъ, лáнъ ѹкѹлаканъ аѓити́кѹманъ. ѹнлѹдамъ тѹйнѓѹ, итхаѓчхикахъ áсахта, ѹладáгимъ тайнѓѹ асагахтанахъ мáлихъ слѹганъ áсаѓанъ áданъ ѹáлихъ акадáмъ исѹѓсаѓѹлѹѓинъ и́линъ чалáлихъ тхинъ исѹѓсаѓѹкали́кѹмáнъ, áманъ асагá исѹѓсаѓѹмá-

ґанъ ама́нȣна́ганъ а́манъ ака́сха, асага́нъ а́ґта акаталака́ка асха́сха акада́манъ ихча́лка саґа-канъ; Калаґтака́ акаса́ґанъ а́данъ аю́гсха слȣ-ганъ агакȣ́нъ, асаґа́нъ а́кȣхъ ґȣма́салка саґа-ка́нъ ахта́кȣхъ ȣкȣ́лихъ, ки́дамъ ина́чаґи́ȣлюкъ и́гимъ мани́лихъ кинґȣ́намъ иґана́ агȣхта́лихъ анґаги́манъ икȣґадȣсанахъ ахта́кȣмъ иґада́хъ.

Переводъ повѣсти.

На островѣ *Танага*, и на мѣстѣ, называемомъ ȣлґȣсахъ, у жителя Уналашкинцы увезли сына; почему тотъ и погнался за ними, но не находилъ своего сына; и отъ того какого Уналашкинца ни догонялъ, застрѣливалъ до смерти; но все не нашелъ своего сына. (Потомъ) житель острова Огљюды, по имени *итхачикахъ* былъ братанъ жителю островка *Соленаго* *; и потому поѣхалъ побывать у него; прибывъ туда присталъ на нерпечьи лежбища и началъ промышлять нерпъ; но въ этоже время (тотъ) его братанъ, отправившійся также за промысломъ нерпъ, увидя тутъ его, и не зная, что онъ есть его братанъ, убилъ его и возвратился. На утро поѣхалъ

* Не большой островокъ, находящійся предъ заливомъ Коровинскимъ, острова Атхи.

къ нему узнать кто именно убитый, и узналъ, что онъ убилъ своего родственника; почему и впалъ въ безконечный плачь и въ страшное горе, чѣмъ, сказываютъ, кончилъ жизнь свою.

Сказка.

Ата́канъ анг̓а́г̓икъ малга́кȣмъ асага́мъ анг̓агана̀ ȣги́нъ а́сихъ саг̓а́г̓та масихъ акада́мъ, и́гимъ алг̓ȣни́салихъ; ȣма́кȣсъ кȣги́нъ анка́лихъ танг̓а́гимъ чиг̓ти́ганъ ӈа́га и́гимъ ȣла́салихъ, сȣг̓ана́лихъ акада́мъ сȣганака́тхинъ ина́сихъ, и́гимъ айгахтȣса́лихъ айгагсми́кȣмъ агȣ́г̓ȣкъ агȣг̓ȣхта́кȣхъ ила́нъ аг̓а́лихъ ӈа́нъ тȣнȣхтакали́нахъ; ȣ̑ ама́лихъ а́ȣ̑ анъ ȣги́нъ инака́мъ агȣманилика́нъ а́кȣхъ, и́гимъ киг̓ȣхтани́лихъ, ȣма́кȣсъ кȣли́нъ а́ȣ̑ анъ агȣ́г̓ȣкъ лагȣ́далихъ ȣ́данъ ȣги́нъ ада́нъ ȣкȣни́г̓та маӈи́лихъ а́кȣмъ; ама́нъ агȣ́г̓ȣмъ ӈанъ тȣнȣхтака́: Иӈамагȣ́нъ ȣ́данъ тана́къ ала́гсхикъ каганȣда́г̓анъ айгаги́г̓та ӈанъ их̓та́лка; ка́юхъ мадгȣхта́г̓исъ ӈа́нъ их̓така̀; ма́лихъ айгагигȣ́нъ тȣ́лȣтȣлȣмъ иля́нъ аг̓агȣ́нъ чȣх̓така́тхинъ атхȣли́ӈисъ и́гимъ тȣмса́лалихъ, а́манъ тȣ́лȣтȣлȣмъ аӈа́да тхи́нъ ȣсаса́г̓анъ агнахъ, ӈа́нъ и́сах̓талка; ка́юхъ ȣ́макадагȣ́мъ айгасмикȣмъ кичитȣкдата́г̓анъ илага́нъ аг̓агȣ́мъ на́ганъ канȣ́г̓анъ а́г̓нах̓ъ ӈанъ и́сах̓талка, малихъ ада̀ ȣкȣта́лка ама́нȣнъ каӈȣка́нъ ада́ ȣкȣ-

тàлихъ амàӈȣнъ àг̑та ӈàнъ их̑тáлка; ȣ амáкȣмъ áманъ сȣ́лга амгих̑такадагȣ́нъ амáганъ исáг̑анъ áг̑нах̑ъ ӈáнъ и́сах̑талка ака; малихъ и́гимъ их̑-тáкасъ ȣсȣнисъ мáлихъ акадáмъ ихчи́лихъ ȣги́нъ áсихъ тхи́нъ акáсихъ áгимъ ȣ акȣсъ сȣ-г̑анакáтхинъ ӈàнъ àх̑сихъ àкȣмъ тáманъ ȣги́ганъ аӈáданъ áлȣлка, амáкȣсъ сȣг̑анакáӈисъ иля́нъ сȣ́лка и́г̑имъ аягáсамáяка и́лах̑тадах̑ъ.

Переводъ сказки.

Была одна женщина, которая подговорила сестренницу свою ночевать съ ея мужемъ; но послѣ одумавшись, убѣдилась совѣстiю; почему и отправилась и поселилась въ медвѣжьей берлогѣ, гдѣ и продолжала свое рукодѣлiе, и когда кончила оное, отправилась оттуда; идучи, наконецъ пришла къ богу, который находился въ упражненiи своемъ, и начала ему говорить; что такъ сама она довела своего мужа до того, что ей трудно дойти до него, и потому она, его бога, усердно проситъ, чтобы онъ обратилъ его къ ней; на что и говорилъ ей оный богъ: если ты такъ, то по сей моей землѣ Аляксѣ ступай на востокъ; говоритъ ей также, что дѣлать, т. е. ежели идучи, дойдетъ она до болота, то бы свернувшись въ свою

одежду катилась по оному болоту, (также говоритъ ей) потомъ, если идучи, дойдетъ она до вертящагося круга, то бы вошла въ него, и къ которой сторонѣ обратившись войдетъ туда, къ той же обращаясь, что бы пребывала тамъ; такимъ образомъ если трудно будетъ ей отъ онаго шуму, то бы вышла оттуда, (говоритъ ей); она же исполнивши все то, что ей говорили, возвратилась къ мужу; съ коимъ увидясь, отдала ему свое рукодѣліе; и онъ улыбнувшись ей, принялъ отъ нее рукодѣліе, и тогда уже совершенно взялъ ее въ жены.

II.

Записки о Колошахъ.

Подъ именемъ *Колошъ* или *Колюжей* извѣстны народы, населяющіе сѣверозападный берегъ Америки, отъ 45° до 60° градусовъ, т. е. отъ рѣки Колумбіи до горы св. Иліи, и преимущественно живущіе по островамъ, прилежащимъ къ материку Америки, и извѣстнымъ подъ именемъ *Архи-*

пелага Принца Валлійскаго и Короля Георга III *.

Происхожденіе ихъ.

Колоши совсѣмъ другаго происхожденія, нежели Алеуты и всѣ прочіе народы, населяющіе Россійскую Америку. Это показываетъ ихъ наружный видъ, который очень рѣзко отличается отъ тѣхъ: большіе, черные и открытые глаза, лице правильное, нескуловатое, ростъ вообще средній, важная осанка и поступь *грудью впередъ* — ясно показываютъ, что они не Монгольскаго, т. е. не того происхожденія, къ которому принадлежатъ Алеуты и прочіе сѣверо-Американскіе народы; но совершенно особаго, *Американскаго.*

И преданіе Колошъ о первоначальномъ происхожденіи ихъ не противорѣчитъ этому мнѣнію. Ситхинскіе Колоши, говорятъ: что они пришли, не съ запада, какъ Але-

---

* Народы же, обитающіе на самомъ материкѣ Америки, извѣстны намъ подъ именемъ *Тундровскихъ*, а Колоши ихъ называютъ к*ȣнанá*, т. е. сѣверные или *атакȣан*, т. е. *тамъ въ сѣверной сторонѣ, гдѣ небо сходится съ землею.* Тундровскіе Американцы, образомъ жизни, одеждою и языкомъ, совершенно отличны отъ Колошъ; но вѣра и обычаи (кромѣ Калуги въ нижней губѣ у женщинъ) тѣже, что и у Колошъ.

Происхожденіе и названіе. уты, но съ востока, съ береговъ Америки, находящихся противъ Шарлотскихъ острововъ.

Названіе. Колоши сами себя называютъ *тлинкит* съ прибавленіемъ *антъкъан*, т. е. *люди повсемѣстные*, или люди всѣхъ селеній. Но откуда они получили названіе Колошъ или *Колюжей*? не извѣстно. Англичане ихъ называютъ: или общимъ именемъ *Индѣйцовъ* (Indiens), или — street natives, т. е. *урожденцы проливовъ* (Принца Валлійскаго и проч.). Правда, иногда можно услышать, что Колоша назоветъ себя или другихъ Колошъ *Коноша*; но слово *Коноша* есть испорченное слово Колоша.

И которое изъ словъ *Колоша* и *Колюжа* правильнѣе? Прежде же извѣстно стало, по описаніямъ, слово *Колюжа*, и если оно правильнѣе, то не потому ли Колошъ назвали *Колюжами* или *Калужами*, что у нихъ женщины имѣютъ *Калужки*? (такъ называемыя извѣстныя украшенія Колошенокъ на ихъ лицахъ). Слово *Калужка* происходитъ отъ Алеутскаго *Калуга*, которымъ называется всякая деревянная посуда, и которое давно уже принято и Русскими, живущими тамъ.

Сверхъ общаго названія *тлинкит*, Колоши имѣютъ еще названія по мѣстамъ, напримѣръ: Ситхинскіе Колоши называютъ себя *Ситхакъан* или правильнѣе *Шитка-*

кўан *), т. е. буквально: *живущіе тамъ, на морской сторонѣ острова, называемаго шиг.* Такъ и другіе съ прибавленіемъ къ мѣсту селенія слова *кўан.*, которое собственно значитъ *тамъ* или *тамошній* и прилагается къ названіямъ всѣхъ народовъ.

Число. Число Колошъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Америки, т. е. отъ Кайганъ до Якутата, нынѣ не простирается болѣе 6,000; до 1835 года или до появленія оспы, число ихъ было до 10,000.

Число селеній и жителей въ нихъ, есть слѣдующее:

1. Якутатское селеніе, и въ немъ до 150 душъ
2. Лтуйское или Аквецкое — — 200 —
3. Ледянопроливское селеніе — — 250 —

---

* Островъ Ситха Колошами называется *шиг* (что собственно значитъ сукъ у дерева), а мѣсто Ново-Архангельска, или гдѣ живутъ Ситхинскіе Колоши, называется *шитка* или *шитика*; *тка* или *тика* происходитъ отъ слова *атика на морской сторонѣ.* И такъ шитка или Ситха будетъ значить мѣсто на морской сторонѣ острова, называемаго Колошами *шиг*. Мысъ *оммани* (Ommaney) называется *шиглютў*, т. е. мысъ Ситхи. Проливъ, отдѣляющій Ситху отъ прочихъ острововъ, называется *шипе*, т. е. Ситхинскій проливъ.

Происхожденіе и раздѣленіе на роды.

4.	Чилкатское — — — — —	200 —
5.	Акутское — — — — —	100 —
6.	Ситхинское — — — — —	750 —
7.	Такуцское — — — — —	150 —
8.	Куцновское — — — — —	300 —
9.	Кекувское — — — — —	200 —
10.	Куюцкое — — — — —	150 —
11.	Генувское — — — — —	300 —
12.	Стахинское — — — —	1,500 —
13.	Тангасское — — — — —	150 —
14.	Кайганское — — — —	1,200 —
15.	Часинское — — — — —	150 —
16.	Санаханское — — — — —	100 —
		5,850

Такое же число полагаютъ въ *Насахъ* или *Назѣ* (мѣсто находящееся во владѣніи Англичанъ), т. е. до 6,000. На островѣ *Королевы Шарлотты*, или *Чирикова*, число жителей полагается въ полтора раза болѣе, нежели въ Назѣ, т. е. около 8,000. И такъ число всѣхъ Колошъ простирается до 25,000 и не менѣе 20,000 *.

* Народъ же живущій близь рѣки Колумбіи намъ извѣстенъ подъ именемъ Колумбійцевъ, и они также уже другаго происхожденія; потому что наружный видъ ихъ много разнится отъ Колошъ и подходитъ ближе къ Калифорнскимъ Индѣй-

Роды и поколѣнія.

Колоши раздѣляютъ себя и всѣхъ жителей материка, отъ Якутата даже до Индѣйцовъ новаго Албіона, на два главныхъ рода: одинъ, называемый *Вороній* родъ или родъ Эля, другой родъ *Куча* или родъ Канука. Колоши перваго рода называются на ихъ языкѣ Киксади; а другіе Циткуяти *. Первымъ именемъ нынѣ называется *воронъ*, а другимъ *волкъ*; но подъ именемъ Эля, или ворона, не разумѣется воронъ птица, но человѣкъ, носившій таковое названіе. Колоши волчьяго рода признаютъ своимъ родоначальникомъ не волка звѣря, но какого то Канука также человѣка (о немъ и томъ будэтъ сказано ниже).

Колоши, того и другаго рода, называ-

цамъ. Калги или рабы, находящіеся у Колошъ, почти всѣ сутъ Колумбійцы и, если судить по нимъ, то самое образованіе головы у тамошнихъ народовъ совсѣмъ не то какъ у Колошъ. Черепъ у калговъ обыкновенно или къ верьху вострый или чаще лѣвая сторона его гораздо болѣе выдается.

* Первые, на вопросъ: кого они признаютъ своимъ родоначальникомъ? Отвѣчаютъ Елахшукуа или Елтушкоа, т. е. *я держу* или *почитаю Эля*, или: *мы почитаемъ Эля*.

Происхожденіе и раздѣленіе на роды.

ютъ другъ друга, заочно кѹнéтканагй, т. е. не *нашъ* или *чужой*; но въ глаза называютъ *Ахсани* дядя, *Ахкáни* т. е. зять или шуринъ, (потому что они женятся не иначе какъ на чужеродной). А однородцы называютъ другъ друга Аххáнй, т. е. землякъ или Ахгакáѹ пріятель.

Оба рода Колошъ дѣлятся на нѣсколько *поколѣній*, называющихся именемъ какого нибудь звѣря, птицы, рыбы и другихъ животныхъ. Колоши, волчьяго рода, или правильнѣе сказать родъ канука, имѣетъ шесть главныхъ названій, и именно: *волчьяго*, *медвѣжьяго*, *орлинаго*, *косаточьяго*, *шарки*, и *старичка* (небольшой морской пѣтушокъ); а Колоши, волчьяго рода или Элева рода, имѣютъ названія: *вороньяго*, *лягушки*, *гуся*, *сивуча*, *филина*, *кижуча* (рыбы) и другихъ.

Колошенскія названія поколѣній вороньяго рода я не могъ узнать. А названія поколѣній волчьяго рода суть слѣдующія: каѹакаништáн, шекѹятй, нангагй, такікѹятй, кашкикиштáн, нѹшкиштáн, йттлентан, тѹциштан.

Всякое поколѣніе, того и другаго рода, еще подраздѣляются на нѣсколько *семействъ* или *меньшихъ родовъ*, носящихъ названіе по бараборамъ или селеніямъ, напримѣръ: нѹшкиштаны, кѹкиштаны, каѹакаништаны (или какъ называемъ мы кувон-

таны или кухантаны) и проч., каковыхъ названій чрезвычайно много.

Знаменитѣйшее изъ всѣхъ Колошенскихъ поколѣній есть *Волчее*; а въ нёмъ семейство или родъ *каȣакаништановъ* или *кухонтановъ*. Кухонтаны славились не какими нибудь подвигами, но только многолюдствомъ своимъ; число ихъ было такъ велико, что они имѣли еще свои подраздѣленія, какъ-то: кȣчита́н, аникигайштан, кȣкиштан, каȣ ǒиштáн и кхакаиттан; мѣсто жилища кухонтановъ нынѣ есть *Чилкатъ*; а прежде было еще другое, близь Леднаго пролива, называемое *Какна́у* *.

---

* Всѣ названія Колошъ, по животнымъ и барабо-рамъ, состоятъ изъ многихъ словъ. Послѣдній слогъ *тан* значитъ житель, *йт* — барабора или юрта. Значенія же начальныхъ словъ, по бараборамъ, суть слѣдующія: *кȣг* — волкъ; *аникига* состоитъ изъ словъ *ан* селеніе, *ик* — лайда или морской берегъ; *кȣк* ящикъ; *жаȣг* бубенъ; *кжака* — или кака на краю утеса; *каȣакан* сгорѣло огнемъ; и потому слово, или названіе: кухонтановъ или правильнѣе *каȣаканйш-тановъ*, нисколько не означаетъ солдата или воина, какъ мы привыкли называть ихъ, *но жителей бараборы*, которая *сгорѣла огнемъ*. Воинъ же называется атаȣтл, и можетъ быть не изъ

Происхожденіе и раздѣленіе на роды.

Всякое поколѣніе того и другаго рода имѣетъ *знаки* своего поколѣнія, которые, при большихъ игрушкахъ или праздникахъ, называемыхъ кхатаий, выставляются: или снаружи бараборы, или внутри въ переднемъ углу, или иногда начальствующій, при игрушкахъ, надѣваетъ на себя особенный нарядъ своего поколѣнія.

Знаки или гербы сіи представляютъ того животнаго, по которому слыветъ поколѣніе; и дѣлаются или изъ дерева, или изъ шкуры самаго животнаго; знаки сіи не измѣняются и никогда не могутъ переходить изъ одного поколѣнія въ другое, такъ напримѣръ въ волчьемъ родѣ, Кухонтаны, имѣютъ своимъ гербомъ *волка* и *орла*; Текѹяти и Нангаги — *медвѣдя*; Таклѹяти и Кашкикитаны — *косатку*; Нѹшкиттаны и Иттлентаны — *орла* или *старичка*; а Тѹциштаны — *шарку*.

одного поколѣнія волчьяго или рода кухонтановъ, но вообще изъ всѣхъ Колошъ. Названіе нѹшкиштан состоитъ изъ четырехъ словъ: нѹм крѣпость или укрѣпленное мѣсто, шки (отъ шаки) на горѣ и иш *тан* какъ сказано выше. Въ названіяхъ, по звѣрямъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, замѣтно другое окончаніе *кѹяти*, которое означаетъ *родъ* или *порожденіе*.

По симъ знакамъ часто Колоши называютъ и родъ свой, такъ напримѣръ: *косаточьяго* рода, *медвѣжьяго*, *орлинаго* и проч.

Таковое раздѣленіе Колошъ на *роды*, *поколѣнія* и *семейства* или *меньшіе роды* даетъ поводъ къ догадкамъ, что они, первоначально, произошли отъ двухъ семействъ, въ коихъ главными были *Эль* и *Канукъ*; дѣти ихъ назывались именами птицъ, звѣрей и другихъ животныхъ; потомство ихъ сначала жило все вмѣстѣ, но въ разныхъ бараборахъ или жилищахъ, изъ коихъ каждая отличалась или видомъ, или положеніемъ своимъ на горѣ, подъ горою, на берегу моря, и проч. Но со временемъ, когда потомство ихъ умножилось, то члены семействъ или жителей одной бараборы, отдѣляясь другъ отъ друга, и чрезъ то дѣлаясь главами новаго поколѣнія, удержали или названіе той бараборы, въ которой они родились, или жили первоначально, или названіе того изъ дѣтей Эля или Кануки, отъ котораго они происходятъ. Названія сіи сохранились до нынѣ; а сами родоначальники ихъ, какъ первые ихъ прародители или лица, которыхъ они могутъ помнить, сдѣлались, во мнѣніи и преданіяхъ ихъ, не только родоначальниками людей, но и производителями или творцами всего того, что обыкновенные люди сдѣлать не могутъ.

Вѣра.

Колоши, какъ и всѣ сѣверо - Американцы, имѣютъ Шаманскую вѣру *.

Верховнымъ существомъ большая часть Колошъ признаетъ какое-то лице подъ именемъ *Эль* **, а не *Ель* или *Елкхъ*, какъ писали прежде. Эль, по вѣрѣ Колошъ, можетъ все сдѣлать, онъ сотворилъ все въ мірѣ: и землю и человѣка, и растѣнія;

* Основанія шаманской вѣры (сколько я могу судить, по разсказамъ Колошъ и другихъ дикарей) суть слѣдующія: держащіе сію вѣру признаютъ Творца вселенныя подъ тѣмъ или другимъ образомъ и названіемъ, но удаляютъ Его отъ міроправленія, между Творцомъ и людьми, они, поставляютъ нѣсколько разрядовъ духовъ добрыхъ и злыхъ, но кажется вмѣстѣ и добрыхъ и злыхъ, смотря по обстоятельствамъ, и все міроправленіе передаютъ имъ въ полную ихъ власть. *Духословіе*, въ шаманской вѣрѣ, кажется, есть существенная разность всѣхъ сектъ ея. Между духами и людьми, въ частности, посредники суть *шаманы*, которые будто бы имѣютъ сношенія съ духами и видятъ ихъ. Такова есть, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ своихъ, Колошенская вѣра и таковаже была Алеутская.

** Слово Эль или Эл, по произношенію своему, весьма близко къ одному изъ Еврейскихъ именъ Бога אל (Эл Богъ могущества).

онъ досталъ солнце, луну и звѣзды. Онъ любитъ людей, но часто, въ гнѣвѣ своемъ, насылаетъ на нихъ повѣтрія и несчастія. Эль существовалъ прежде своего рожденія; онъ не старѣется и никогда не умретъ; о существованіи его Колоши каждогодно получаютъ извѣстія съ восточнымъ вѣтромъ. Настоящее его мѣстопребываніе есть тамъ, откуда дуетъ восточный вѣтръ (санахет), которое, Колоши, полагаютъ у вершины рѣки *Наса*, впадающей въ заливъ Назъ (составляющій нынѣшнюю границу между Русскими и Англійскими владѣніями въ Америкѣ). Мѣстопребываніе Эля, называемое Колошами На́сшакіе́л *, находится далеко внутри материка Америки. Эль имѣетъ у себя сына, но не знаютъ отъ кого и когда рожденнаго, сынъ его людей любитъ болѣе чѣмъ Эль и часто онъ своимъ ходатайствомъ у отца избавляетъ людей отъ гнѣва его. Онъ же даетъ людамъ пищу и рыбу.

Исторія жизни Эля съ людьми и слова и поступки его, для Колошъ, суть един-

---

* На́сшакиел состоитъ изъ трехъ словъ: *нас* имя рѣки, впадающей въ заливъ назъ, *шаки* (отъ ашак) вершина или начало рѣки, *ел* — имя самаго Еля.

Вѣра. ственные догматы ихъ вѣры и правила для ихъ жизни: *что и какъ дѣлалъ и жилъ Эль, такъ точно живемъ и мы*, говорятъ Колоши. И потому, при разсказѣ замѣчаній о Колошахъ, нельзя упустить изъ вида преданій ихъ объ Элѣ; и изъ собранныхъ мною разсказовъ объ немъ я здѣсь представлю нѣсколько изъ нихъ, и особенно стоющихъ замѣчанія.

Исторія Эля. Было время, говорятъ Колоши, когда не было свѣта; и всѣ люди ходили и дѣйствовали въ потьмахъ. Въ то время жилъ какой-то человѣкъ, который имѣлъ у себя жену и сестру. Жену свою онъ такъ любилъ, что не позволялъ ей заниматься ни чѣмъ, и она цѣлый день только что сидѣла или въ бараборѣ, или на улицѣ, на пригоркѣ, (какъ нынѣ обыкновенно сидятъ праздные Колоши). У жены его были восемь живыхъ маленькихъ птичекъ, красненькихъ, которыя водятся въ Калифорніи, Колоши ихъ называютъ *кун*) по четыре на сторонѣ *, которыя всегда были при ней, и которыя при самомъ скромномъ обращеніи ея съ другимъ мужчиною кромѣ мужа,

---

* А другіе, говорятъ: что ихъ было только четыре, по двѣ на сторонѣ; двѣ на груди подлѣ рукъ и двѣ ниже.

тотчасъ отлетали отъ нее. Мужъ ея былъ столь ревнивъ, что во время отсутствія своего запиралъ ее въ ящикъ. Онъ каждой день уходилъ на работу въ лѣсъ, гдѣ дѣлалъ баты или лодки, и былъ большой искусникъ этаго дѣла. Сестра его называвшаяся Китхъгинси (т. е. дочь водяной косатки) неизвѣстно отъ кого имѣла нѣсколькихъ сыновей; но подозрительный дядя всѣхъ ихъ истреблялъ одного за другимъ. Въ способѣ, коимъ истреблялъ дядя своихъ племянниковъ, Колоши между собою не согласны; одни (Ситхинскіе) говорятъ, что дядя коль скоро видѣлъ, что племянникъ его приходилъ въ зрѣлый возрастъ и особенно если замѣчалъ, что онъ начивалъ обращать свои взгляды на жену его; то бралъ его съ собою на промыселъ и отъѣхавъ на большое разстояніе отъ берега опрокидывалъ батъ, въ которомъ сидѣлъ его племянникъ. Другіе же Колоши (Ситхинцы) говорятъ, что онъ заколачивалъ ихъ въ выдолбленную колоду *, приготов-

* Чтобы сдѣлать батъ или лодку, обыкновенно прежде выдалбливаютъ лѣсину, на подобіе колоды или узкаго корыта; и потомъ, наливши въ нее воды, кладутъ горячіе каменья; и когда дерево начнетъ разопрѣвать, тогда *разводятъ* его и даютъ обыкновенную форму.

Вѣра.

ляемую для бата. Тѣмъ или другимъ образомъ, но вѣрно то, что подозрительный и безчеловѣчный дядя уже истребилъ нѣсколькихъ своихъ племянниковъ. И мать ихъ только, что плакала о потерѣ дѣтей своихъ; но не могла пособить своему горю. Въ одно время, она, въ новой печали сидѣла одна на берегу моря, и видитъ, что близь самыхъ береговъ проходитъ стадо косатокъ, (родъ китовъ) изъ коихъ одна остановилась и вступила въ разговоръ съ безутѣшною матерью; и узнавъ всѣ причины ея горести велѣла ей забресть въ воду, достать со дна камешокъ, проглотить его и запить морскою водою; и лишь только косатка удалилась отъ берега, китхѵгинси тотчасъ забрела въ воду, достала со дна маленькой камешокъ и проглотила нѣсколько воды, еще волнующейся послѣ ухода косатокъ. Одни Колоши (кукханъ) говорятъ, что косатка сама дала этотъ камешокъ, а другіе (шаманъ Акутацынъ), что она сама нашла его гдѣ-то. Слѣдствіемъ сего необыкновеннаго пріема было то, что Китхѵги́нса сдѣлалась беременна, и чрезъ *восемь* мѣсяцовъ родила сына, котораго она считала за обыкновеннаго человѣка, но это былъ *Эль*. Мать его прежде нежели родила его скрылась отъ брата своего въ тайное мѣсто.

И когда Эль началъ подрастать, то мать сдѣлала ему лукъ и стрѣлки и нау-

чила употребленію ихъ. Эль полюбилъ это упражненіе и очень скоро сдѣлался искуснымъ стрѣлкомъ до того, что ни одна птичка не могла пролетѣть мимо его; и онъ однихъ только колибри напромышлялъ столько, что мать его могла сдѣлать изъ нихъ себѣ парку; и чтобы вполнѣ удовлетворять своей охотѣ, Эль, сдѣлалъ для этаго особенную маленкую ловчую бараборку. Въ одно утро, онъ, сидя тутъ на самой зорѣ, видитъ, что подлѣ самыхъ дверей его сторожки сѣла большая птица, похожая на сороку съ длиннымъ хвостомъ и съ предлиннымъ, тонкимъ, блестящимъ и крѣпкимъ, какъ желѣзо, — носомъ, которую Колоши называютъ кѵцгатѵли (поднебесная птица). Эль тотчасъ убилъ ее и весьма тщательно снялъ съ нее шкуру, какъ обыкновенно снимаютъ для чучелы, и тотчасъ надѣлъ на себя. И лишь только онъ это сдѣлалъ какъ тотчасъ почувствовалъ въ себѣ охоту и способность летать; и тотчасъ быстро полетѣлъ вверхъ и летѣлъ до того, что носомъ воткнулся въ облако и повисъ такъ крѣпко, что едва могъ вытащить свой носъ. Послѣ того онъ спустился назадъ въ свою бараборку, снялъ съ себя шкуру и спряталъ ее. Въ другое время, онъ, такимъ же образомъ убилъ большую утку и снявши съ нее шкуру надѣлъ ее на мать свою; и мать его также лишь только надѣла на себя шку-

Вѣра. ру утки, тотчасъ получила способность плавать по морю.

Когда Эль пришелъ въ совершенный возрастъ, мать его разсказала ему о всѣхъ поступкахъ его дяди. Эль лишь только услышалъ это, тотчасъ пошелъ къ своему дядѣ, и въ то время, когда тотъ обыкновенно уходилъ на свою работу, онъ вошелъ въ барабору разкрылъ ящикъ, въ которомъ заперта была жена его дяди, и — птички тотчасъ отлетѣли отъ нее. Дядя, возвратившись домой и увидѣвъ все произшедшее, чрезвычайно разсердился. Но Эль спокойно сидѣлъ и даже не тронулся съ мѣста своего. Дядя тотчасъ вызываетъ его изъ бараборы, садится съ нимъ въ батъ и ѣдетъ въ такое мѣсто, гдѣ множество всякихъ морскихъ чудовищъ; и пріѣхавши туда тотчасъ бросилъ его въ морѣ, и думалъ что опять сбылъ съ рукъ новаго своего врага. Но Эль по дну моря вышелъ на берегъ и опять явился у дяди. Стахинцы говорятъ, что дядя заколотилъ его въ колоду, приготовленную для бата; и Эль собственною силою разломалъ ее и вышелъ. Дядя видя, что не можетъ погубить своего племянника обыкновеннымъ образомъ, во гнѣвѣ своемъ сказалъ »*будь потопъ*.« И вода начала выступать изъ береговъ и подыматься выше и выше. Но Эль, надѣвши на себя шкуру сороки, полетѣлъ къ облакамъ и также, какъ и

прежде, воткнулся въ нихъ носомъ и провисѣлъ до тѣхъ поръ, пока не прекратился потопъ и не высохла вода, которая покрывала всѣ горы и возвышалась даже до облаковъ столько, что хвостъ и крылья у самаго Эля были въ водѣ. По совершенномъ прекращеніи потопа, Ель, началъ опускаться на землю съ легкостію пера, и опускаясь думалъ: ахъ какъ бы мнѣ упастъ на хорошее мѣсто; и упалъ тамъ, гдѣ заходитъ солнце. И упалъ не прямо на землю, но въ море, на морскую капусту (киш), съ которой перевезъ его морской бобръ. Но Стахинцы говорятъ, что онъ упалъ на Шарлотскіе острова, и здѣсь онъ, набравши въ носъ щепокъ дерева, чаги *, полетѣлъ по прочимъ островамъ, и гдѣ онъ бросилъ щепки чаги, тамъ и родится это дерево; а гдѣ не бросилъ, тамъ и нѣтъ его.

Послѣ сего начинаются похожденія Эля въ семъ свѣтѣ и его дѣла въ немъ. Исторія всѣхъ похожденій его чрезвычайно обильна произшествіями и кудесами, такъ, что (какъ сказалъ одинъ Колоша) одинъ человѣкъ не можетъ знать ихъ всѣ.

---

* *Чага* (дерево) или *исполинская сосна* весьма цѣнна для Колошъ тѣмъ, что изъ нее преимущественно дѣлаются ихъ баты или лодки.

Вѣра.

По паденіи своемъ на землю, послѣ потопа, Эль, по разсказамъ Ситхинцовъ, пошелъ къ востоку и въ одномъ мѣстѣ, найдя мертвыхъ мальчиковъ оживилъ ихъ щекотаніемъ въ носу волосомъ, который онъ вырвалъ у одной какой-то женщины; въ другомъ мѣстѣ онъ поссоривъ чайку съ цаплею, посредствомъ этаго досталъ *сакъ* рыбу *, которой потомъ далъ ему какой-то старикъ, обладатель *сика*, цѣлой батъ и подарилъ ему батъ и проч. Но изъ всѣхъ его похожденій и дѣлъ весьма замѣчательно то, какъ онъ досталъ свѣтъ.

Происхожденіе свѣта.

Въ то время, когда происходили выше-сказанныя чудеса, свѣту все еще не было на земли; но онъ былъ у одного богатаго и сильнаго Тоэна въ трехъ ящичкахъ, которыя онъ хранилъ очень тщательно и никому не дозволялъ даже дотрогиваться до нихъ. Эль, узнавъ это, непремѣнно захотѣлъ достать свѣтъ и досталъ.

У этаго Тоэна была единственная дочь, дѣвица, которую онъ любилъ чрезвычайно, лелѣялъ и берегъ какъ глазъ, до того, что ни позволялъ ей ни пить ни ѣсть

---

* Родъ корюшки, изъ которой Колоши обыкновенно вытапливаютъ жиръ для употребленія въ пищу, и который считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ.

безъ того, чтобы не осмотрѣть прежде тщательно пищу и питье ея. Достать отъ Тоэна свѣтъ, можно было не иначе какъ быть внукомъ его и Эль принялъ намѣреніе родиться отъ его дочери; и исполнить это намѣреніе для него было не трудно; потому что онъ имѣлъ способность оборачиваться всемъ, чѣмъ онъ хотѣлъ, т. е. птицею и рыбою и травочкой, и проч. (Но видъ ворона онъ принималъ чаще всѣхъ). И потому, онъ, однажды обернувшись самою малѣйшею травочкою прильнулъ къ краю чашки, изъ которой обыкновенно пила дочь Тоена; и когда она, по обыкновенномъ осмотрѣ всѣхъ приставленныхъ къ ней, начала пить изъ этой посуды, то Эль тотчасъ проскочилъ ей въ горло; и какъ онъ ни былъ малъ въ травиночкѣ, дѣвица тотчасъ почувствовала, что она, что то проглотила; и какъ ни старалась извергнуть вонъ выпитое, но никакъ не могла. Слѣдствіемъ этаго было то, что она сдѣлалась беременною. И когда пришло время родить ей; то отецъ приказалъ подослать подъ нее бобровъ и разныхъ товаровъ; но беременная не могла разрѣшиться, не смотря ни на какія старанія отца и всѣхъ прислуживающихъ. Наконецъ какая - то предревняя старуха повела ее въ лѣсъ, и приготовя подъ лѣсиною постель изъ обыкновеннаго моху, положила ее на ней; и лишь только она легла на

Вѣра. мохъ, тотчасъ и разрѣшилась отъ бремени сыномъ.

Ни кто не зналъ, что новорожденное дитя былъ Эль; дѣдушка чрезвычайно обрадовался рожденію внука и полюбилъ его кажется еще больше дочери своей. Когда Эль началъ понимать, то онъ однажды чрезвычайно расплакался такъ, что ни кто и ни чѣмъ не могъ утѣшить его; что ни дадутъ ему онъ все бросаетъ и кричитъ сильнѣе прежняго, и рукою своею показываетъ на то мѣсто, гдѣ висѣли три *ящика съ небесными свѣтилами.* Но дать ихъ было не возможно безъ особеннаго позволенія дѣдушки. Но наконецъ дѣдушка вынужденъ былъ позволить дать ему одинъ изъ ящичковъ. И когда дали Элю ящичекъ, онъ тотчасъ утѣшился, сдѣлался веселъ и началъ играть ящичкомъ, не выпуская изъ рукъ, и такимъ образомъ онъ, играя ящичкомъ вытащилъ его на дворъ продолжая играть имъ, и видя, что за нимъ не такъ строго смотрятъ, вдругъ открылъ крышку ящичка, и — тотчасъ явились звѣзды на небѣ; а ящикъ опустѣлъ. Дѣдушка, узнавши это пожалѣлъ о потерѣ своего сокровища; но внука не бранилъ, этою же хитростію досталъ Эль и другой ящикъ, въ коемъ хранилась луна. Наконецъ ему хотѣлось достать и послѣдній — самый драгоцѣнный ящикъ съ солнцемъ; и Эль употребилъ туже хитрость. Но дѣдушка ви-

какъ не хотѣлъ исполнить желанія своего внука, но Эль не переставалъ кричать и плакать, и пересталъ пить и ѣсть, и наконецъ сдѣлался отъ того нездоровъ. Дѣдушка сжалился надъ нимъ и велѣлъ дать ему и послѣдній ящичекъ и приказалъ строго смотрѣть за нимъ, чтобы онъ отнюдь не открывалъ его. Но Эль лишь только вышелъ на дворъ тотчасъ обернулся врономъ, а по словамъ другихъ (кукхана), онъ сдѣлался вдругъ взрослымъ мужчиною и изчесъ вмѣстѣ съ ящичкомъ, и явился на землѣ *своей* *. Въ одномъ мѣстѣ, Эль, проходя, слышитъ человѣческіе голоса, но никого не видитъ; потому что солнца еще не было. Эль спрашиваетъ ихъ кто вы такіе; и хотите ли вы, чтобы у васъ было свѣтло? Ему отвѣчаютъ, что онъ обманываетъ ихъ, и что онъ не Эль, который

* Замѣчательно, что эта сказка о полученіи свѣта врономъ чрезъ рожденіе отъ дѣвушки, извѣстна была и Лисьевскимъ Алеутамъ почти въ томъ же самомъ видѣ, выключая имени Эля, вмѣсто котораго играетъ роль воронъ птица. Этотъ Тоэнъ, хранитель свѣтилъ, жилъ гдѣ-то на высотѣ. Кто отъ кого перенялъ ее? Колоши ли отъ Алеутовъ или Алеуты отъ Колошъ? или тѣ и другіе отъ кого нибудь другаго?

Вѣра. одинъ только можетъ сдѣлать свѣтъ. Эль, чтобы увѣрить не вѣрующихъ, открываетъ крышку ящика и тотчасъ на небѣ является солнце во всемъ своемъ блескѣ. Но найденные имъ люди разбѣжались въ разныя стороны: кто въ горы, кто въ лѣсъ, кто въ воду, и отъ того сдѣлались звѣрями, птицами и рыбами, смотря потому кто куда убѣжалъ.

Происхожденіе огня. Огня также не было на землѣ; но онъ былъ среди моря на какомъ то островѣ. И Эль полетѣлъ туда въ шкурѣ своей сороки. Отыскалъ островъ, взялъ головешку въ носъ птичій; и полетѣлъ со всею быстротою птицы, но путь былъ такъ далекъ, что пока онъ летѣлъ на землю, взятая имъ головешка догорѣла и съ нею сгорѣло половина его носа. И лишь только Эль достигъ берега, тотчасъ бросилъ уголь на землю и посыпавшіяся искры попали въ камни и въ дерево. И отъ того нынѣ находится въ нихъ огонь.

Воды. Воды прѣсной, на островахъ и на материкѣ, также не было до Эля, но она была на одномъ небольшомъ островѣ *текикъм*, лежащемъ не далеко отъ мыса Омуни, (восточной мысъ острова Ситхи, по Колошенски шиглютъ), въ небольшомъ колодцѣ, на которомъ лежалъ безсмѣнный вѣчный стражъ канукъ — герой или родоначальникъ Колошъ Волчьяго рода. И Эль, употребя смѣшную хитрость (о чемъ будетъ

сказано въ сказкѣ о Канукѣ) досталъ воды, набравъ ее съ себѣ въ ротъ сколько возможно болѣе; и по выдержаніи страшной пытки полетѣлъ на Острова и материкъ Америки; и летая надъ землею ронялъ по каплѣ. И тамъ, гдѣ упали мелкія капли, текутъ нынѣ ручьи и ключи; а гдѣ упали большія капли, тамъ явились озера и рѣки.

Наконецъ Эль, совершивъ все, что нужно для людей, ушелъ на востокъ въ свое мѣсто Нáсшакиéль, какъ сказано выше, которое недоступно не только людямъ, но даже и самымъ духамъ. Это доказываютъ тѣмъ, что въ недавнія времена будто бы одинъ дерзкій духъ вздумалъ проникнуть туда, гдѣ живетъ Эль, и былъ наказанъ тѣмъ, что вся лѣвая сторона его *окаменѣла* отъ того, что онъ, простираясь впередъ, не озаботился смотрѣть въ сторону; и потому не замѣтилъ чертоговъ Эля. Но лишь только поравнялся съ ними, какъ тотчасъ постигла его кара ужасная, не слыханная, *полдуха окаменѣло!* Это же самое явленіе, и въ тоже время, показалось и на маскѣ, его изображающей, которая находится у одного Шамана въ *Чилкатѣ* (о чемъ будетъ сказано ниже *.

* Похожденія Эля здѣсь еще не всѣ вызсказаны;

Вѣра.

Исторію объ Элѣ, я слышалъ не въ одномъ мѣстѣ и не отъ одного Колоши, но въ разныхъ мѣстахъ (и въ Ситхѣ и въ Стахинѣ) и отъ разныхъ лицъ. Въ подробностяхъ раскащики иногда рознятся, какъ это и показано; но въ главныхъ обстоятельствахъ всѣ они согласны; и потому можно заключить, что исторія Колошъ объ ихъ Элѣ не есть вымыселъ какого нибудь одного или не многихъ; но преданіе общее и древнее.

Исторія жизни Эля и похожденій его и вообще вся Миѳологія Колошъ, — безъ сомнѣнія, есть ничто иное какъ бредъ ума человѣческаго, оставленнаго самому себѣ, и смѣсь вымысловъ, догадокъ, событій, преданій и сказокъ; но въ этомъ бредѣ и смѣси мрака и естественнаго свѣта, видны искры и истиннаго свѣта напр. Имя Героя или Бога ихъ, *Эль*, по произношенію своему близкое къ одному изъ Еврейскихъ именъ Бога; его чудное рожденіе отъ дѣвицы безъ мужа; гоненіе его отъ своихъ; насильственная смерть и избавленіе отъ смерти своею силою и проч. Оживленіе имъ умершихъ мальчиковъ; принесеніе свѣта на *его* землю;

чтобы собрать всѣ расказы объ немъ, надобно обойти всѣ селенія Колошенскія.

чаяніе и надежда на него ходившихъ въ тмѣ; уходъ его туда, откуда восходитъ солнце, и вѣчное его пребываніе и проч. Ясно показываютъ, что исторія Эля, извѣстная не однимъ Колошамъ, но и другимъ Американскимъ народамъ, есть ничто иное какъ Новобиблейскія событія, искаженныя вымыслами *. Но какъ и отъ куда перешли онѣ къ Колошамъ? рѣшеніе таковыхъ вопросовъ, останется еще не извѣстнымъ.

История Канука.

Преданіе Колошь о *Канукѣ* не столь опредѣлительно или отчетисто, какъ преданіе объ Элѣ. Или покрайней мѣрѣ оно неимѣетъ столько подробностей. Преданіе о Канукѣ представляетъ его какимъ-то таинственнымъ лицомъ, безъ начала и конца, и старше и могущественнѣе самаго Эля.

Канукъ былъ человѣкъ, который когда-то жилъ на одномъ безлѣсномъ островкѣ, называемомъ Колошами: *текинъм*, т. е. *морская крѣпость*, лежащемъ не далеко отъ мыса Омуни (*Оттапеу*), по Колошенски

* Проповѣднику истинной вѣры у Колошъ это обстоятельство можетъ послужить не маловажнымъ пособіемъ къ убѣжденію ихъ въ истиннѣ Христіанской Вѣры.

*

Вѣра. *Шиглютъ*, т. е. *мысъ Ситхи*. На этомъ островкѣ, по словамъ Колошъ, находится небольшой, четвероугольный каменный колодезь съ водою, закрывающійся каменною крышкою; внутри колодца, въ верхней части, въ камнѣ, видна узкая, горизонтальная полоса, совсѣмъ другаго цвѣта, нежели прочія части, которой въ первыя времена будто бы не было; а она сдѣлалась тогда, когда Эль выпилъ или укралъ воды изъ сего колодца. И на чертѣ оставшейся воды явилась эта полоса. Говорятъ, что даже и нынѣ находящаяся въ этомъ колодцѣ вода имѣетъ чудное свойство: она тотчасъ скрывается въ колодцѣ и появляется на берегу моря, если кто нибудь, *нечистый*, вымоетъ въ ней руки. Вода эта и то мѣсто, гдѣ она находится, нынѣ называется Канукйни, т. е. *Канукова вода*. Такое названіе, она, носитъ потому, что во время странствованія Эля по свѣту, и когда еще не было прѣсной воды на землѣ, т. е. на островахъ и материкѣ; тогда Канукъ хранилъ ее въ сказанномъ колодцѣ, и столь тщательно и крѣпко, что онъ построилъ барабору надъ нимъ, и даже спалъ на самой крышкѣ онаго.

Однажды, Канукъ, ѣдучи въ бату по морю, встрѣтился съ Элемъ, также ѣдущемъ въ бату, и спросилъ его: *давно ли ты живешь на свѣтѣ?* Эль отвѣчалъ ему,

что онѣ *родился на свѣтъ тогда; когда еще земля но была переставлена*. Давно ли же ты живешь на свѣтѣ?* спросилъ его также Эль. *Съ тѣхъ поръ*, отвѣчалъ ему Канукъ, *какъ съ низу* (аги, по Колошенски) *вышла печенка*** (Агитлюкъ) *Да!* говоритъ Эль, *ты старше меня.* Разговаривая такимъ образомъ, они, вмѣстѣ ѣхали далѣе отъ береговъ. И Канукъ, желая показать свою силу или преимущество предъ Элемъ, снялъ съ себя шляпу и положилъ позади себя: и тотчасъ появился густѣйшій туманъ на поверхности моря, такъ, что, сидя на кормѣ бата, не видно было передней части его, а Канукъ въ это время отъѣхалъ отъ своего спутника. Эль, не видя ничего, началъ кликать Канука *Ахкáни! Ахкáни!* но Канукъ молчалъ. Эль, ворочаясь туда и сюда, не зналъ куда ѣхать, и кликалъ долгое время своего спут-

---

* Колоши думаютъ, что было время, когда ихъ земля была не на нынѣшнемъ мѣстѣ, и гдѣ-то на другомъ; а на мѣстѣ ея была другая какая-то земля; но потóмъ, онѣ, какимъ-то образомъ перемѣнились мѣстами, или буквально, *переставились.*

** Что эта за печенка, вышедшая съ низу? Я ничего не могъ узнать объ ней.

Вѣра. ника; наконецъ со слезами началъ умолять его и звать къ себѣ. Тогда Канукъ подъѣхавъ къ неми сказалъ: *ну, что ты о чемъ плачешь?* И съ словомъ этимъ надѣлъ на себя шляпу, и тотчасъ туманъ изчезъ. Тогда Эль сказалъ Кануку *ну Ахкани* (мой зять и шуринъ) *ты сильнѣе меня.*

Потомъ Канукъ пригласилъ Эля къ себѣ въ гости; и когда они пріѣхали на сказанной островокъ, текинъмъ; то Канукъ, между прочими угощеніями, потчивалъ своего гостя *прѣсною водою.* Элю вода эта чрезвычайно понравилась, и онъ пилъ ее съ ненасытимою жаждою и думалъ припросить, но стыдился.

Послѣ стола, Эль, началъ разсказывать о своемъ происхожденіи и всю исторію міра. Канукъ сначала слушалъ ее совниманіемъ, но наконецъ, какъ ни интересенъ былъ разсказъ Эля, началъ дремать, а потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, но не иначе какъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на крышѣ колодца. Въ это время, Эль, взялъ собачьяго помету и тихонько подложилъ его подлѣ Канука. Сдѣлавши это, Эль, отошелъ отъ Канука и началъ кликать его *Ахкáни вставай, смотри ты, кажется, не здоровъ.* Канукъ, проснувшись и при такомъ не бываломъ извѣстіи, оторопѣлъ и сдѣланную Элемъ хитрость принялъ за истину; и тотчасъ побѣжалъ въ море мыться. Въ это

время, Эль, поспѣшилъ открыть крышку съ колодца и пилъ изъ него столько, сколько могъ; и напившись и набравши въ ротъ тотчасъ обернулся ворономъ и полетѣлъ въ трубу бараборы: но былъ задержанъ, въ самомъ отверзтіи; но кѣмъ? этаго не знаютъ. Тогда Канукъ началъ раскладывать огонь и коптить своего гостя, сколько ему было угодно. И отъ этаго Эль, а съ нимъ и воронъ, сдѣлался черенъ, прежде же того онъ былъ бѣлъ; наконецъ Канукъ смилосердился или усталъ, и отпустилъ Эля и онъ полетѣлъ на свою землю и началъ ронять капли воды, которая была у него во рту, и проч., о чемъ сказано выше.

Кромѣ этой сказки ни кто ни чего незнаетъ о Канукѣ, ни того куда онъ дѣлся и проч.

Въ Колошенскомъ Духословіи, собственно діаволовъ или чертей, нѣтъ совсѣмъ; но есть духи, называемые *еки*, которыхъ призываютъ Шаманы. Духовъ сихъ безчисленное множество, такъ, что у всякаго Шамана есть свои собственные духи и по нѣскольку. Всѣ вообще духи, или *еки*, любятъ чистоту; и потому Шаманы, предъ призываніемъ ихъ, строго соблюдаютъ цѣломудріе, отъ 3 до 12 мѣсяцовъ сряду, и въ той бараборѣ, въ которой предполается быть призыванію ековъ или шаманить, вычищает-

Вѣра. ся какъ можно лучше, и около огня посыпается свѣжимъ пескомъ.

Еки раздѣляются на три класса: первые: *Киеки*, т. е. *верхніе* (отъ слова Кина верхъ); вторые: *Такиеки*, т. е. *живущіе тамъ гдѣ-то, на материкѣ, въ сѣверной сторонѣ*; и третіе: *Текиеки*, т. е. *водяные морскіе*. Верхніе еки, или Киеки, суть души храбрыхъ людей, убитыхъ на войнѣ. Мѣсто жилища ихъ полагается тамъ на верху и на небѣ (которое повременно открывается для принятія новыхъ душъ: что случалось видать многимъ, впрочемъ всегда на бѣду ихъ, потому что видящій открытіе неба скоро помираетъ (и потому называется *Ки̊ака́ў*, (отъ словъ *кина́* верхъ, ў̓а походитъ, ка́ў человѣкъ). Киеки являются шаманамъ всегда въ образѣ воиновъ, въ полномъ вооруженіи. Такіеки, или землянные духи, вербуются изъ душъ людей, умирающихъ обыкновенною смертію, или не убитыхъ на войнѣ; я говорю вербуются, потому что не всякая душа, умершаго человѣка не на войнѣ; можетъ являться? и почему другія не являются? Объ этомъ Колоши ничего не могутъ сказать. Мѣсто жилища Такиековъ называется Таканку̊ и полагается на сѣверѣ (таку̊ значитъ тамъ, гдѣ то, далеко). Таканку̊ есть сборное мѣсто всѣхъ вообще душъ, выключая храбрецовъ, убитыхъ на войнѣ. Дорога въ это мѣсто не для всѣхъ равна: для тѣхъ, по коимъ

родственники плачутъ менѣе, она гладка и ровна; а для тѣхъ, у коихъ родственники плачутъ сильно, эта дорога болотиста, или буквально, водяниста. Такиеки являются Шаманамъ въ образѣ земляныхъ животныхъ; а Текиеки, или водяные духи, въ образѣ морскихъ животныхъ, какъ то: китовъ, косатокъ и проч. По виду коихъ они имѣютъ и свои названія, напр. духъ волка, или волчій, Екъ; духъ Косатки, или косаточій, Екь, и проч. Но откуда явились или набираются Текиеки? Этаго порядочно объяснить Колоши не умѣютъ. А думаютъ нѣкоторые, что это души тѣхже самыхъ животныхъ.

Всѣ вообще Еки любятъ бубны и потому они являются не иначе, какъ при бубнахъ и надъ бубнами.

Калоши вѣрягъ, что и всякой человѣкъ имѣетъ своего Тȣкинаека (тȣ его, *Кина* верхъ, *ек* духъ), который всегда пребываетъ надъ нимъ; но отъ лукаваго и нечистаго человѣка, Екъ, отходитъ или убиваетъ его. А потому они говорятъ, что если я сдѣлаю худо, то мой ахкинаекъ убьетъ меня.

Колоши вѣрятъ также, что души всѣхъ людей никогда не умираютъ и не умрутъ; но, по разлученіи съ тѣлами, они раздѣляются на двое: одни живутъ тамъ на верху и называются *Кабакаȣ*; а другіе называются *цкекáȣ*, т. е. *съ людьми не живутъ*

Вѣра. (отъ слова цикигй). О мѣстопребыванiи тѣхъ и другихъ сказано выше. Но здѣсь надобно прибавить только то, что цкекаѣ или души людей, умирающихъ обыкновенною смертiю, живутъ тамъ, въ Таканкѣ, не всѣ въ одинаковомъ состоянiи. Душамъ тѣхъ, коихъ тѣла сожжены, тамъ тепло, легко и свѣтло, потому что онѣ всегда могутъ подходитъ къ огню; а тѣмъ душамъ, коихъ тѣла не сожжены, темно, холодно и тяжело. Потому что они всегда стоятъ назади другихъ, и къ огню приближиться не могутъ.

Души тѣхъ, для коихъ, или на имя коихъ, не убиты Калги, т. е. рабы, тамъ живутъ безъ всякой прислуги. И потому сами для себя работаютъ; а души тѣхъ, для коихъ убиты Калги, напротивъ того имѣютъ прислугу.

Колоши вѣрятъ переселенiю душъ, но не въ животныхъ, а всегда въ людей; или иначе сказать, они, думаютъ, что души умершихъ опять возвращаются на сей свѣтъ, но не иначе какъ къ роднымъ и вселяются въ женщинъ родственницъ, кои отъ того именно и дѣлаются беременны; потому то, если женщина, во время беременности своей, часто видитъ во снѣ кого нибудь изъ своихъ умершихъ родственниковъ, то думаетъ, что тотъ самый и поселился въ ней; или на тѣлѣ родившагося младенца видятъ какое нибудь сходство съ кѣмъ либо изъ

умершихъ родственниковъ, напримѣръ: родимое пятно, или недостатокъ на тѣлѣ, общій съ умершимъ, то увѣрены, что тотъ самой и возвратился на землю. И отъ того новорожденному даютъ тоже самое имя.

Бѣдняки, видя лучшее состояніе богатыхъ Тоэновъ и разность между дѣтьми ихъ и дѣтьми своими, говорятъ: *когда я умру, то непремѣнно приду въ семейство къ такому-то Тоэну*, котораго онъ предпочитаетъ. Другіе говорятъ: *Ахъ! скорѣе бы мнѣ быть убитымъ; и я бы снова и скорѣе пришелъ сюда.* Изъ сего послѣдняго можно заключить, что быть убитымъ, по мнѣнію Колошъ, гораздо лучше чѣмъ умереть обыкновенною смертію, и что убитымъ лучше тамъ житье, или они скорѣе другихъ могутъ воротится назадъ *.

Души, убитыхъ на войнѣ, или души Киака́ часто являются въ видѣ сѣвернаго сіянія. Или сказать иначе, сѣверное сіяніе (кицэк), Колоши, почитаютъ явленіемъ или

* Но такая поговорка или такое мнѣніе Колошъ доказываетъ то, что и они не чужды желанія прежнихъ язычниковъ: *возвратить прошедшую молодость*, и начать жизнь новую — лучшую: разумѣется лучшую по мнѣнію всякаго.

Вѣра. маневромъ Киўака́ў, особенно то сѣверное сіяніе, которое бываетъ столбами или снопами, которыя обыкновенно то подвигаются въ ту или другую сторону, то перебѣгаютъ, то смѣняются одни другими, что очень похоже на военные маневры Колошъ. Сильное Сѣверное сіяніе почитается предзнаменованіемъ большаго кровопролитія, потому что Киўака́ў хотятъ себѣ товарищей.

И Колоши молятся или призываютъ въ помощь въ своихъ несчастіяхъ и болѣзняхъ, не Эля, а главнаго Ека, принадлежавшаго къ какому ни будь славному или извѣстному Шаману.

Шаманы и Шаманство. Вѣра или вѣрованіе словамъ Шамановъ, между Колошами, весьма въ великой силѣ, все, что ни скажутъ или ни говорятъ имъ Шаманы, они принимаютъ за истину: такъ напр. Шаманы запрещаютъ Колошамъ ѣсть китовъ, и Колоши не касаются ихъ. Но почему такое *табу* послѣдовало на счетъ китоваго мяса, которое у другихъ Американцевъ есть лакомство, и главная пища? — Никто не знаетъ. Эта вѣра, словамъ Шамановъ, была и еще можетъ быть долго будетъ сильнѣйшимъ препятствіемъ къ просвѣщенію Колошь. Впрочемъ нынѣ, между Колошами, менѣе и менѣе становится знаменитыхъ Шамановъ или отъявленныхъ Кудесниковъ, и въ настоящее время только уже два та-

кихъ Шамана, одинъ въ Чилкатѣ, а другой въ Якутатѣ. Изъ нихъ, послѣдній, столь силенъ, что, по мнѣнію Колошъ, не допустилъ оспу до своихъ земляковъ и родниковъ, а о другомъ будетъ сказано ниже. Тотъ, кто *не хочетъ* вѣрить или отстать отъ своихъ мнѣній, и въ самыхъ очевидныхъ причинахъ, подтверждающихъ противное мнѣніе—найдетъ *свои* причины: такъ и нѣкоторые изъ Колошъ, говорятъ и думаютъ, что нынѣшніе Шаманы потому не столь могущественны какъ прежніе, что они невоздержны и слабы.

Быть Шаманомъ, значитъ: имѣть въ своемъ завѣдываніи нѣсколько духовъ (Ековъ), призывать ихъ и умѣть ломаться при призываніи ихъ; узнавать невѣдомое и предотвращать бѣды и несчастія посредствомъ Ековъ—есть цѣль Шаманства; но собственно лѣчить болѣзни, не всегда есть дѣло шамана.

Шаманство почти всегда бываетъ наслѣдственное; оно вмѣстѣ со всѣми его принадлежностями или, какъ говоритъ толмачь, съ *инструментами* Шаманства: т. е. личинами, бубнами, рѣмнями и проч. достается сыну или внуку Шамана; и потому не всякой желающій быть Шаманомъ, можетъ быть имъ, и даже изъ самыхъ наслѣдниковъ Шамана не всякой желающій можетъ быть таковымъ; но только тотъ кто получитъ Ековъ или въ состояніи видѣть ихъ. Иный,

Вѣра. говорятъ, какъ бы ни старался получить себѣ Ековъ, не можетъ видѣть ни одного; а напротивъ того случается, что иной, хотя бы со всѣмъ не желалъ быть Шаманомъ, но Еки навязываются ему сами. Такъ сказываютъ про двухъ Шаманскихъ дѣтей, въ Якутатѣ, изъ коихъ одинъ хотѣлъ быть Шаманомъ, но не могъ; а другой не хотѣлъ, но Еки не давали ему покоя; что́ бы онъ ни дѣлалъ, куда бы ни уходилъ, Еки, всегда къ нему; онъ, чтобы избавиться отъ нихъ, даже входилъ къ женщинамъ, имѣющимъ обыкновенное имъ, (что́ считается са́мою большою нечистотою, отгоняющею Ековъ); но Еки и оттуда его вытаскивали. И потомъ онъ наконецъ принужденъ былъ сдѣлаться Шаманомъ, и сдѣлался знаменитымъ и сильнымъ. Это тотъ самый, о которомъ сказано выше, что онъ не допустилъ оспу до своихъ.

Желающій вступить въ Шаманы уходитъ въ лѣсъ или горы, въ мѣста, гдѣ не ходятъ люди; и живетъ тамъ около двухъ недѣль, а нѣкоторые и болѣе мѣсяца, во все время питаясь одною корою *незамайника* *. Время пребыванія Шамана въ пустынѣ зависитъ отъ того, какъ онъ *напол-*

---

* Растѣніе, похожее на шиповникъ.

нится Еками (которые иногда очень долго ему не являются) и пока главный изъ нихъ не дастъ ему *выдру*, какъ необходимую принадлежность всякаго Шамана.

Когда Шаманъ получитъ Ековъ; въ то время, главный или сильнѣйшій изъ Ековъ, въ заключеніи всего посылаетъ ему выдру, въ языкѣ коей будто бы заключается вся сила Шаманства. Выдра эта сама выходитъ на встрѣчу Шаману, и онъ лишь только увидитъ ее, останавливается и не допуская ее до себя на большое разстояніе, убиваетъ ее одними словами или однимъ звукомъ *о!* произнесеннымъ разными тонами четыре раза. Выдра лишь только ~~только~~ услышитъ такое страшное заклинаніе, тотчасъ опрокидывается на спину и помираетъ, высуня языкъ свой. Шаманъ подходитъ къ ней и начинаетъ отрѣзывать языкъ ея съ приговорами; *чтобы ему въ новомъ званіи своемъ не осрамиться, чтобы шаманить* и *коверкаться ловче* и проч. Отрѣзавши языкъ, онъ кладетъ его въ особенную коробочку, наполненную разными лоскутками. И все это прячетъ въ не проходимомъ мѣстѣ, потому что если кому изъ профановъ случится найти этотъ талисманъ, называемый Кушталюте (т. е. языкъ выдры), тотъ сходитъ съ ума. Шкура съ выдры снимается тщательно, тулуномъ или чучелою, и въ такомъ видѣ всегда остается при Шаманѣ, и есть

Вѣра. не отъемлемый знакъ его ремесла. Мясо же выдры зарывается въ землю.

До прибытія Русскихъ никто изъ Колошь не смѣлъ даже коснуться вообще до всякой выдры; но нынѣ они бьютъ ихъ для торговли, не опасаясь и не видя никакаго зла отъ того.

Тѣже несчастные изъ Шамановъ, коимъ не удастся накликать Ековъ и получить отъ нихъ выдру, во время поста своего, ходятъ на могилу Шамановъ и спятъ съ ними или вынимаютъ у кого нибудь изъ нихъ (которой-то) зубъ или отрѣзываютъ конецъ мизинца и держатъ ихъ во рту, для того, чтобы вѣрнѣе получить Ековъ и и выдру.

Когда новый Шаманъ наполнится Еками и получитъ отъ нихъ силу, заключающуюся въ языкѣ выдры или сказать вѣрнѣе, когда ему удастся наконецъ поймать выдру; онъ оставляетъ пустыню и является къ своимъ родникамъ, изнуренный постомъ, до того, что лице его дѣлается какъ бы восковое. И тотчасъ дѣлается шаманство для показанія силы и искуства новоявленнаго кудесника.

Иногда таковый искатель Шаманства такъ долго пропадаетъ въ пустынѣ, что родственники совсѣмъ отчаяваются увидѣть его; но онъ какъ бы спасенный нѣкіимъ чудомъ является къ нимъ, въ силѣ не обыкновенной, и къ славѣ своей и ихъ.

Слава Шамана зависитъ отъ числа Ековъ его. Сильные Шаманы, имѣющіе множество Ековъ и умѣющіе держать ихъ въ рукахъ, бываютъ очень богаты, отъ того, что Еки ему служатъ и доставляютъ счастіе во всѣхъ случаяхъ. Но худой Шаманъ бываетъ бѣденъ, или если онъ не всегда сохраняетъ чистоту, то его же собственные Еки убиваютъ его.

Шаманы не могутъ остригать своихъ волосъ ни въ какомъ случаѣ. И въ самомъ большомъ траурѣ онъ стрижетъ только переднюю часть головы, но затылокъ и коса его остаются на всегда не прикосновенными.

У всякаго Шамана есть свои Еки. Еки предка его не всегда и очень рѣдко достаются ему въ наслѣдство. Для всякаго Ека есть свое имя и свои пѣсни. Еки предковъ являются со временемъ и по большой части во время Шаманствъ. Въ такомъ случаѣ Шаманъ, отъ радости, что получилъ Ека отца или дяди, обдариваетъ гостей (кᵘнетканаги).

Колоши говорятъ, что Шаманы, во время шаманства, имѣютъ власть и силу *бросать Ековъ* въ тѣхъ, кои не вѣруютъ имъ; и съ тѣмъ несчастнымъ, который подвергается таковому гнѣву Шамана, т. е. въ котораго онъ бросить Ека, дѣлается

Вѣра. оцѣпенѣніе и обморокъ на долгое время, (но не смерть); но разсказывавшій мнѣ объ этомъ Колоша, нѣсколько разъ бывшій при шаманствахъ и самъ бывшій помощникомъ Шамана и запѣваломъ, никогда не видывалъ такой кары за невѣріе.

Здѣсь кстати сказать о двухъ Шаманахъ, знаменитѣйшихъ своею силою и чудесами: одинъ изъ нихъ еще живъ и имѣетъ пребываніе въ Чилкатѣ, а другой былъ Сигхинскій и очень не давно померъ.

Про послѣдняго разсказываютъ, что онъ однажды велѣлъ своимъ родникамъ и помощникамъ отвезти себя на бату въ одну бухту въ *Чистыхъ островахъ* (за Ечкомомъ) и тамъ бросить его въ море. И будто бы когда привезли его въ означенную бухту, то онъ велѣлъ остановиться въ самомъ центрѣ оной, взять его, завернуть въ рогожу и опустить на дно моря. Сердобольные родственники его, не зная что это кончится необыкновеннымъ чудомъ, долго не соглашалися исполнить приказаніе своего Шамана, но онъ настоялъ и они, какъ ни жалѣли его, должны были ему повиноваться; завернули его въ рогожу, привязали рѣмень, сдѣланный изъ очарованной выдры Шамана, взяли его на руки и ухнувъ четыре раза опустили въ море. И Шаманъ скорѣе камня и подстрѣлен-

наго кита пошелъ ко дну, такъ, что едва успѣвали выпускать рѣмень. Наконецъ онъ дошелъ до дна. И помощники его привязали къ концу рѣмня надутый пузырь той же выдры, и постоявъ на томъ мѣстѣ и не видя ничего необыкновеннаго, поѣхали на берегъ оплакивать своего знаменитаго родника. По утру на другой день, они, поѣхали посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ брошенъ Шаманъ и не нашли ничего особеннаго кромѣ плавающаго пузыря. Тоже самое видѣли они и на третій день. На четвертый же день послѣ погруженія Шамана, они, пріѣхавъ туда не нашли ничего, и думали, что родственникъ ихъ со всѣмъ пропалъ, и хотѣли ѣхать домой; но вдругъ въ сторонѣ слышатъ гулъ, похожій на гулъ бубновъ, въ которые бьютъ при шаманствахъ. Удивленные родственники Шамана поѣхали туда, откуда происходилъ этотъ гулъ; и подъѣхавъ къ одному утесу совершенно отвесному, видятъ на немъ премножество пѣвчихъ птицъ, какія только бываютъ въ Ситхѣ, и среди утеса своего Шамана, распростертаго и лежащаго внизъ головою и ни чѣмъ не привязаннаго; по лицу его ручьемъ текла кровь изъ его гортани. Но Шаманъ былъ живъ и пѣлъ пѣсни. Родники его, употребя всевозможныя усилія подняться до него, наконецъ сняли его оттуда. И когда они положили его въ батъ, то онъ какъ бы ни въ

Вѣра. чемъ не бывалъ, сталъ здоровъ, бодръ и веселъ, и велѣлъ имъ ѣхать домой.

Эти чудеса говорятъ были причиною и слѣдствіемъ того, что Шаманъ получилъ новаго сильнаго Ека.

Другой Шаманъ (Чилкатской) славится тѣмъ, что у него, какъ говорятъ самовидцы (въ числѣ коихъ и мой толмачь), есть одна маска, изображающая одного Такнека, у которой вся лѣвая сторона *окаменѣла*, а другая сторона, какъ была прежде такъ и нынѣ, мягка. Маски обыкновенно дѣлаются изъ красной олхи. Такое чудное окаменѣніе маски (какъ сказано выше) случилось очень не давно и не съ одною маскою, но и съ тою палкою, которая употребляется при шаманствѣ и даже будто бы и часть горностая, которая обыкновенно бываетъ на шаманской палкѣ — *сдѣлалась каменною*. Всѣ видѣвшіе таковую чудную маску увѣряютъ, что дѣйствительно одна половина у ней деревянная и мягкая, а другая совершенно каменная или, по крайней мѣрѣ, ее не беретъ ножъ и она ломается какъ камень и видъ окаменѣвшей половины не одинаковъ съ другою, но не много отличенъ. Причина такого окаменѣнія есть дерзость того Ека (котораго изображала маска) проникнуть до чертоговъ грознаго Эля или, сказать иначе, пробраться до вершины рѣки Насъ.

Шаманскихъ приборовъ у каждаго Ша-

мана бываетъ по нѣскольку; но у этаго Шамана было ихъ нѣсколько сундуковъ, и всѣ они хранятся въ лѣсу, и привозятся только тогда, когда должно быть шаманству. Количество приборовъ есть мѣрило силы и могущества Шамана.

Въ случаѣ болѣзни Шамана всѣ родники его постятся по нѣскольку дней, для того, чтобы онъ выздоровѣлъ.

Похороны Шамана совершенно отличны отъ похоронъ обыкновеннаго Колоши. Шамановъ ни когда не жгутъ, но когда Шаманъ помретъ, то оставляютъ его въ томъ углу (Шаманы мнѣ кажется всегда имѣютъ въ бараборѣ мѣсто впереди въ правомъ углу отъ дверей) на цѣлую ночь. На слѣдующій день его переносятъ въ другой уголъ — потомъ въ третій и наконецъ на четвертый день въ послѣдній уголъ. Во все время перенесенія трупа изъ угла въ уголъ, всѣ живущіе въ бараборѣ постятся. Потомъ на пятый день дѣлаются самые похороны. Одѣвъ его въ полный шаманскій нарядъ, на руки надѣваютъ рукавицы или перчатки, на ноги торбасы, и потомъ кладутъ на доску, у коей съ боковъ наверчено нѣсколько дирокъ, и привязываютъ его къ ней ремнями. Въ носовой хрящь Шамана продѣваютъ одну изъ костяныхъ палочекъ, употребляемыхъ при шаманствѣ; волосы на головѣ собираются въ пучекъ и въ нихъ ввязывается другая

Вѣра.

шаманская костяная палочка. Потомъ голову накрываютъ большою корзиною, сдѣланною изъ прутьевъ. Устроивъ все такимъ образомъ относятъ или отвозятъ Шамана въ лѣсъ и кладутъ на возвышенномъ мѣстѣ, нарочно для сего устроенномъ на стойкахъ, и дѣлаютъ надъ нимъ памятникъ или шалашъ.

Колоши думаютъ, что одинъ изъ главныхъ Ековъ Шамана всегда живетъ при немъ. И отъ того трупы Шамановъ не гніютъ, но дѣлаются какъ юкола, (но въ одномъ мѣстѣ мнѣ случилось видѣть гробъ Шамана и трупъ совершенно сгнилъ). Колоши увѣряютъ, что никогда не упадетъ лѣсина на гробъ Шамана, но всегда подлѣ; и также стойки, на которомъ утверждается гробъ Шамана, подгниваютъ всѣ вдругъ, и гробъ ложится на землю ровно, но не ногами или не головою прежде. При большихъ поминкахъ или фамильныхъ игрушкахъ, родственники Шамана могутъ *поднять* и его, какъ другихъ.

Жертвоприношеніе.

Ни кто не проѣзжаетъ мимо гроба Шамана безъ того, чтобы не бросить въ воду сколько нибудь табаку, какъ жертву; и кажется это есть единственный случай, гдѣ Колоши жертвуютъ или приносятъ жертвы для полученія житейскихъ благъ. Бросая въ воду табакъ, Колоши просятъ Шамана о своемъ благосостояніи и счастіи.

Шаманства у Колошъ бываютъ большія и малыя. Первыя бываютъ всегда только въ зимніе мѣсяцы и не иначе какъ въ 7-й и 8-й день луны, т. е. на первой четверти, и въ полнолуніе. Таковыя шаманства бываютъ, какъ они выражаются, *для поправленія жила* или селенія, т. е. въ это время Шаманы, торжественно призывая своихъ Ековъ, велятъ имъ на будущій годъ давать счастія во всемъ ихъ родникамъ и селенію, а болѣе себѣ; и чтобы они отгоняли повѣтрія отъ селенія шамана на другое селеніе. Шаманства

Шаманство совершается Шаманомъ и его родниками, которые помогаютъ ему во всемъ и особенно пѣніемъ пѣсенъ.

Въ тотъ день когда имѣетъ быть шаманство, ни кто изъ родниковъ не ѣстъ и не пьетъ съ самаго утра и до слѣдующаго утра, и сверхъ того, въ тотъ же день предъ Шаманствомъ, они всѣ принимаютъ рвотное для очищенія себя, т. е. выпивши нѣсколько воды, кладутъ въ горло перо, нарочно для сего устроенное, и движеніемъ его производятъ рвоту.

Начало шаманства бываетъ при самомъ закатѣ солнца, а оканчивается съ появленіемъ утренней зори.

Когда солнце начнетъ приближаться къ закату, собираются всѣ Колоши въ барабору, назначенную для шаманства, которую, какъ сказано выше, очищаютъ

Вѣра. сколько можно чище и около огня посыпаютъ новымъ пескомъ; и лишь только настанетъ время, начинаются пѣсни, которыя поютъ мужчины и женщины всѣ вмѣстѣ, а одинъ изъ пѣвцовъ бьетъ въ бубенъ, который всегда виситъ въ переди на правой сторонѣ отъ входа. Шаманъ, одѣвшись въ свой нарядъ начинаетъ бѣгать вокругъ огня (и всегда по солнцу), кривляться, дѣлать разныя насильственныя тѣлодвиженія, въ тактъ бубну и пѣсенъ, до такого изступленія, что глаза его наконецъ совершенно закатываются подъ лобъ; лице его всегда обращено къ верху къ отверстію трубы. Кобенясь такимъ образомъ нѣсколько времени, вдругъ Шаманъ останавливается и смотритъ на верхъ бубна, и иногда кричитъ что нибудь, въ это время умолкаютъ бубенъ и пѣсни. И глаза всѣхъ обращены на Шамана какъ на пророка.

Колоши вѣрятъ, что во время шаманства Шаманъ дѣйствуетъ и говоритъ не самъ, но въ немъ дѣйствуетъ и говоритъ какой нибудь Екъ, вошедшій въ него.

Говорятъ, что при удачномъ согласіи бубна съ пѣснями, шаманство идетъ лучше, чѣмъ при плохомъ.

Шаманы увѣряютъ, что они, во время шаманства, видятъ множество различныхъ Ековъ или духовъ, въ различныхъ видахъ и различныхъ классовъ; но не всѣ Еки вдругъ являются имъ, а по одиночкѣ; и

нѣтъ постояннаго росписанія какому Еку или какому классу Ековъ слѣдуетъ являться прежде. И потому иногда являются прежде киеки, а иногда текиеки или такиеки, но чаще киеки. Шаманъ, во время шаманства, часто мѣняетъ личины или маски. И всегда онъ надѣваетъ маску, изображающую того Ека, котораго онъ прежде увидитъ, а потомъ перемѣняетъ ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ являются ему Еки, изображаемые шаманскими масками.

По окончаніи шаманства начинается угощеніе, прежде табакомъ, а потомъ всемъ, что есть съѣстнаго.

Кромѣ сихъ великихъ и торжественныхъ Шаманствъ, бываютъ еще малыя и частныя. Назваченнаго времени для нихъ нѣтъ, но бываютъ всегда когда нужно. Таковыя шаманства бываютъ по разнымъ причинамъ и по разнымъ случаямъ, т. е. или для узнанія колдуновъ или тѣхъ кои портятъ людей; или при появленіи новаго Шамана, или по повелѣнію Ековъ, или иначе сказать когда Еки надоѣдаютъ Шаману своими частыми явленіями и онъ, чтобы отвязаться отъ нихъ, дѣлаетъ шаманство, и по другимъ причинамъ, при таковыхъ шаманствахъ угощенія не бываетъ или бываетъ самое посредственное.

Кромѣ Шамановъ, у Колошъ, есть еще *колдуны* или люди, которые умѣютъ портить людей, и которые называются накѴ- Колдуны.

Вѣра. цати (отъ слова *накѸ лѣкарство* и отъ него кѸнакѸцати лѣкарь). Колдуны, по словамъ Колошъ, происходятъ отъ Эля или явились со времени пребыванія его на землѣ, онъ, между прочими секретами, передалъ и этотъ секретъ колдовства. Ремесло колдовства есть также всегда почти наслѣдственное, но не принадлежитъ прямо къ шаманству, и очень рѣдко соединяется съ ремесломъ шаманства.

Ремесло колдовства именно состоитъ въ томъ, чтобы портить людей и излечивать отъ порчи.

Большую часть болѣзней человѣческихъ, Колоши почитаютъ слѣдствіемъ порчи колдуновъ, и именно: *всѣ наружные* и особенно *гніючіе раны на тѣлѣ*; *чахотку*, *ломоту въ ногахъ и рукахъ*, *параличь* или когда отнимутся руки и ноги, и нѣкоторые другія болѣзни.

Колдуны портятъ тѣхъ, кто ихъ изобидитъ, обманетъ и проч.

Колдовство. Самая порча производится такъ: колдунъ старается тайкомъ достать какое либо изверженіе врага своего, или его волосы, или кусокъ его пищи, или грязь съ его тѣла, (которую Колоши часто вмѣсто омовенія сваливаютъ скалками). И когда колдуну удастся получить что нибудь изъ сказанныхъ веществъ; тогда онъ все полученное имъ отъ врага своего относитъ на кладбище и кладетъ въ чей нибудь не сож-

женный трупъ или въ средину останковъ, сожженнаго трупа или просто кладетъ въ трупъ собаки; но кладетъ не просто, а съ какими то наговорами. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ колдовства и говорятъ, что именно въ то время, когда сгніетъ трупъ въ которой положено; — человѣкъ, отъ котораго взяты означенныя вещества — дѣлается боленъ и именно въ той части тѣла отъ которой взяты вещества, такъ напримѣръ если колдунъ успѣлъ или захотѣлъ взять волосы и положить куда слѣдуетъ, то у того человѣка начинаютъ дѣлаться раны на головѣ и вываливаться волосы и проч.

Больный, увѣрившись, что болѣзнь его неизлѣчима обыкновенными средствами, или по знаменованію сна *, узнавъ, что онъ испорченъ, или просто по подозрѣнію, прибѣгаетъ къ Шаману для того, чтобы онъ показалъ ему того человѣка, который его испортилъ. Посланный за Шаманомъ приходитъ къ дверямъ бараборы Шамана и кричитъ: *о! — исѣкаѣат* (т. е. за тобою). Шаманъ, услышавъ такой зовъ, становится лицомъ впередъ и не впуская къ себѣ посланнаго, говоритъ ему: *повтори еще.*

* Которые будто бы часто показываютъ даже и того, кто его испортилъ.

Вѣра. Посланный еще сильнѣе прежняго кричитъ ему тоже: *о! — игѣкхѣат.* Шаманъ опять заставляетъ его кричать въ третій и четвертый разъ; а самъ дѣлаетъ мину, что онъ будто вслушивается въ какой то знакомый, но не ясный или отдаленный голосъ. И когда посланный прокричитъ 4 раза, то Шаманъ отсылаетъ его съ обѣщаніемъ притти вечеромъ. Увѣряютъ, что Шаманъ, въ переливахъ голоса кричащаго посланника, будто бы узнаетъ голосъ того, кто испортилъ больнаго.

Въ назначенный вечеръ, Шаманъ, собравши своихъ родниковъ и пѣсельниковъ, и взявъ съ собою шаманскіе приборы, идетъ къ больному, гдѣ уже вычищена барабора и собрались его родные и желающіе зрители.

Вошедши въ барабору, Шаманъ, облекается въ свой нарядъ, и по изготовленіи всего, приказываетъ всѣмъ бить палочками почему попало (т. е. барабанить) и пѣть пѣсни; и самъ подходитъ къ больному и по обыкновенію кривляется до тѣхъ поръ пока не кончится пѣніе пѣсенъ. Потомъ подходитъ къ одному изъ родственниковъ больнаго и объявляетъ ему имя колдуна, испортившаго его, и тѣмъ оканчивается дѣло шамана.

И если колдунъ, который испортилъ больнаго, не имѣетъ ни богатыхъ родственниковъ, ни сильнаго Тоэна своимъ па-

трономъ; то его подкарауливаютъ гдѣ нибудь или прямо приходятъ къ нему въ барабору и схватываютъ его; и связавъ ему руки назадъ, ладонями врозь, и притягиваютъ ихъ къ косѣ или къ пучку волосъ, которыя обыкновенно у нихъ бываютъ на верхушкѣ головы; и въ такомъ положеніи заключаютъ его въ пустую барабору и приставляютъ къ ней крѣпкую стражу. Несчастный узникъ, въ такомъ положеніи и безъ всякой пищи и питья, остается до тѣхъ поръ, пока или не сознается въ мнимой или истинной порчѣ, или отъ жестокихъ страданій не помретъ. По временамъ его допрашиваютъ, *онъ ли испортилъ больнаго и чѣмъ и какъ именно.* И случается, что при таковыхъ допросахъ, чтобы увеличить страданія несчастнаго колдуна, поятъ его морскою водою, которая вмѣсто утоленія жажды лишь только увеличиваетъ ее.

Иногда случается, что видя невинность страдальца, а кажется, болѣе по ходатайству кого нибудь изъ сильныхъ, освобождаютъ его совсѣмъ.

Но если мнимый колдунъ почему бы ни было сознается въ томъ, что точно онъ испортилъ больнаго, и какъ именно и скажетъ мѣсто куда спряталъ взятыя нмъ у больнаго вещества; то отвязываютъ его волосы отъ рукъ, и рано на зорѣ ведутъ или везутъ на показываемое подсудимымъ

Вѣра. мѣсто, разумѣется за крѣпкимъ карауломъ. И приведя къ самому мѣсту развязываютъ ему руки. Колдунъ, подойдя къ остаткамъ трупа или влезши въ самый памятникъ, начинаетъ тамъ рыться до тѣхъ поръ, пока не найдетъ показанныхъ имъ при допросѣ веществъ. Говорятъ, что вещества сіи, какъ бы давно ни были положены въ трупъ, остаются и находятся всегда совершенно цѣлыми, не смотря на то, что хотя бы трупъ сгнилъ совершенно. Колдунъ, нашедши ихъ кладетъ, или на кору древесную, или на листъ травы, или просто на отворотъ своего плаща и показываетъ своимъ приставникамъ; они, не смѣя коснуться руками пристально и долго разсматриваютъ показываемыя ими вещества; наконецъ увѣряются, что онѣ въ самомъ дѣлѣ принадлежали тому, отъ кого были взяты!! По окончаніи свидѣтельства, колдунъ, съ чрезвычайною осторожностію, несетъ ихъ къ морю въ сопровожденіи своихъ стражей. И по прибытіи къ водѣ, колдунъ входитъ въ море по колѣно; остановившись тутъ, медленно оборачивается по солнцу четыре раза, держа обѣими руками заколдованныя вещества въ прежнемъ положеніи и изрѣдка прикасаясь руками къ водѣ. Послѣ четвертаго раза, онъ, означенныя вещества окунувъ въ водѣ, идетъ еще далѣе въ воду, по самое горло и со всѣмъ

окунывается, что дѣлаетъ также четыре раза*, приговаривая, чтобы больной сдѣлался также здоровъ и чистъ какъ онъ теперь выходитъ изъ воды. И наконецъ, оставя вещества на днѣ моря, выходитъ изъ воды. Этимъ оканчивается околдовываніе или леченіе колдуномъ. И Колоши вѣрятъ и увѣряютъ, что, по совершеніи всѣхъ продѣлокъ околдовыванія, больной тотчасъ получаетъ видимое облегченіе и очень скоро дѣлается совсѣмъ здоровымъ.

Случается иногда, что родственники колдуна, если онъ дѣйствительно окажется виновнымъ, сами убиваютъ его отъ стыда, чтобы не имѣть въ кругу, такого вреднаго и срамящаго всѣхъ ихъ — родственника.

Но если колдунъ хорошаго рода или имѣетъ сильныхъ родственниковъ, то по показанію Шаманомъ его имени, къ нему приходятъ тайно и ночью, и съ покорностію просятъ его о изцѣленіи больнаго; но схватить и судить его не смѣютъ.

Про колдуновъ разсказываютъ такіе же чудеса какъ у насъ про Кіевскихъ вѣдьмъ. И здѣшніе колдуны также летаютъ по воздуху, какъ и тѣ; но ихъ пред-

---

* Стоитъ замѣчанія, что при всѣхъ таинственныхъ дѣйствіяхъ Колошъ встрѣчается число *четыре*, какъ видно изъ предыдущихъ разсказовъ.

Вѣра. ставляютъ болѣе досужими, нежели тѣхъ, потому что они летаютъ не оборачиваясь сорокою или другою птицею, но такъ какъ они есть.

Въ доказательство волшебной силы колдуновъ разсказываютъ, что иногда, при самой крѣпкой стражѣ, подсудимый колдунъ вдругъ пропадетъ изъ бараборы, въ которой онъ былъ заключенъ, оставляя свои узы на мѣстѣ заключенія, тогда какъ изъ бараборы нѣтъ ни какихъ особенныхъ отверзтій кромѣ дверей, охраняемыхъ стражею и дымной трубы. Многіе увѣряютъ, что ихъ родственники или знакомые своими глазами видали, какъ колдуны поднимались на воздухъ, размахивая своимъ плащемъ когда ихъ застаютъ на кладьбищахъ.

Колдуны имѣютъ обыкновеніе посѣщать кладбища тайно и ночью, и особенно утромъ на зорѣ. Увѣряютъ, что колдуны тамъ бесѣдуютъ съ покойниками, которые имъ кажутся совершенно какъ живые, тогда какъ другимъ Колошамъ — профанамъ, они, кажутся совершенно уже истлѣвшими; и здѣсь то Колоши стараются ловить колдуновъ, чтобы раздѣлаться съ ними по своему. Такъ—иногда вечеромъ, въ потьмахъ, видятъ или слышатъ: что въ какомъ нибудь одномъ изъ памятниковъ на кладбищѣ кто то шевелится; то тотчасъ бойкіе и молодые ребята собравшись, тихо подкрадываются къ подозрѣваемому памятнику,

оцѣпляютъ его со всѣхъ сторонъ, и подошедши на близкое разстояніе кричатъ; въ этоже самое время изъ селенія приносятъ имъ фонари, т. е. горящіе головешки. И когда окружающіе сомкнутся такъ плотно, что и муха не пролетитъ между ими, тогда грозно и громко вызываютъ того, кто осмѣлился забраться въ памятникъ; но никто не является. Тогда неустрашимѣйшіе изъ всѣхъ взлѣзаютъ на самый памятникъ и входятъ внутрь. И колдунъ, видя неминуемую бѣду свою или, желая подсмѣяться надъ ползущею стражею, поднимается на воздухъ и летитъ куда ему угодно; окружающіе его преслѣдователи видятъ только какъ по воздуху развѣвается одѣяло или плащь колдуна.

Преданія. Преданія Колошъ суть ничто иное какъ смѣсь лжи и вымысловъ; но и здѣсь также, какъ и въ миѳологіи ихъ, видны слѣды истинной исторіи, напримѣръ преданіе ихъ о потопѣ.

О потопѣ. И Колоши говорятъ и вѣрятъ, что былъ когда-то потопъ, и люди спасались на большомъ суднѣ или, сказать правильнѣе, на какомъ то большомъ зданіи, неопредѣленной формы. Когда потопъ началъ уменьшаться, то судно нанесло на подводникъ, гдѣ оно и остановилось самою срединою; и когда вода совершенно умалилась и пришла въ свое положеніе, то судно, отъ собственной своей тяжести, разло-

Преданія. милось на двое; это по словамъ Колошъ, есть причиною различія языковъ въ людяхъ; въ одной половинѣ остались они, въ другой всѣ прочіе народы.

Колоши говорятъ, что они пришли съ востока; и что они первоначально произошли на берегахъ Америки противъ острововъ *королевы Шарлотты.*

Громъ, по мнѣнію Колошъ, есть звукъ или гулъ крыльевъ, одной величайшей не обыкновенной птицы, или человѣка обратившагося въ птицу; а землятрясеніе есть слѣдствіе борьбы Эля съ одною старухою.

Колоши говорятъ, что когда-то жили братъ и сестра, по имени хетлъ (т. е. гулъ, эхо) и агишанукъ (т. е. внизу старуха или нижняя старуха). По какому-то случаю имъ должно было разстаться (толмачь не могъ ни отъ кого узнать, до потопа ли это было или послѣ потопа), но вѣроятно по причинѣ наступающаго потопа. И братъ, при разставаніи своемъ, сказалъ сестрѣ своей: *ты теперь меня ни когда не увидишь, но пока я буду живъ ты будешь слышать меня;* и потомъ, надѣвъ на себя шкуру какой-то огромнѣйшей птицы (подобно Элю) полетѣлъ на Югозападъ, за облака или туда, чтó Колоши называютъ Кіцги. А сестра, простившись съ братомъ своимъ, взошла на Ечкомъ (гору подлѣ Ситхи) и вдругъ спустилась подъ землю. Доказательствомъ сего послѣдняго постав-

ляютъ то, что и нынѣ, на верху Ечкома, видна яма (Кратеръ). Добрый братъ хетl, чтобы извѣстить сестру свою, находящуюся подъ землею, каждогодно прилетаетъ сюда въ Ситху; и громъ есть гулъ или розмахъ его крыльевъ, а молнія есть блескъ очей его. Но когда хетl разсердится, то огромными лапами своими вырываетъ и сокрушаетъ цѣлыя деревья или зажигаетъ лѣса. Вѣтряная мѣльница въ Ситхѣ, которая сгорѣла отъ молніи въ 1827 году, по мнѣнію Колошъ, сожжена хетlемъ и для нихъ служитъ однимъ изъ доказательствъ существованія и могущества его. Существованіе и силу хетля, доказываютъ особенно находимыми на нѣкоторыхъ къ сѣверу лежащихъ высокихъ горахъ—китовыми костями, а иногда и цѣлыми оставами сихъ животныхъ, которыхъ туда заноситъ хетl; онъ, говорятъ, особенно любилъ кушать китовину, и не менѣе какъ по цѣлому киту употребляетъ за каждый пріемъ. Схватить кита и даже двухъ вдругъ, для хетlя тоже значитъ, что для насъ схватить двѣ сельди или не болѣе какъ два кижуча.

Сестра хетля, Агиша́накъ, несравненно полезнѣе для всего рода человѣческаго, нежели онъ, потребитель китоваго рода. Агиша́никъ, съ самаго того времени какъ низошла подъ землю, поддерживаетъ или держится за столбъ, на которомъ утвер-

Преданія. ждена земля. Колоши увѣряютъ, что земля стоитъ на одномъ огромномъ столбѣ, который хранитъ и поддерживаетъ Агиша́накъ; иначе земля давно бы опрокинулась и потонула въ морѣ. Агиша́накъ, по вѣрѣ Колошъ, безсмертна, сильна, бдительна, т. е. никогда не спитъ и очень любитъ людей за то, что они огонь раскладываютъ на землѣ и тѣмъ ее согрѣваютъ.

Эта *нижняя старуха* столь могущественна, что въ состояніи противустоять самому Элю, который, не рѣдко, за несохраненіе его заповѣдей и особенно за сильныя кровопролитія, покущается истребить всѣхъ людей, живущихъ на земли, и иногда въ порывѣ гнѣва своего приходитъ къ старухѣ Агиша́накъ и оттаскиваетъ ее отъ столба, поддерживаемаго ею; но никакъ не можетъ оторвать ее. И эта возня Эля съ Агиша́накъ, по мнѣнію Колошъ, бываетъ причиною землетрясеній.

Солнцѣ и Лунѣ. Солнце, Колоши, почитаютъ Героемъ или Богомъ Русскихъ и другихъ народовъ, и что оно движется вокругъ земли и не земля вокругъ его. Солнце и луна, по словамъ Колошъ, нѣкогда были людьми: братъ и сестра. Но которой изъ нихъ былъ именно братомъ и сестрою? вѣрно сказать не могутъ. Сестра, живучи на землѣ, имѣла любовника; братъ ея какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ и пристыдилъ ее не обыкновеннымъ образомъ. Сестра тотчасъ отъ

стыда убѣжала изъ дому и потомъ сдѣлалась однимъ изъ великихъ свѣтилъ, а братъ другимъ, но стыдъ сестры всегда съ нею и отъ того она старается убѣгать отъ своего брата. И встрѣчается съ нимъ, какъ можно рѣже.

Солнце считается бѣднякомъ и не столько чистымъ какъ луна, отъ того, что на солнцѣ сушится всякое платье, а луна напротивъ того богата, у ней рѣдко бываетъ недостатокъ. Затмѣніе луны, по словамъ Колошъ, есть знакъ того, что луна терпитъ недостатокъ; и добрые и щедрые Колоши тотчасъ стараются помочь ей. Лишь только увидятъ признакъ оскуденія богатства луны, тотчасъ всѣ богатые Колоши выносятъ на улицу свои пожитки: бобры и товары разные безъ остатка, и держатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока луна не сдѣлается опять богатою. И тогда собираютъ свои пожитки назадъ, не оставляя ничего въ даръ луны.

Полное затмѣніе луны считается тѣмъ, что луна сбилась со своей дороги, и во время онаго всѣ выходятъ на улицу и поютъ особенныя пѣсни, направляя тѣмъ луну на путь ея; и вообще полное затмѣніе считается предвѣстникомъ будущихъ великихъ несчастій.

Пятны на лунѣ, по мнѣнію Колошъ,

Преданія. сдѣлались отъ того, что въ одно время двое ребятъ, идучи за водою съ ведрами и смотря на луну, говорили объ ней съ неуваженіемъ и насмѣшкою; и луна будто бы разсердившись на нихъ сошла на низъ, и схватила ихъ; и они видны на ней еще и понынѣ *.

Разныя мнѣнія и повѣрья Колошъ. Убыль и прибыль моря, чего будто бы сначала не было, они приписываютъ дѣйствію какой-то старухи и Эля и проч.

Колоши албатросовъ не бьютъ, для того, чтобы не испортить погоды.

Медвѣдя почитаютъ оборотнемъ, или, иначе сказать, думаютъ, что онъ былъ нѣкогда человѣкомъ, и что онъ и нынѣ есть человѣкъ, но только въ видѣ медвѣдя. Говорятъ, что извѣстно стало отъ какой-то тоэнской дочери, которая будто бы за то, что смѣялась надъ медвѣдемъ, попалась къ нему въ лапы. Преданіе объ этомъ таково: въ одинъ осенній день, Колошенки, собрались за ягодами, а съ ними и тоэнская дочь.

---

* Замѣчательно, что и въ Сибири между простымъ народомъ запрещается дѣтямъ смотрѣть на луну для того, что бы она не сошла и не съѣла смотрящаго на нее долго, и что это будто бы бывало въ самомъ дѣлѣ.

Въ одномъ мѣстѣ, она, переходя чрезъ медвѣжью тропу, увидѣла пометъ его и начала смѣяться надъ этимъ и надъ самимъ медвѣдемъ, называя его неповоротливымъ, глупымъ, слѣпымъ и проч., словомъ сказать обругала его всячески. Подруги ея сколько ни унимали ее, но все напрасно. Потомъ когда они набрали ягодъ и пошли домой; то корзина у тоенской дочери оборвалась и ягоды разсыпались. Подруги ея пособили ей собрать ягоды, и потомъ опять пошли домой; но корзина опять у ней оборвалась и разсыпалась. Подруги вторичю опять помогли ей собрать и исправиться; тоже случилось въ третій, четвертый разъ и болѣе, такъ, что подруги ея наконецъ въ досадѣ на нее оставили ее одну, и ушли домой. Несчастная дѣвица, собравши ягоды пошла за ними; но по причинѣ наступившей темной ночи заблудилась въ лѣсу; и наконецъ утомившись въ исканіи дороги принуждена была сѣсть подъ лѣсину, гдѣ очень скоро и заснула. Но вдругъ приходитъ къ ней человѣкъ и будитъ ее называя по имени. Она пробудившись видитъ предъ собою знакомаго и любимаго ею человѣка, чему чрезвычайно обрадовалась и тотчасъ пошла за нимъ. Уже нѣсколько времени они шли рука объ руку; но все еще не выходили на дорогу, такъ, что дѣвица стала безпокоиться и спрашивать своего вожатаго; но онъ

Преданія. весьма сухо отвѣчалъ ей, что скоро придутъ домой. Наконецъ онъ приводитъ ее къ медвѣжьей берлогѣ, и говоритъ ей: ступай туда, вотъ нашъ домъ. Дѣвица испугалась. Но мнимый знакомецъ настаивалъ, чтобы она полезла въ яму, которую ей показалъ, и дѣвица принуждена была лезть; но лишь только взошла туда; то увидѣла предъ собою двухъ медвѣдей; и отъ испугу тотчасъ бросилась вонъ и хотѣла бѣжать, но вожатый удержалъ ее и наконецъ успокоилъ, что это ей такъ показалось, и дѣвица опять полезла въ яму; и въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто двухъ медвѣдей видитъ она старика и старуху, которые очень ласково пригласили ее къ себѣ. За ней вошелъ и вожатый ея и вдругъ принявъ видъ медвѣдя началъ ей выговаривать за то, что она смѣялась и ругала его. И потомъ разсказалъ ей и доказалъ, что медвѣди въ своей конурѣ, такіе же люди но только внѣ оной-они медвѣди. Дѣвица сколько ни плакала и ни горевала, наконецъ полюбила своего медвѣдя и сдѣлалась его женою. Весною, Колоши, какъ-то напали на эту берлогу убили старика, старуху и молодаго медвѣдя и хотѣли убить и самую Тоэнскую дочь, которая тоже приняла образъ медвѣдя; но она, въ промышленникахъ, узнавъ своихъ братьевъ и родственниковъ, закричала имъ человѣческимъ голосомъ и тѣмъ спаслась. Потомъ разсказавши имъ все свое приклю-

ченіе, увѣрила ихъ, что она не есть медвѣдица, но дочь такого-то тоэна и ихъ сестра; дѣло кончилось тѣмъ, что она пришла домой и опять сдѣлалась человѣкомъ.

И потому нынѣ женщины, увидѣвъ слѣдъ медвѣдя въ лѣсу или какіе либо его признаки, заочно хвалятъ его, уговариваютъ и умоляютъ, чтобы онъ не разсердился и не увелъ къ себѣ. А мущины у убитаго медвѣдя по содраніи шкуры отнимаютъ голову, и украсивъ оную перьями, подобно шаманской головѣ, ставятъ къ огню и поютъ особенныя пѣсни, для того, чтобы и впредъ имъ было такоеже счастіе въ промыслахъ, и отнюдь не смѣютъ смѣяться или говорить какія либо худыя слова (что называется вообще тликáс) на счетъ его *.

* Странно, что и въ Сибири, между промышленниками, есть повѣрье, что если смѣяться надъ убитымъ медвѣдемъ или какъ говорится: *галиться*; то онъ можетъ ожить и раздѣлаться съ своими насмѣшниками. И потому многіе прежде, нежели начинаютъ сдирать съ него шкуру, обрубаютъ ему лапы, выкалываютъ глаза или подрѣзываютъ жилы, дабы онъ, въ случаѣ неосторожности ихъ, оживши, не могъ бѣгать и видѣть.

Обычаи.

Колоши, говорятъ: что всѣ обычаи и самой родъ жизни, ремесла и словомъ все они приняли отъ Эля.

При родинахъ.

Колошенки раждаютъ также съ помощію повивальныхъ бабокъ, называемыхъ какатўк, ка катўк и проч., смотря по дѣйствію ихъ. Новорожденныхъ младенцовъ обыкновенно обмываютъ прѣсною не теплою водою, и держатъ въ люлькѣ на мху. Послѣ родовъ, женщина, бываетъ 10 дней внѣ общей бараборы въ особенномъ шалашѣ (а въ періодическомъ состояніи 3 дня, и тоже внѣ бараборы); потому что родовое очищеніе и особенно первое періодическое считается самою большою нечистотою. Новорожденнаго младенца грудью начинаютъ кормить никакъ не ранѣе того, пока онъ выблюетъ изъ себя нечистоту, которая, по ихъ мнѣнію, если останется въ человѣкѣ, то бываетъ причиною многихъ болѣзней. И потому, они, въ первые дни мнутъ и жмутъ животъ младенца. Грудью кормятъ отъ 10 до 30 мѣсяцовъ; къ пищѣ начинаютъ пріучать не ранѣе года, и первый кусокъ, который даютъ дитяти, есть нетопленое сало какого нибудь морскаго животнаго (кромѣ кита). Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ дѣти начинаютъ ходить, ихъ купаютъ въ морѣ и очень часто; первое купаніе начинается матерью и отцемъ дитяти, а потомъ предоставляется родному его дядѣ по матери. Колоши во время сильныхъ моро-

зовъ имѣютъ обыкновеніе купаться въ морѣ по утру; но въ это время купаются одни только молодые мущины и дѣти; а женщины почти никогда.

Колоша можетъ имѣтъ два имени: одно съ материнской стороны, а другое съ отцовской. Первое имя новорожденному дается тотчасъ по рожденіи, и не иначе какъ самою матерью или родниками съ материнской стороны. Младенца нарѣкаютъ всегда именемъ какого либо умершаго родственника, извѣстнаго или храбростію или досужествомъ и проч. Второе имя *родовое* или *отцовское* * дается торжественно и не иначе какъ только при большихъ поминкахъ; и потому многіе Колоши, будучи не въ состояніи сдѣлать поминковъ втораго имени не имѣютъ. Богатый же тоэнъ можетъ дать родовое имя своему сыну тотчасъ по рожденіи его, но съ тѣмъ, что онъ уже обязанъ сдѣлать современемъ знаменитые поминки по своимъ родственникамъ

---

* Т. е. имя какого либо родственника съ отцовской стороны, не смотря на то, хотя бы тотъ ни почему не былъ знаменитъ; но дается для того, дабы сохранить свое родовое имя.

Обычаи.

Дѣвицу, когда у ней покажется первое мѣсячное очищеніе, тотчасъ садятъ въ темную конуру и не позволяютъ выходить на улицу ни за чѣмъ; на голову ей надѣваютъ шляпу съ большими полями, для того, чтобы она не могла смотрѣть на верхъ и тѣмъ, по мнѣнію ихъ, *осквернить* или *испортить неба.* Никто кромѣ матери ея и рабынь - прислужницъ, а иногда и ближайшихъ родственницъ не можетъ и не долженъ видѣть ее. Таковое заключеніе продолжается или должно продолжаться цѣлый годъ; но живущія подлѣ крѣпости Ситхи нынѣ сокращаютъ его отъ 6 до 3 мѣсяцовъ.

Въ первое время затворничества дѣвицы, прокалывается у ней нижняя губа для вставки *калуги* — этаго отвратительнаго украшенія Колошенокъ. Въ проколотое мѣсто сначала вставляется небольшая спичка, которая потомъ смѣняется бо́льшею и бо́льшею и наконецъ вставляется не большая калужка, которая потомъ увеличивается до 6 дюймовъ въ окружности. Калги или рабыни не имѣютъ права имѣть это украшеніе.

По окончаніи затворничества богатой дѣвицы, родственники ея дѣлаютъ игрушку или праздникъ; и когда соберутся гости, дѣвицу одѣваютъ въ новый полный нарядъ

и выводятъ предъ гостей. И тутъ начинается угощеніе. Калга, которая одѣвала ее, обыкновенно отпускается на волю; а старое платье затворницы всегда бросается со всѣмъ какъ не чистое.

Цѣломудріе дѣвушки у Колошъ также цѣнится и уважается, какъ и у другихъ. Особенно матери чрезвычайно дорожатъ этимъ; и потому строго смотрятъ за дочерями своими. Но корысть заставляетъ дѣлать исключенія, и нынѣ, т. е. по ознакомленіи ихъ съ Европейцами, эта добродѣтель дѣлается рѣже и рѣже.

Сватьбы Колошъ бываютъ безъ всякихъ Религіозныхъ обрядовъ.

Колоша, выбравъ невѣсту по собственному своему желанію, посылаетъ свата къ родителямъ ея или, за не имѣніемъ ихъ, къ ея родственникамъ. И если получитъ согласіе ихъ и также самой невѣсты, то будущему своему тестю посылаетъ подарки, какіе только можетъ, и тогда приступаютъ къ самой сватьбѣ. Въ назначенный день, отецъ невѣсты, собираетъ къ себѣ своихъ родниковъ и тѣхъ, съ кѣмъ онъ вступаетъ въ родство, и когда соберутся гости, женихъ, въ лучшемъ нарядѣ, выходитъ на средину бараборы и садится въ переди, тогда начинаются пѣсни и пляска для того, какъ говорятъ, чтобы *выманить* невѣсту, ко-

Обычаи. торая во все это время сидитъ въ своей конурѣ.

По окончаніи всѣхъ приличныхъ для сего случая пѣсенъ, отъ дверей конуры или спальны невѣсты до того мѣста, гдѣ сидитъ женихъ, постилаются различные товары или мѣха. И потомъ выводятъ невѣсту въ возможномъ украшеніи и садятъ подлѣ жениха, по правую или по лѣвую руку (на это нѣтъ особеннаго положенія); и невѣста, какъ водится, сидитъ съ поникшею головою, во все время. Тутъ опять начинаются пѣсни и пляска, въ которыхъ женихъ и невѣста не участвуютъ. По окончаніи ихъ или, сказать лучше, когда напляшутся всѣ гости, начинается угощеніе. Но жениху и невѣстѣ ни чего не даютъ ни пить ни ѣсть, ни въ это время ни послѣ того цѣлыхъ двое сутокъ; и потомъ давши имъ поѣсть не много чего нибудь, опять двое сутокъ морятъ голодомъ; это, по мнѣнію ихъ, для того дѣлается, чтобы молодые были счастливы во все продолженіе своей жизни. По выдержкѣ четырехдневнаго поста новобрачные имѣютъ полное право быть вмѣстѣ всегда; но познаніе супружеской тайны бываетъ не ранѣе четырехъ недѣль. И потому для Колошъ странно и смѣшно свадебное обыкновеніе Русскихъ.

Если женихъ богатъ, то и онъ въ свое время дѣлаетъ игрушку и зоветъ къ

себѣ гостей, а бѣдный кончаетъ свою свадьбу безъ всякихъ церемоній и пировъ.

Женихъ имѣетъ полное право или навсегда оставаться у тестя, или уѣхать въ свое селеніе.

Отецъ невѣсты, или вмѣсто его родственники, даютъ приданное за невѣстою, равное подаркамъ, полученнымъ отъ жениха въ первый разъ; а богатые даютъ и болѣе.

Колоши женятся всегда на чужеплеменныхъ, т. е. Колоша *вороньяго рода* всегда долженъ жениться на Колошенкѣ *волчьяго рода,* и обратно. И никогда не случается, чтобы Колоша женился на одноплеменной, и особенно на родницѣ.

Богатые Колоши могутъ имѣть по нѣскольку женъ, смотря по состоянію каждаго. Въ Насѣ есть тоэнъ, у котораго 40 женъ; но первая жена всегда имѣетъ старшинство и нѣкоторую власть надъ всѣми прочими.

Разводы.

У Колошъ, хотя и очень рѣдко, но бываютъ и разводы. Если они не понравятся другъ другу или не довольны оба: то могутъ разойтись, и въ такомъ случаѣ подарки и приданое не возвращаются и не перемѣняются; но если мужъ не доволенъ своею женою; то онъ отпуская ее, возвращаетъ ей и приданое ея. Но подарки его, которые онъ

Обычаи. сдѣлалъ тестю, ему не отдаются. Если же мужъ уличитъ жену свою въ невѣрности, то можетъ выгнать ее; и въ такомъ случаѣ приданное ея остается при немъ, а подарки онъ можетъ взять обратно. Дѣти во всякомъ случаѣ остаются при матери.

У Колошъ есть и *половинщики* также какъ было и у Кадьякцевъ; но явный половинщикъ всегда долженъ быть или братъ или ближній родственникъ.

Послѣ умершаго мужа, оставшуюся жену долженъ взять родной братъ умершаго или племянникъ, сынъ сестры его; въ противномъ случаѣ изъ этаго можетъ быть драка и даже война. Но если нѣтъ ни брата ни племянника; въ такомъ случаѣ вдова можетъ выйти за кого хочетъ, но разумѣется, также за чужеплеменнаго.

Соблазнитель чужой жены (если онъ не родственникъ мужа) если ускользнетъ отъ копья запальчиваго мужа, долженъ заплатить что нибудь оскорбленному мужу; а родственникъ долженъ быть половинщикомъ и въ содержаніи жены.

Бичеваніе. До прибытія Русскихъ, или сказать лучше до тѣхъ поръ, пока Колоши не узнали, что пуля можетъ убить храбрѣйшаго и что ее можетъ послать рука самой слабой женщины, у нихъ было непремѣннымъ правиломъ *бичевать себя*, для показанія своей храбрости и для укрѣпленія своего

тѣла и духа, но нынѣ этотъ обычай бываетъ гораздо рѣже.

Бичеванiе бываетъ всегда зимою, по утру, во время сильныхъ морозовъ, (когда они обыкновенно купаются въ морѣ). Старшiй въ родѣ выходитъ на берегъ и приказываетъ принести голыхъ прутьевъ, какъ можно болѣе, и взявши изъ нихъ нѣсколько, становится на берегу. Тогда храбрѣйшiй изъ всѣхъ купающихся въ морѣ выбѣгаетъ изъ воды и подходитъ къ нему, подставляя прежде грудь свою; и держащiй въ рукахъ прутья начинаетъ сѣчь его какъ можно сильнѣе и до тѣхъ поръ, пока не устанетъ или пока другой храбрецъ изъ зависти и хвастовства не столкнетъ съ мѣста бичуемаго храбреца и не замѣнитъ его собою. Самые же храбрѣйшiе изъ нихъ, въ припадкѣ своей храбрости, послѣ сѣченiя берутъ острые камни въ обѣ руки или ножъ и рѣжутъ себѣ грудь и руки до крови и иногда очень глубоко; и потомъ опять садятся въ морѣ и сидятъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не окоченѣютъ; тогда ихъ выносятъ и кладутъ на одѣяло подлѣ огня, который, во время купанiя, обыкновенно разводится какъ можно болѣе.

Это утреннее бичеванiе не такъ больно, говорятъ, какъ бы казалось; потому что оно бываетъ на морозѣ и по выходѣ изъ воды, гдѣ тѣло отерпнетъ или окрѣпнетъ,

Обычаи. и при ударахъ только что горитъ. И потому утреннее бичеванiе не такъ страшно для Колошъ; но страшно *вечернее,* которое бываетъ въ бараборѣ и при разложенномъ огнѣ; и потому оно бываетъ гораздо рѣже утренняго. Вечеромъ, когда уже всѣ соберутся домой и разсядутся подлѣ огня и разогрѣются, вдругъ по тайному знаку старшаго въ родѣ, вносятся въ барабору пуки голыхъ прутьевъ и кладутся предъ нимъ. Онъ тотчасъ встаетъ съ мѣста, и взявши два - три прута стоитъ во ожиданiи охотника; тогда не устрашимѣйшiй изъ всѣхъ домочадцевъ сбрасываетъ съ себя плащъ и подходитъ къ нему, также грудью прежде. И тотъ начинаетъ его сѣчь какъ можно сильнѣе: и нѣкоторые до тѣхъ поръ выстаиваютъ (поворачиваясь то спиною, то бокомъ), пока не вздуетъ все тѣло его; но бичуемый не произнесетъ ни одного стона, ни одного болѣзненнаго звука и старается даже не поморщиться. Выдержавшiй всѣ такiе пытки прiобрѣтаетъ имя храбреца, который никогда и ничего не струситъ. Нынѣ это послѣднее бичеванiе почти уже совсѣмъ оставлено какъ безполезное при нынѣшнемъ образѣ войны, а вѣроятно болѣе потому, что оно слишкомъ накладно. Очевидецъ сказывалъ мнѣ, что вечернее бичеванiе такъ страшно, что одинъ шорохъ прутьевъ, несомыхъ въ барабору, подираетъ по кожѣ самыхъ храб-

рецовъ: потому, что отказаться отъ пытки или не встать подъ удары значитъ прослыть трусомъ; а получить славу храбреца очень не выгодно. Вообще то и другое бичеванiе предлагается на волю каждаго и отнюдь ни кого не припуждаютъ и не вызываютъ по именно.

Главныхъ *игрушекъ* или праздниковъ у Колошъ, бываетъ только три: первая *поминки* Ꙋкех аташiх (т. е. кормить покойниковъ), вторая собственно *игрушка* Кхаташи́ (т. е. поютъ), и третiя *за дѣтей* Гишташи́гі (т. е. для дѣтей). Игрушки.

Для всякой игрушки, или для всякаго праздника, есть собственныя пѣсни.

На всѣ игрушки приглашаются одни только чужеплеменные Колоши КꙊнеткана-гі́ — или Ахкани; но не свои однородцы, такъ напримѣръ: Колоши, вороньяго рода, приглашаютъ на праздники Колошъ, волчьяго рода, и обратно.

На всѣхъ праздникахъ и особенно на второмъ бываютъ угощенiя; и для того запасается большое количество разной пищи, какъ то, мяса, ягодъ и особенно юколы и жиру. Но китовины всѣ * Колоши не ѣдятъ.

---

* Кромѣ Якутатскихъ, которые также какъ и Алеуты ѣдятъ китовину и у коихъ женщины не имѣютъ украшенiя въ нижней губѣ, т. е. калугъ.

*

Поминки.

Первая игрушка, т. е. поминки совершаются по вновь умершемъ Тоэнѣ или почетномъ, т. е. богатомъ Колошѣ, его родниками. Особеннаго назначенія или опредѣленнаго дня для сего нѣтъ; но начинаются тогда, когда исправятся родники, желающіе сдѣлать поминки; и случается, что нѣкоторые празднуютъ уже тогда, когда почти совсѣмъ сгніетъ трупъ умершаго, который при семъ празднествѣ сожигается. Сожиганіе покойниковъ происходитъ въ присутствіи родственниковъ и знакомыхъ ихъ, и производится въ дѣйствіе чужеплеменными. Ближніе родственники умершаго при семъ случаѣ оплакиваютъ его. Многіе изъ Колошъ въ знакъ своей привязанности къ умершему и печали по немъ, жгутъ свои волосы тѣмъ самымъ огнемъ, которымъ сожигается покойникъ, подставя голову къ огню. Кайганскіе Колоши особенно славятся тѣмъ, что они, при сожженіи и поминкахъ своихъ родственниковъ, терзаютъ себя безъ пощады, бьютъ себя по лицу камнемъ и проч. По исполненіи обряда — сожженія трупа, всѣ гости приглашаются въ барабору умершаго и садятся во кругъ, и съ ними жена умершаго (или мужъ умершей); потому что она по роду своему принадлежитъ къ гостямъ чужеплеменнымъ. И когда соберутся всѣ гости, то родственники, съ остриженными или опаленными голова-

ми и выпачканными сажею лицами, входятъ въ барабору, имѣя въ рукахъ посохи, и ставъ на срединѣ съ поникшими головами, начинаютъ плакать по покойникѣ и пѣть пѣсню; имъ акампанируютъ и гости. Этотъ *плачь* бываетъ сряду четыре вечера послѣ обряда сожженія.

Во время плача родники умершаго, если хотятъ, убиваютъ и калговъ: одного или двухъ (для прислуги умершему на томъ свѣтѣ); но не изъ числа калговъ умершаго, а своихъ. Калга лишается жизни всегда тою смертію, какою померъ поминаемый покойникъ, напримѣръ если покойникъ потонулъ, то и калгу топятъ; но если онъ померъ отъ болѣзни, то калгу давятъ палкою, положивши оную на шею.

По окончаніи плача, т. е. на четвертый вечеръ родственники умершаго умываютъ свои лица и накрашиваются красками, и начинаютъ дарить гостей и особенно тѣхъ, кои работали при сожженіи трупа. Послѣ того начинается послѣднее угощеніе, которымъ оканчивается и вся игрушка.

Все имѣніе умершаго достается родникамъ его; и жена послѣ мужа не наслѣдуетъ почти ничего изъ мужнинова имѣнія, но приданое ея остается при ней; если же у покойника есть племянникъ (сынъ сестры его) или меншій братъ, то онъ дѣлается наслѣдникомъ всего и самой жены

Обычаи. умершаго. И въ такомъ случаѣ онъ главный въ дѣланіи поминокъ *.

Вторая игрушка кгташи. Вторая игрушка Кхаташи дѣлается для того, какъ они выражаются, чтобы *подымать покойниковъ*; потому что въ это время болѣе сооружаются памятники.

Таковыя игрушки дѣлаются очень

---

* Колоши дѣлаютъ поминки по своимъ родственникамъ потому, какъ они говорятъ, что когда Эль жилъ съ людьми, то онъ однажды созвалъ къ себѣ въ гости души умершихъ и когда они собрались, то онъ поставилъ разныя кушанья; но ни кто пальцемъ не дотронулся до нихъ, не смотря на то, что хозяинъ подвигалъ очень усердно. Наконецъ кто-то изъ гостей сказалъ ему: *хозяинъ! гости твои не могутъ ѣсть въ такомъ положеніи, но если ты хочешь, чтобы они ѣли, поставь все это на огонь и тогда увидишь, что будетъ.* Хозяинъ тотчасъ исполнилъ сказанное и когда загорѣлось кушанье, то онъ ясно видѣлъ, какъ гости начали кушать, и остались очень довольны. Но когда разошлись гости, то все оказалось въ цѣлости и посуда и пища. Потому-то и нынѣ Колоши дѣлаютъ поминки для своихъ родственниковъ, чтобы ихъ угощать, но только съ тою разницею, что въ огонь бросаютъ не много, а остатки не умершимъ даютъ, а сами ѣдятъ.

рѣдко, потому что на нихъ приглашаются гости со многихъ селеній, которыхъ, сверхъ угощенія, должно еще обдарить; почему таковые праздники дѣлаютъ одни только богатые. И здѣсь, въ Ситхѣ, послѣ 1828 года не было еще таковой игрушки. Сдѣлать Кхаташи́ значитъ раззориться совершенно; потому что хозяинъ раздариваетъ не только все свое имѣніе, но даже и женино приданое. И отъ того у Колошъ есть пословица: *что ты развѣ Кхаташи́*, если видятъ кого обѣднѣвшимъ.

Когда какое либо семейство или цѣлое селеніе вздумаютъ сдѣлать Кхаташи́; то за нѣсколько времени посылаютъ въ проливы по всѣмъ селеніямъ приглашать своихъ Ахка́ни, т. е. не своеплеменныхъ, но не поименно, а всѣхъ, кто хочетъ или можетъ ѣхать; весьма многіе пріѣзжаютъ съ женами и дѣтьми. Барабора, въ которой намѣреваются сдѣлать игрушку, очищается по возможности, а иногда строится новая; снаружи надъ дверями и внутри впереди изображается *гербъ родовый*, т. е. то животное, по которому слыветъ поколѣніе напримѣръ Кухонтаны изображаютъ волка, или орла; Текуяти — медвѣдя и проч.

По съѣздѣ всѣхъ или многихъ гостей начинается самая игрушка, т. е. пѣсни и пляска, которыя вообще начинаются съ вечера и продолжаются до утренней зори.

Обычаи. По окончаніи пляски обыкновенно бываетъ приличное угощеніе, разумѣется однихъ только гостей, которые одни имѣютъ привиллегію быть угощаемы и начинать игрушку. Таковыя пляски, пѣсни и угощенія продолжаются нѣсколько дней, т. е. до тѣхъ поръ, пока хозяева бараборы въ состояніи кормить гостей.

Въ послѣдній вечеръ, когда гости кончатъ пляску и пѣсни, главный изъ сдѣлавшихъ игрушку уходитъ въ свою конуру и тамъ одѣвается въ *завѣтный нарядъ* своего поколѣнія, который только при таковыхъ именно случаяхъ можетъ быть надѣтъ, но болѣе никогда; и потому если владѣтель такого наряда или наслѣдники его не имѣютъ состоянія сдѣлать игрушку; то нарядъ сей сгниваетъ безъ всякаго употребленія. Впрочемъ Ситхинскіе Колоши имѣютъ случай надѣвать ихъ и безъ игрушки, а именно при плясках на корабляхъ, приходящихъ изъ Россіи.

Завѣтные наряды бываютъ различны, напримѣръ: у Колошъ, волчьяго рода или у Кухонтановъ, нарядъ сей состоитъ изъ волчьей шкуры, съ хвостомъ и лапами и изъ дерева, или даже изъ мѣди, выдѣланною головою и зубами; у поколѣнія *лягушечьяго* дѣлается деревянная шляпа, съ изображеніемъ на ней лягушки, въ большомъ видѣ, и плащь также съ изображе-

ніемъ лягушки съ различными украшеніями, рѣмешковъ, горностаевъ *, и проч.

Анкау или главный изъ хозяевъ, одѣвшись въ завѣтный нарядъ, выходитъ на сцену, ведя съ собою нѣсколько калговъ. Въ это самое время кто нибудь на улицѣ долженъ кричать по волчьи или по лягушечьи, т. е. крикомъ того звѣря, къ которому принадлежитъ поколѣніе дѣлающихъ игрушку. Крикъ этотъ есть знакъ или рѣшеніе участи калговъ, которыхъ ведетъ Анкау. Если крикъ звѣря или птицы хорошъ или веселый, тогда калговъ не бьютъ, но отпускаютъ на волю. Если же воронъ клохчетъ, какъ обыкновенно къ худой погодѣ, — то говорятъ будетъ худая погода, т. е. много будутъ бить калговъ. Бить или не бить калговъ или сколько ихъ бить или отпустить на волю ** — объ этомъ дѣлается совѣщаніе еще до начатія игрушки, но въ дѣйствіе приводится во время выхода Анкау въ завѣтномъ нарядѣ. По рѣшеніи

---

* У нѣкоторыхъ въ числѣ украшеній находятся человѣческіе зубы, очень по многу, какъ трофей.

** Калга, одѣвающій хозяина въ завѣтный нарядъ, всегда отпускается на волю: и потому назначается для этого тотъ, кого хочетъ самъ хозяинъ.

Обычаи. участи калговъ, хозяева начинаютъ свои родовые пѣсни, т. е. о происхожденіи своего племени, о подвигахъ своихъ предковъ, и проч. А по окончаніи оныхъ хозяинъ садится впереди. И тотчасъ предъ него выносятся различныя вещи для подарковъ. (въ числѣ коихъ рогдуги считаются драгоцѣнностію), впрочемъ подарки вносятся и предъ выходомъ Анкау.

Подарки раздаются не всѣмъ равно, но почетнымъ и богатымъ болѣе и дороже; а простымъ и бѣднымъ менѣе и простѣе, смотря по знакомству и состоянію гостей. Въ числѣ подарковъ у богатыхъ бываютъ и калги. И этимъ заключается игрушка. На слѣдующій день та же самая игрушка начинается въ другой юртѣ со всѣми тѣми же обрядами и продѣлками, и такъ далѣе по всѣмъ прочимъ бараборамъ, если игрушка дѣлается цѣлымъ селеніемъ.

При сихъ только игрушкахъ, Колоши, отправляющіе Каташá, имѣютъ право, если захотятъ, принятъ себѣ другое имя кого либо изъ умершихъ родниковъ. И не только одни мужчины, но не рѣдко и Тоэнши въ это время принимаютъ себѣ другое имя.

Третія игрушка за дѣтей. *Третія игрушка за дѣтей* дѣлается очень рѣдко и весьма не многими, потому что издержки на второй игрушкѣ отчасти могутъ возвратиться на подобныхъ — отвѣтныхъ игрушкахъ; но издержки и по-

дарки на игрушкѣ за дѣтей совершенно не возвратимы.

Приглашеніе на эту игрушку, пляски, пѣсни, подарки бываютъ точно также какъ и на второй игрушкѣ, съ тою только разницею, что здѣсь калговъ совсѣмъ не бьютъ, но отпускаютъ на волю по числу дѣтей, за коихъ дѣлаются игрушки.

Для этой игрушки почти всегда дѣлается новая барабора, которую работаютъ охотники своеплеменные и чужеплеменные безъ разбору; и при раздачѣ подарковъ гостямъ, особенно обдариваются и строители, не смотря на то, что хотя бы они были и своеплеменные (при другихъ же игрушкахъ своеплеменные ни когда не получаютъ подарковъ).

Послѣ пѣсенъ и пляски приносятся подарки и въ тоже время выводятъ изъ конуры дѣтей хозяина въ возможнолучшемъ нарядѣ, одного за другимъ, по старшинству и безъ разбора пола, и становятъ рядомъ на срединѣ бараборы. Потомъ у старшаго начинаютъ прокалывать которое нибудь ухо по одной дирочкѣ. Операція эта совершается всегда какою нибудь женщиною, знающею это дѣло и которая всегда назначается самимъ отцомъ и за то получаетъ большіе подарки. Самая же операція производится очень просто: берутъ иголку съ ниткою и продѣваютъ ухо, и оставляютъ нитку въ немъ. Во время

Обычаи. прокалыванія всѣ присутствующіе *шипятъ*, т. е. произносятъ звукъ *сссс* до самаго окончанія операціи.

По окончаніи прокалыванія слѣдуютъ подарки и угощеніе.

Колоши, съ проколотыми ушами, вообще называются Ангáи̃и, т. е. дворяне, которыхъ и потомки, хотя бы не имѣли состоянія получить таковыя отличія, пользуются почетомъ. Самое большое число дирочекъ въ ушахъ можетъ быть *восемь*, т. е. въ каждомъ ухѣ по четыре — по числу главныхъ костей ручныхъ и ножныхъ. Но чтобы получить полное число дирочекъ надобно сдѣлать восемь игрушекъ, что и для самаго богатѣйшаго изъ Колошъ почти не возможно; а потому нынѣ нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы въ состояніи былъ имѣть полное число дирочекъ, и даже не много такихъ, которые имѣютъ по двѣ или по три дирочки.

Въ Ситхѣ почти у всякаго Колоша проколоты уши — но это почти всѣ самозванцы. Впрочемъ есть обычай у многихъ и почти у всѣхъ Колошъ прокалывать уши дѣтямъ, но это прокалываніе или эти дирочки не даютъ права на дворянства.

Малыя игрушки. Кромѣ сихъ трехъ великихъ игрушекъ, или торжественныхъ праздниковъ, у Колошъ бываютъ и другіе меньшіе, кои можно назвать просто пирушками; и они бываютъ по случаю родинъ, шаманства,

новоселья, (что называется *сушить барабору*) сватьбы и, иногда, при выходѣ, дѣвицы послѣ годоваго затворничества, гдѣ гости бываютъ также кунетканагй, т. е. чужеплеменные. (Только при случаѣ полученія рому, гости бываютъ безъ разбору т. е. свои и чужіе).

Гостепріимство.

Судя потому, что Колоши имѣютъ обычай и какъ бы законъ созывать гостей знакомыхъ и незнакомыхъ на свои праздники и игрушки и угощать ихъ, чѣмъ только могутъ, иногда даже до того, что у самихъ послѣ гостей не остается ничего; и что также они, какъ видно иногда, принимаютъ и угощаютъ пріѣзжихъ не непріятелей и знакомыхъ (но всякаго ли и всегда ли не могу сказать за вѣрное), можно сказать, что гостепріимство Колошамъ не чуждо. Но у нихъ нѣтъ обыкновенія угощать гостя женами, какъ бывало у нѣкоторыхъ дикарей и правда не всякая невѣста у нихъ бываетъ невѣстою въ полномъ смыслѣ; и хотя это не бываетъ причиною развода или расхода между супругами; но весьма часто бываетъ причиною несогласія между ими и ненависти мужа къ женѣ.

При заключеніи міра.

При заключеніи мира взятые Аманаты, съ начала нѣсколько дней сряду не должны ѣсть правою рукою, какъ такою, въ которой во время сраженія держится оружіе, но всегда лѣвою рукою. И при каждомъ Аманатѣ приставляются по два *по-*

Обычаи. *мощника* (какъ называетъ толмачь), т. е. собесѣдника, которые суть вмѣстѣ и стражи ихъ.

Наказанія. Наказаній за преступленія (кромѣ пытки колдуновъ) у Колошъ не бываетъ ни какихъ, выключая того, что иногда дяди сѣкутъ своихъ малолѣтныхъ племянниковъ за то, если они не хотятъ идти въ воду зимою во время морозовъ. За убійство платится убійствомъ самаго убійцы, или его ближнихъ родственниковъ, и всегда равнымъ числомъ душъ.

Воровство не считается за большой порокъ. Обличенный воръ долженъ или возвратить украденное или вознаградить убытокъ чѣмъ нибудь, но самъ онъ ничего не терпитъ. Воровство также какъ и порча часто обличается посредствомъ Шамана и шаманства.

Соблазнитель чужой жены, какъ сказано выше, если ускользнетъ ножа или копья, удовлетворяетъ обиженнаго мужа какою нибудь платою.

Калги или рабы Колошъ суть военноплѣненные или купленные отъ другихъ, и также дѣти рожденные отъ калги — матери.

Рабы. Калга не пользуется никакимъ правомъ гражданственности, т. е. онъ не можетъ имѣть ни собственности, ни жены безъ позволенія своего господина. И онъ вообще есть вещь, которую можно продать, бросить, подарить и уничтожить безъ всякой

отвѣтственности. Но надобно сказать, что почти никогда не случается, чтобы господинъ убилъ своего калгу безъ всякой причины или въ запальчивости. Впрочемъ это вѣроятно болѣе потому, что калга хотя и вещь — но вещь дорогая.

Умершихъ калговъ никогда не сожигаютъ какъ обыкновенно дѣлается съ тѣлами свободныхъ, но или кидаютъ въ морѣ или просто относятъ въ лѣсъ.

Калга можетъ быть убитъ своимъ господиномъ при слѣдующихъ только случаяхъ: 1) на поминкахъ, 2) на большихъ игрушкахъ и 3) на новосельѣ, но болѣе никогда.

Если калга, назначенный быть убитымъ, успѣетъ скрыться, то онъ остается въ живыхъ, и по окончанiи игрушекъ можетъ спокойно возвратиться домой; и за побѣгъ свой не наказывается ни чемъ. И нѣкоторые изъ Тоэновъ и почетныхъ Колошъ имѣющихъ калговъ, нарочно даютъ случай убѣжать любимому или любимой калгѣ.

Калговъ бьютъ почти всегда такихъ, которые или стары, или хворы, или малы.

Господинъ всегда имѣетъ право отпустить на волю своего калгу. Но вообще отпускаются только при слѣдующихъ случаяхъ: 1) на поминкахъ, 2) при большихъ игрушкахъ, 3) на игрушкахъ за дѣтей и 4) при выходѣ дѣвицы изъ затворничества.

Способности. Вольноотпущенный калга пользуется всѣми правами обыкновеннаго Колоши, и причисляется къ тому роду (изъ главныхъ) къ которому принадлежала мать его; не смотря на то хотя бы онъ былъ изъ Колумбійцевъ или другихъ южнѣйшихъ народовъ, потому что и они также раздѣляютъ себя на два рода: *Вороній* и *Волчій*.

У Колошъ есть и свои кузнецы, дѣлающіе копья, кинжалы и другія бездѣлицы; говорятъ, что первый кузнецъ былъ не мужчина; но Чилкатская женщина, по имени шѵкасака (т. е. полумужчина). Таковое названіе она получила по превосходству ея искуства предъ мужчинами; и потому что будто бы она была въ самомъ дѣлѣ *женомужъ*.

Замѣчаніе о способностяхъ и характерѣ Колошъ.

Колоши, по моему замѣчанію, могутъ быть и на вѣрное со временемъ будутъ господствующимъ народомъ изъ всѣхъ сѣверо-Американцевъ, начиная отъ Берингова пролива и до Калифорнскаго залива, а можетъ быть и далѣе *. Потому что они

* Мнѣ удалось видѣть и жителей береговъ Беринтова моря, и Уналашкинцовъ, Кадьякцевъ,

и въ теперешнемъ состояніи гораздо лучше всѣхъ по своимъ способностямъ. Правда, Колоши, не имѣютъ нѣкоторыхъ добрыхъ и похвальныхъ качествъ, напримѣръ, Алеутовъ; но за то они всѣхъ превосходятъ своего дѣятельностію, смѣтливостію и склонностію къ торговлѣ. А при такихъ качествахъ, со временемъ, т. е. при дальнѣйшей образованности ихъ или ознакомленіи съ нашими понятіями и познаніями, они станутъ гораздо на высшую степень въ сравненіи съ окружающими ихъ народами.

Смышленность.

Чтобы имѣть понятіе объ умственныхъ способностяхъ Колошъ, стоитъ взглянуть на вещи собственнаго ихъ произведенія, какъ то: баты, одѣяла или плащи, копья и изваянія разныхъ фигуръ и проч.

Баты сколь бы велики ни были, обыкновенно дѣлаются изъ одного дерева и почти всегда безъ надѣлки. Въ каждомъ батѣ, при всѣхъ удобствахъ для помѣщенія и приведенія въ движеніе, болѣе или менѣе соблюдены качества для плаванія въ морѣ и для ходкости.

Колошъ и Калифорнскихъ Индѣйцовъ — разноязычныхъ, и по возможности узнать ихъ способности и свойства — и, мнѣ кажется, что Колоши изъ всѣхъ ихъ суть лучшій народъ по своимъ соособностямъ и дѣятельности.

Способности. *Плащи* или одѣяла колошенскія, дѣлаемыя изъ козьяго пуху, передѣлываемаго въ нитки разныхъ и весьма прочныхъ цвѣтовъ, съ разными и весьма правильными фигурами, по ихъ обычаю и вкусу, — приводятъ въ удивленіе какъ искуствомъ отдѣлки безъ всякихъ машинъ, такъ и приготовленіемъ шерсти, краски, и проч. и все это есть собственное ихъ изобрѣтеніе, совершенно ни отъ кого не занятое.

Чтобы довести эти ремесла до такого совершенства, въ какомъ мы находимъ ихъ нынѣ и при томъ безъ всякаго пособія со стороны другихъ народовъ, нужно болѣе, нежели обыкновенная смѣтливость. Правда, нужда и опытъ суть великіе учители, могущіе умудрить и самаго несмысля. Но чтобы умѣть научиться изъ опытовъ, и только одними опытами дойти до совершенства или до возможнаго улучшенія и особенно въ такихъ вещахъ, безъ которыхъ можно обойтись или которыя можно замѣнить другими (напримѣръ одѣяло звѣриною шкурою) — нуженъ умъ.

Но гораздо болѣе и виднѣе доказываетъ въ Колошахъ способности ума — искуство ихъ дѣлать копья и кинжалы, (первоначально изъ самородной мѣди, а потомъ и желѣза) какъ болѣе многосложное, чѣмъ искуство дѣлать баты и одѣяла.

Послѣ сего уже не стоитъ говорить объ ихъ искуствѣ ваянія (изъ аспида и

дерева), которое, въ сравненіи съ прочими Сѣверо-Американцами, можно назвать даже совершеннымъ; равно не удивитъ уже и то, что Колоши, въ состояніи понять и сдѣлать очень многое, напримѣръ плотничать, заниматься огородствомъ и проч.

Хотя до сихъ поръ еще не было опытовъ въ большомъ размѣрѣ — обучать Колошъ чтенію, письму и проч. Но судя по тремъ человѣкамъ, изъ коихъ двое, нѣсколько времени обучаясь въ Ситхинской школѣ — научились читать по Русски, а послѣдній обучается нынѣ, можно сказать, что способности Колошъ въ этомъ отношеніи не только не уступаютъ способностямъ Алеутовъ и Креоловъ, но даже гораздо выше, какъ это видно въ обучающемся нынѣ мальчикѣ, который, будучи 8 или 9 лѣтъ, поступилъ въ школу нисколько не зная Русскаго языка, и въ теченіи менѣе нежели 5 мѣсяцовъ началъ понимать Русской языкъ и отчасти говорить по Русски, и выучившись разбирать Русскую грамоту (разумѣется отъ Русскаго учителя, ни слова не знающаго по Колошенски) далеко назади оставилъ многихъ изъ своихъ товарищей, начавшихъ учиться съ нимъ вмѣстѣ.

Здѣсь нельзя упустить изъ виду и того, что у Колошъ на всякое явленіе въ природѣ есть свои причины, свои легенды и басни, конечно весьма не замысловатыя, но всѣ они одна отъ другой различ-

Способности. ны или, по крайней мѣрѣ, одна на другую не совсѣмъ похожи. Правда всѣ таковыя бредни нисколько не доказываютъ глубокомыслія или свѣтлаго ума Колошъ; но они показываютъ то, что люди эти по крайней мѣрѣ *размышляютъ* и въ этомъ отношеніи онѣ несравненно выше Калифорнскихъ Индѣйцевъ, которые едвали умѣютъ объяснить что нибудь. Признаками размышленія или, такъ сказать, броженія и проявленія ума Колошъ, могутъ служитъ вопросы нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые они мнѣ дѣлали при посѣщеніяхъ и бесѣдѣ моей съ ними *.

Послѣ всего замѣченнаго здѣсь, въ разсужденіи умственныхъ способностей Колошъ, можно рѣшительно сказать, что Ко-

* Такъ напримѣръ Кукхинъ — одинъ изъ умнѣйшихъ Колошъ, живущихъ около Ситхи, спрашивалъ меня: что значитъ пятна на лунѣ? отъ чего прядутъ (мелькаютъ) звѣзды? когда поворотъ солнца? откуда произошло солнце и прочія свѣтила? и всегда ли они были и будутъ? отъ чего бываетъ затмѣніе солнца и что оно предзнаменуетъ? сюда надобно отнести и вопросъ одного изъ Стахинскихъ Тоэновъ, который, послѣ бесѣды со мною въ его жилищѣ, спросилъ меня: что будетъ *тамъ* послѣ - тѣмъ людямъ, которые здѣсь дѣлаютъ добро?

лоши *довольно не глупы* и что они очень способны къ среднему образованію, но не къ *высшему*, такъ какъ и вообще всѣ люди, выходящіе изъ дикаго состоянія.

Но кто превосходитъ въ отношеніи умственныхъ способностей? Колоши ли? или Лисьевскіе Алеуты, какъ умнѣйшіе изъ всѣхъ прочихъ? Точное рѣшеніе сего вопроса весьма не легко; но, сколько я могъ замѣтить и узнать тѣхъ и другихъ, могу сказать въ разсужденіи сего только то, что, судя по рукодѣліямъ тѣхъ и другихъ, смышленность Колошъ выше чѣмъ у Алеутъ, но напротивъ того то, что собственно называется природнымъ умомъ у Алеутъ выше нежели у Колошъ. Впрочемъ это можетъ быть отъ того, что Алеуты ранѣе познакомились съ Русскими и особенно отъ того, что приняли Христіанскую вѣру.

Дѣятельность.

Но въ разсужденіи дѣятельности и склонности къ торговлѣ и смѣтливости и даже, можно сказать, въ искуствѣ торговыхъ оборотовъ, Колоши, безъ всякаго сравненія далеко выше Алеутовъ и вообще всѣхъ своихъ сосѣдей; и въ семъ отношеніи и особливо въ торговлѣ, они, едвали уступятъ даже полуобразованнымъ народамъ. Такъ напримѣръ одинъ изъ Тоэнскихъ дѣтей, начавъ торговлю отъ нѣсколькихъ бобровъ, въ теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ пріобрѣлъ себѣ восемь калговъ, отличный

Способности. батъ, жену, нѣсколько ружей и множество разныхъ вещей, и словомъ сказать сдѣлался богачемъ *.

При самой продажѣ вещей своихъ, Колоши, не тотчасъ отдаютъ ихъ покупателю, но выжидаютъ, вызнаютъ и торгуются до невозможности и даже отдавая уже какую либо свою (значительную) вещь за условленную цѣну, непремѣнно просятъ какой нибудь придачи (истáкъ).

Въ разсужденіи дѣятельности Колошъ должно сказать, что мужчины дѣятельны даже до неутомимости, но только въ дѣлахъ великихъ и внѣшнихъ; а домашними дѣлами они почти совсѣмъ не занимаются; и это не отъ лѣности, а такъ сказать отъ *важности*; ибо таковыя занятія, по мнѣнію и обычаю ихъ, приличны и свойственны только женщинамъ и калгамъ.

Качества женщинъ. Женщины же Колошенки удивительно дѣятельны какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ мелочной торговлѣ, такъ напримѣръ, Колошенки, разумѣется, живущія въ Ситхѣ, никогда не упустятъ случая вынести на рынокъ для продажи что нибудь

* Въ послѣднее время, онъ, короче ознакомясь съ Русскими и выучившись говорить по Русски, окрестился по собственному своему желанію, для чего нарочно пріѣзжалъ въ Ситху.

изъ мѣстныхъ произведеній, начиная отъ молодыхъ прутьевъ малиннику, до ягодъ и палтусьей юколы; и для того, чтобы достать что нибудь для рынка, они не щадятъ ни трудовъ, ни силы и ни ногъ своихъ. И также съ охотою нанимаются работать въ огородахъ.

Въ послѣднее время нѣсколько Колошенокъ живетъ съ Русскими, и должно сказать, что почти всѣ онѣ очень порядочныя женщины во всѣхъ отношеніяхъ, такъ, что и самая послѣдняя изъ нихъ нисколько не хуже обыкновенной Алеутки или Креолки. Многія изъ нихъ, живя съ промышленниками, имѣютъ по нѣскольку дѣтей; и не смотря на недостатки, онѣ, очень хорошо держатъ дѣтей своихъ; конечно не совсѣмъ порядочно; но несравненно лучше многихъ Креолокъ. Въ хозяйствѣ они чрезвычайно дѣятельны и работящи *, къ мужьямъ своимъ или сожителямъ очень привержены и даже любятъ ихъ; не рѣд-

* Вообще Колошенки очень скоро выучиваются Русскому языку и говорятъ лучше, нежели Алеуты, и также скоро перенимаютъ женскія рукодѣлія; такъ напримѣръ, одна Колошенка, чрезъ два года послѣ крещенія своего умѣла говорить по Русски, шить и даже кроить женскія платья.

Способности. ко, вмѣсто того чтобы получать отъ мужа своего на содержаніе, онѣ трудами своими кормятъ ихъ самихъ, такъ напримѣръ я зналъ одну Колошенку, которая, связавшись съ однимъ изъ самыхъ буйныхъ Русскихъ, съ самой молодости и до самой старости не оставляла его, не смотря на самые жестокіе съ нею поступки его, и тогда, какъ она, имѣя родниковъ Колошъ, могла уйти отъ него.

Въ религіозномъ отношеніи, Колошенки, если и не могутъ сравниться съ Лисьевскими Алеутами; то всѣхъ другихъ, т. е. Кадьякцевъ и Креоловъ, онѣ, ни сколько не хуже, а нѣкоторыя даже лучше. Въ первый разъ, когда мнѣ привелось съ ними говорить (т. е. въ великій постъ), онѣ меня даже поразили своимъ знаніемъ и своею набожностію.

Дѣятельность и трудолюбіе Колошъ очень замѣтны и въ самыхъ Креолахъ и Креолкахъ, рожденныхъ отъ Колошенокъ. Нельзя сказать, чтобъ всѣ таковые Креолы и Креолки, безъ исключенія, были порядочные люди и лучше своихъ собратій; но сравнительно съ другими, изъ нихъ болѣе найдется таковыхъ, такъ напримѣръ изъ 10-ти Креоловъ и особенно Креолокъ, Колошенскаго происхожденія, навѣрное 4 будутъ очень порядочные люди; а изъ Креоловъ, другаго происхожденія, едвали и изъ

20 можно найти такое число порядочныхъ, разумѣется въ отношеніи трудолюбія.

Заботчивость и хозяйство.

Какъ Колоши, такъ и Алеуты, живя при морѣ, большую часть продовольствія своего получаютъ отъ моря; но не смотря на одинаковыя обстоятельства тѣхъ и другихъ и даже на то, что Колоши, въ сравненіи съ Алеутами, гораздо болѣе имѣютъ средствъ во всякое время года достать себѣ пищи, они, постоянно дѣлаютъ себѣ запасы для зимняго времени и всегда не только достаточно, но даже съ избыткомъ, и употребляютъ съ расчетомъ и бережливостію; а Алеуты, будучи убѣждаемы каждогодными опытами, что зимою отъ 4 до 10 недѣль имъ не возможно выѣхать въ морѣ, — почти не пекутся о завтрашнемъ днѣ, а при запасахъ совсѣмъ не умѣютъ быть бережливыми.

Алеуты почти *безсребренники*, т. е. не любостяжательны; но Колоши напротивъ того, умѣя быть бережливыми и разсчетистыми, имѣютъ большую склонность къ стяжанію богатства и умѣютъ пріобрѣтать не только нужныя для своего употребленія вещи, но даже и такія, кои имъ только нравятся. Есть много Колошъ и особенно въ проливахъ, у которыхъ цѣлые сундуки набиты разными вещами и часто очень дорогими; а у нѣкоторыхъ и самые сундуки не иначе какъ *кантонскіе*, т. е. такіе, которые и въ Ситхѣ между Русскими цѣнят-

Характеръ. ся не менѣе 70 рублей, и слѣдовательно Колошѣ каждый сундукъ стоитъ не менѣе 6 или 7 бобровъ.

Терпѣливость. Терпѣливъ ли Колоша такъ какъ Алеутъ? я не могу на это отвѣчать рѣшительно, или доказать то или другое примѣрами. Но судя по ихъ воспитанію дѣтей, и по тому, что они почти не чувствительны къ морозу, и умѣютъ переносить всякія трудности и страданія, какъ напримѣръ: вступающіе въ шаманы, бичующіеся и оплакивающіе родственниковъ при похоронахъ, — можно сказать, что Колоши физически, или въ отношеніи къ тѣлу, терпѣливы не менѣе Алеутъ, т. е. до безчувствія. Но терпѣливости душевной, какъ то: чтобы снести обиду, оскорбленіе и даже одинъ неласковый взглядъ, у нихъ кажется нѣтъ. Это доказывается ихъ мстительностію, которая простирается до того, что если обиженный не могъ отмстить своему обидчику въ сей жизни, то онъ завѣщеваетъ это своимъ дѣтямъ. Но я думаю, что и самая мстительность ихъ происходитъ не столько отъ раздражительности, сколько отъ обычая и честолюбія; или, по крайней мѣрѣ, Колоша мститъ не потому, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ перенести обиды или оскорбленія; ибо тотъ, кто не чувствителенъ къ страданіямъ тѣлеснымъ, можетъ, если захочетъ, легко перенести и страданія душевныя, особливо тогда, когда онъ бу-

детъ убѣжденъ, что таковое терпѣніе составляетъ добродѣтель, дѣлаетъ ему честь, пользу и проч.

Мститель-ность.

О Колошахъ говорятъ или, по крайней мѣрѣ, говорили: что они народъ *звѣрскій* и *кровожадный*. И это доказывали ихъ мстительностію, и тѣмъ, что они убиваютъ рабовъ своихъ. Но едвали Колоши заслуживаютъ названія звѣрскихъ и кровожадныхъ, потому что мщеніе за обиды есть общій законъ всѣхъ дикихъ, не имѣющихъ другаго закона кромѣ внутренняго, врожденнаго. Колоша не ищетъ крови, но только требуетъ кровь за кровь. Не говоря о частныхъ случаяхъ, гдѣ прежде Колоши нападали на Русскихъ и убивали ихъ, но и самое нападеніе ихъ на первое заселеніе Русскихъ и истребленіе его *, со всѣмъ не есть слѣдствіе или дѣйствіе ихъ звѣрства и кровожадности, но совсѣмъ другихъ причинъ и весьма естественныхъ и уважительныхъ. Обычай же ихъ — убивать калговъ, не есть ихъ прихоть или простое желаніе, но исполненіе требованія вѣры ихъ и доказательство любви ихъ къ роднымъ.

Неустраши-мость

Колоши хвалятся своею храбростію на войнѣ, и правда, по виду ихъ, по осанкѣ и смѣлости, съ какою они обращаются съ иностранцами, объ нихъ можно сказать,

* Гдѣ истреблено было 24 человѣка.

Характеръ. что они если и не храбры то и не трусы. Но кажется, не смотря на то, *что храбрый воинъ, убитый на сраженіи*, по ихъ мнѣнію, *поступаетъ въ Еки перваго разряда* и что, какъ воспитаніе, такъ и многія обычаи ихъ имѣютъ цѣлію приучить ихъ къ неустрашимости, и даже общее мнѣніе всѣхъ, уважая храбрыхъ, отнюдь не одобряетъ трусовъ, — храбрость ихъ слишкомъ сомнительна. И если они храбры, то храбры только въ безопасности и при трусахъ. Въ доказательство неблагопріятнаго для нихъ мнѣнія можно представить самый образъ ихъ войны, тактика коей состоитъ единственно въ томъ, чтобы нападать на непріятеля въ расплохъ, и открытою силою они дѣйствуютъ или, лучше сказать, показываютъ видъ открытаго дѣйствія только при взятіи другъ отъ друга аманатовъ или заложниковъ мира. При нападеніи на нихъ непріятеля, они совсѣмъ теряются, какъ то было во время войны *Ситхинцовъ* со *Стахинцами*. Ситхинскіе Колоши, считая себя обиженными, рѣшились отмстить Стахинцамъ и пустились въ походъ въ весьма значительномъ количествѣ. Подъѣхавъ близко къ Стахинскому селенію, они расположились на одномъ островкѣ — выждать удобный случай для нападенія; но Стахинскіе Колоши, узнавъ объ этомъ какъ-то, сами тайнымъ образомъ подкрались, и взобравшись на

гору, подъ коей расположенъ былъ лагерь Ситхинцовъ, вдругъ открыли огонь, и Ситхинцы, не имѣя возможности убѣжать, не умѣли и защищаться, и потому были совершенно разбиты до того, что если бы Стахинцы были въ самомъ дѣлѣ храбры, то они могли бы всѣхъ оставшихся взять въ плѣнъ. Но напротивъ того имъ удалось взять трехъ или четырехъ (въ числѣ ихъ сына Тоэна Катмяна, котораго они однакожъ отпустили изъ милости, какъ говорятъ Стахинскіе); всѣ же прочіе уѣхали во свояси не бывъ преслѣдованы ни кѣмъ, не смотря на то, что они были въ маломъ числѣ. Къ этому можно прибавить и мнѣніе нашихъ *старовояжныхъ* промышленниковъ, имѣвшихъ съ Колошами непріязненныя дѣйствія, при первомъ заселеніи Ситхи, которые, говорятъ: что Колоши предъ хилыми и невидными Русскими храбры до дерзости; а отъ одного виднаго и неустрашимаго бѣгутъ десятки Колошъ. Въ подтвержденіе такого мнѣнія Русскихъ о Колошахъ я могу сказать и то, что я самъ видѣлъ. Въ бытность мою въ Ситхѣ въ 1824 году, (когда Колоши были гораздо диче и ближе къ первобытному ихъ состоянію) по одному случаю произошла размолвка между Русскими и Колошами, которая столь была не маловажна, что всѣ Русскіе стояли подъ ружьемъ, и бывшій въ то время здѣсь Русскій

Характеръ.

Характеръ. фрегатъ *Крейсеръ* былъ готовъ открыть непріятельскія дѣйствія противъ Колошъ, по первому сигналу съ крѣпости; а Колоши еще ранѣе взялись за ружья и засѣли за пнями и колодами, нѣкоторые расположились даже подъ самыми пушками крѣпостной будки и тѣмъ заняли дорогу къ одному дому за крѣпостію, подлѣ коего обыкновенно бывали переговоры и торговля. И когда нѣкто Г. Носовъ (прикащикъ Компаніи) пошелъ по этой дорогѣ для переговоровъ съ Колошенскими Тоэнами — одинъ, вооруженный только саблею; то одинъ храбрый Колоша, стоявшій на самой дорогѣ, тотчасъ прицѣлился въ него, и вѣроятно не для того, чтобы выстрѣлить, но чтобы только устрашить его; но Г. Носовъ, не обращая на него вниманія, шелъ прямо и подошедъ къ прицѣлившемуся Колошѣ далъ ему такую оплеуху, что тотъ и съ ружьемъ полетѣлъ въ грязь, а Г. Носовъ продолжалъ свой путь не оглядываясь. И Колоша, какъ ни было ему это досадно и обидно, тѣмъ болѣе, что товарищи его начали надъ нимъ смѣяться, но не смѣлъ предпринять ничего противу своего врага и обидчика.

Тщеславіе. При первомъ взглядѣ на Колошъ можно замѣтить въ нихъ тщеславіе, потому что они, будучи приглашены въ гости къ Русскимъ, являются не иначе какъ въ лучшемъ нарядѣ и особенно въ Европейскомъ платьѣ;

при встрѣчѣ съ нами держатъ себя всегда важно, и оскорбляются даже однимъ презрительнымъ взглядомъ, и проч. Но кто не тщеславенъ? кто изъ обыкновенныхъ людей не хочетъ показать свое преимущество, и то что въ немъ есть хорошаго? и даже кто не старается выказать себя лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ есть? и потому тщеславіе въ Колошахъ — какъ дѣтяхъ, не совсѣмъ есть ихъ особенная черта. Ибо чувствительность Колоши къ оскорбленіямъ можно приписать не столько тщеславію, сколько чувствованію его собственнаго (и конечно мнимаго) достоинства, которое онъ поставляетъ въ своей нечувствительности къ тѣлеснымъ страданіямъ, во мнимой храбрости, и особенно независимости и полной свободѣ; и это-то самое возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ его *. Да и самое то, что они наряжаются въ Европейскія платья, не совсѣмъ можно приписать тщеславію, потому что это они дѣлаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приглашаютъ на какое либо судно или къ начальнику.

Теперь слѣдуетъ сказать и о томъ, какое имѣютъ понятіе Колоши о Христіан- Просвѣщеніе.

* И особенно въ сравненіи съ Алеутами, которыхъ они считаютъ трусами и не иначе какъ калгами или почти калгами Русскихъ.

Просвѣщеніе.

ской Религіи? готовы ли принять ее, и проч. Прежде нежели буду говорить объ этомъ, я считаю необходимымъ представить на видъ слѣдующее.

Какъ бы кротко не познакомились съ Колошами, и въ какихъ ни были мы съ ними дружественныхъ сношеніяхъ; но еще много бы протекло времени, пока они могли бы вполнѣ убѣдиться въ преимуществѣ нашихъ предъ ними познаній и понятій безъ содѣйствія и вліянія совсѣмъ особенныхъ причинъ. Такъ напр. если бы мы назадъ тому не болѣе какъ три года (т. е. въ 1834 году) вздумали убѣждать Колошъ въ пользѣ прививанія оспы; то сколько и какъ бы мы ни старались объ этомъ, все было бы тщетно. Но въ 1835 году пришла оспа и, убавивъ число ихъ почти до половины, убѣдила ихъ самымъ лучшимъ образомъ въ томъ, что Русскіе знаютъ болѣе и лучше чѣмъ они; потому что оспа, какъ ни была заразительна, и какъ ни желали Колоши, чтобы она поражала и Русскихъ *, не коснулась ни одного Русскаго. И даже если бы до этаго времени, напримѣръ, кто нибудь вздy-

* Многіе изъ промышленниковъ подозрѣвали, что Колоши, продавая Русскимъ съѣстные припасы, вкладывали оспенные струпья. Но едвали??

малъ насильно привить оспу кому нибудь изъ Колошъ; то я увѣренъ, что Колоша вырезалъ бы и вырвалъ то мѣсто, гдѣ привита ему оспа; но напротивъ того нынѣ послѣ горькаго опыта, и, разумѣется послѣ испытанія всѣхъ своихъ собственныхъ средствъ избавиться отъ оспы, какъ-то: шаманства, употребленія льду и снѣгу во время болѣзни и проч., Колоши и Колошенки, сами приходили и приходятъ къ Ситхинскому доктору и просятъ его о привитіи оспы себѣ и дѣтамъ своимъ, и многіе пріѣзжали за этимъ изъ дальныхъ мѣстъ, такъ, что менѣе нежели въ теченіе года привита оспа болѣе нежели 250 человѣкамъ изъ Колошъ. Это доказываетъ, что Колоши перемѣнили свое мнѣніе о Русскихъ и ихъ познаніяхъ и даже вѣру свою въ шаманство и шамановъ, покрайней мѣрѣ въ семъ отношеніи: и слѣдовательно если они нынѣ убѣдились въ пользѣ прививанія оспы; то безъ сомнѣнія повѣрятъ и въ другомъ (разумѣется не вдругъ).

И такъ появленіе оспы или 1835 годъ, по всей справедливости, должно считать важнѣйшей эпохою въ исторіи Колошъ. Ибо это время для нихъ есть рубежъ, или грань, гдѣ окончилось владычество грубаго невѣжества и дикости и начинается заря ихъ просвѣщенія и людскости. А потому и просвѣщеніе ихъ свѣтомъ христіан-

Просвѣщеніе.

ства теперь гораздо возможнѣе, нежели прежде.

Главнымъ препятствіемъ, со стороны Колошъ, были и еще нѣсколько времени будутъ, ихъ шаманы и старики. Но вѣра въ шамановъ теперь поколебалась; а изъ стариковъ большая часть унесены тою же оспою. И, судя по всему этому, можно сказать, что весьма не далеко то время, когда и здѣсь будутъ покланяться Великому имени Іисуса Христа. Это можно заключать особенно изъ того, что:

1-е) Вообще всѣ Колоши никогда, и особливо теперь, нисколько не препятствуютъ своимъ собратіямъ креститься * и крестившихся не только не исключаютъ изъ своего собратства, но напротивъ того смотрятъ на нихъ какъ на такихъ лю-

* Впрочемъ этаго нельзя совсѣмъ вмѣнять имъ въ какой либо особенной признакъ ихъ наклонности къ просвѣщенію; потому что только тѣ препятствуютъ выходить изъ ихъ сообщества или смотрятъ съ отвращеніемъ на принявшихъ чужую вѣру или секту, кои убѣждены въ превосходствѣ собственной, и привержены къ ней фанатически; а Колоошахъ нельзя сказать ни того ни другаго.

дей, которые болѣе ихъ знаютъ и которые уже вступили въ кругъ просвѣщенныхъ; и даже матери старухи, которыя во многихъ случаяхъ имѣютъ большое вліяніе на дѣла Колошъ, охотно или покрайней мѣрѣ безъ всякаго препятствія позволяютъ * своимъ дочерямъ креститься. Главный тоэнъ въ Стахинѣ, сказалъ мнѣ торжественно: что онъ ни кому не запрещаетъ (впрочемъ и не можетъ) креститься.

2-е) Колоши смотрятъ на Религію или на отправленіе нашихъ Религіозныхъ обрядовъ съ уваженіемъ. Такъ напримѣръ, въ бытность мою въ Стахинѣ, въ первый разъ отъ учрежденія тамъ нашего Редута, мнѣ нужно было отправить Литургію, о чемъ я заблаговременно извѣстилъ Колошъ, живущихъ подлѣ Редута. И, такъ какъ тамъ нѣтъ часовни, то мѣсто для священнодѣйствія избрано было внѣ крѣпости (подъ крышею одного строенія, со всѣхъ сторонъ обнесеннаго рѣшеткою). Здѣсь нѣтъ надобности говорить о томъ, что это для Колошъ было весьма любопытно, и что ихъ собра-

---

* Я никогда не крестилъ ни одного Колоши ни Колошенки безъ того, чтобы не спросить согласія матерей и тоэновъ. И всегда получалъ оное.

*

Просвѣщеніе.

лось множество. Это весьма натурально. Но они своимъ уваженіемъ и своею благопристойностію, съ какими смотрѣли на новое и непонятное для нихъ дѣйствіе, и которыя весьма былибъ замѣтны и въ самыхъ воспитанныхъ въ Христіанствѣ, — удивили меня и заставили уважать ихъ самихъ. Надобно отдать справедливость, что не только взрослые, но даже и дѣти отнюдь не шумѣли и не дѣлали ни чего неблагопристойнаго во все время службы, которая продолжалась болѣе часа *. Особенно я думалъ, что не произойдетъ ли между ними какого либо шума тогда, когда они увидятъ своихъ однородцевъ (которыхъ я въ тотъ же день окрестилъ), приступающихъ къ Причащенію вмѣстѣ съ Русскими, потому что хотя они окрещены были мною съ согласія тоэна и родственниковъ ихъ; но можетъ быть очень многіе этаго не знали; но и здѣсь не произошло

* Во время службы, одинъ Колоша, идучи къ мѣсту Священнодѣйствія курилъ трубку; и хотя это было еще далеко, но другіе Колоши, бывшіе на мѣстѣ, тотчасъ начали махать ему, и тотъ сей часъ перестаиъ. Въ другое время, я, на кладбищѣ отправлялъ обрядъ погребенія, гдѣ также весьма много собралось Колошъ, не смотря

совершенно ничего похожаго на шумъ и ропотъ, кромѣ особеннаго вниманія.

Подобнаго уваженія и вниманія къ нашимъ обрядамъ съ перваго раза не видно въ Колошахъ Ситхинскихъ, потому что они въ церковь ходятъ только въ большіе праздники и притомъ всегда одни только почетные или пріѣзжіе. Но это болѣе отъ того, что каждый разъ должно представлять Главному начальнику Колоній какъ о числѣ желающихъ быть въ церкви, такъ званіяхъ и именахъ и проч. Словомъ сказать доступъ въ церковь и почетнѣйшимъ весьма затруднителенъ, а для простыхъ, и особенно всѣхъ вдругъ, совсѣмъ не возможенъ; потому что церковь находится внутри крѣпости, а не впускать въ крѣпость значительное число дикарей, и притомъ въ праздничное время, есть справедливая мѣра осторожности. Но при церемоніяхъ, отправляемыхъ внѣ крѣпости, какъ-то: при погребеніяхъ и особенно значительныхъ лицъ, Колошъ всегда собирается очень много.

на дождь, и въ это время, двое Колошъ, находившіеся въ лѣсу, въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, начали пѣть свои пѣсни; и тоэнъ тотчасъ послалъ сказать имъ, чтобы они перестали, и тѣ перестали.

Просвѣщеніе.

Здѣсь нельзя татже оставить безъ вниманія и того, что за нѣсколько времени предъ симъ, Ситхинскіе Колоши, очень не рѣдко снимали образа, врѣзываемые въ могильные кресты и даже разрывали могилы Русскихъ; но нынѣ совсѣмъ нѣтъ

3-е) И самое главное доказательство того, что близко время просвѣщенія Колошъ есть то, что они нынѣ очень охотно слушаютъ расказы о нашей Религіи. Это я знаю также по собственному опыту, а) Въ бытность мою въ Стахинѣ, я, какъ послѣ отправленія Священодѣйствій, такъ и при посѣщеніи моемъ почетнѣйшихъ тоэновъ въ ихъ жилищахъ, сколько могъ, говорилъ имъ касательно нашей Религіи и вообще о нравственности, и они съ охотою и вниманіемъ слушали меня; и одинъ изъ нихъ даже сдѣлалъ мнѣ вопросъ: *что будетъ тамъ тѣмъ людямъ, которые здѣсь дѣлаютъ добро* *. По возращеніи моемъ изъ Стахина и при первомъ отдуда приходѣ судна я получилъ отъ тамошнихъ

---

* Потомъ этотъ же самый Тоэнъ при игрушкѣ, вмѣсто того, чтобы убить двухъ своихъ калговъ или, покрайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, обоихъ отпустилъ на волю: одного малолѣтняго отдалъ Русскимъ съ тѣмъ, *чтобы онъ былъ Рус-*

тоэновъ привѣтствіе и желаніе еще видѣть меня. b) Проживая въ Ситхѣ я также много разъ бывалъ у Колошъ въ ихъ барабарахъ и особенно въ прошедшую зиму (1837—1848) нѣсколько вечеровъ провелъ съ ними въ бесѣдахъ, т. е. или разсказывая имъ о нашей Религіи или распрашивая ихъ объ ихъ обычаяхъ; и долгомъ поставляю себѣ отдать имъ справедливость, что они всегда и всѣ принимали меня очень ласково и не безъ уваженія и даже радушно *. И слушали мои расказы съ охотою и вниманіемъ.

Но можетъ быть меня спросятъ: что-же? если Колоши охотно слушаютъ о нашей Религіи и смотрятъ на нее съ уваже-

---

скимъ, а другаго отдалъ одному престарѣлому и бѣдному Колошѣ для прислуги, съ тѣмъ, чтобы по смерти старика калга былъ свободенъ совершенно. Правда этотъ поступокъ не совсѣмъ не обыкновенный, потому что у Колошъ есть обычай отпускать на волю своихъ рабовъ, но не всегда и не съ такимъ распоряженіемъ.

* Въ одинъ вечеръ я пришелъ въ барабору къ одному Колошѣ неожиданно; и огонь, который они обыкновенно раскладываютъ посреди барабары,—былъ очемъ плохъ по причинѣ сырыхъ дровъ; и одинъ Колоша, видя, что огонь не поправляется, всталъ съ своего мѣста и взяв·

Просвѣщеніе.

ніемъ и проч., то почему же изъ нихъ еще мало крестятся? Правда; съ самаго начала нашихъ сношеній съ Колошами и по сіе время (до 1830 года) крещенныхъ Колошъ не болѣе 20 душъ. Но надобно сказать, что я никогда и никому изъ Колошъ не хотѣлъ предлагать прямо о принятіи крещенія, имѣя въ виду единственно то, чтобы сколь возможно дѣйствовать на ихъ собственной разсудокъ; и всячески убѣждать ихъ въ истинѣ и святости Религіи, такъ, чтобы они сами просили о принятіи ихъ въ Христіанство: и хотя я не достигъ и не дождался этаго, но покрайней мѣрѣ дождался того, что они начали *слушать* о истинахъ Религіи и сомнѣваться въ силѣ и дѣйствіи шаманства, и имѣлъ утѣшеніе крестить тѣхъ, кои сами изъявляли желаніе креститься.

Впрочемъ я думаю, что и при совершенномъ и всеобщемъ убѣжденіи Колошъ въ необходимости просвѣщенія Религіею Христіанскою, они не скоро согласятся принять ее; потому что (по словамъ одного очень не глупаго Колоши) они думаютъ,

---

ши крышку съ своего ящика, очень хорошо раскрашеннаго, раскололъ ее для дровъ. На слова мои: *за чѣмъ онъ портитъ вещь,* онъ отвѣчалъ: *ничего, я опять сдѣлаю.*

что съ принятіемъ Христіанства они сдѣлаются подъ такимъ же вліяніемъ и властію Русскихъ, какъ и Алеуты, которыхъ они считаютъ не иначе какъ калгами или невольными служителями Русскихъ. И въ самомъ дѣлѣ это мнѣніе Колошъ объ Алеутахъ, если и не будетъ для нихъ непреодолимымъ препятствіемъ къ принятію Христіанства: то можетъ удерживать ихъ отъ этаго еще очень долго, и едвали не до тѣхъ поръ, пока они совершенно убѣдятся въ противномъ.

Судя по той перемѣнѣ, какая видна нынѣ въ Колошахъ, въ отношеніи къ Русскимъ, и потому, что они, будучи увѣрены въ пользѣ нашихъ познаній, съ охотою начинаютъ заимствовать ихъ отъ насъ и пользоваться плодами ихъ, я думаю, что многіе изъ Колошъ согласятся отдать дѣтей своихъ, для того, чтобы выучить ихъ напр. читать и писать, если только сдѣлать имъ такое предложеніе. Но сдѣлать такое предложеніе останавливаетъ во первыхъ то, какъ учить ихъ читать по Русски тогда, когда они не знаютъ по Русски, ни учитель ихъ по Колошенски? и притомъ какая будетъ польза для нихъ отъ того, если они и выучатся читать и писать тогда, какъ на ихъ языкѣ нѣтъ еще никакой книги и даже граматы? И потому прежде надобно образовать или найти учителя, знающаго Колошенскій языкъ, послѣ того, составивъ

Языкъ. грамату ихъ языка, перевести на ихъ языкъ что нибудь изъ св. книгъ, и потомъ вызывать желающихъ учиться.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь о Колошахъ весьма кстати сказать и объ ихъ языкѣ. И я сколько могу и сколько знаю предлагаю здѣсь не какъ свѣденія точныя, но въ видѣ опыта.

Колошенскій, или собственно *Ситхинскій*, языкъ, есть языкъ оригинальный, совершенно не похожій ни на одинъ изъ Европейскихъ языковъ; и совсѣмъ различный отъ Алеутскаго. Имѣя намѣреніе говорить объ языкѣ Колошенскомъ, я думаю не будетъ излишно сказать нѣчто и о другихъ языкахъ, употребляемыхъ въ нашей Америкѣ.

Сѣверозападная часть Америки чрезвычайно замѣчательна по многоразличію языковъ, употребляемыхъ туземцами; почти на каждомъ шагу можно встрѣтить людей, которые говорятъ или собственнымъ языкомъ или своимъ нарѣчіемъ. Особенно это видно между Калифорнскими Индѣйцами, такъ напримѣръ: Индѣйцы *Большой Бодеги* не понимаютъ Индѣйцевъ, живущихъ нѣсколько далѣе внутрь материка, прямо *Росса*, а живущіе сѣвернѣе *Росса* не понимаютъ ни тѣхъ ни другихъ; и все это на пространствѣ не болѣе 200 верстъ.

Въ нашихъ Американскихъ колоніяхъ, не считая Россъ, раскиданныхъ только по берегамъ Америки и на протяженіе не болѣе какъ 3,000 верстъ, находится *шесть* языковъ, раздробляющихся на нѣсколько нарѣчій, именно: *Уналашкинскій, Кадьякскій, Кенайскій, Якутатскій, Ситхинскій* и *Кайганскій.*

Такое разноязычіе и многоязычіе и на такомъ пространствѣ, удивительно, и тѣмъ болѣе, что почти каждый изъ Сѣверо-Американскихъ народовъ, не только самъ по себѣ, но даже и нѣсколько ихъ вмѣстѣ не стоятъ названія народа по чрезвычайной малочисленности своей; такъ напр.: говорящихъ Уналашкинскимъ языкомъ нынѣ не болѣе 2,200 душъ и у нихъ два нарѣчія; говорящихъ Якутатскимъ языкомъ считается не болѣе 300 душъ, и у нихъ также два нарѣчія.

Обращая вниманіе на все это тотчасъ раждаются вопросы: 1) отчего въ Америкѣ особенно много языковъ? 2) точно ли всѣ языки, коими говорятъ туземцы сѣверозападной Америки, и которые намъ кажутся разными,—суть языки совершенно различные между собою или только нарѣчія двухъ или покрайней мѣрѣ не многихъ языковъ? 3) Ежели они различны, то какого корня или происхожденія и проч., а

Языкъ. ежели только нарѣчія двухъ или нѣсколькихъ языковъ, то почему они такъ раздробились? 4) Каждый народъ или, сказать правильнѣе, *народецъ*, говорящій своимъ языкомъ, непонятнымъ его сосѣдямъ и прочимъ народамъ, составляетъ ли отдѣльный народъ своего происхожденія? или всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ, но только обстоятельствами разбитый на части? 5) Ежели каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльный народъ, то откуда они пришли, и почему, живя въ такомъ сосѣдствѣ между собою, не смѣшались до сихъ поръ, покрайней мѣрѣ малочисленнѣйшіе изъ нихъ? а если всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ или двухъ трехъ происхожденій, то отчего у нихъ такое различіе въ языкахъ или покрайней мѣрѣ въ нарѣчіяхъ? —Таковыхъ и подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать еще нѣсколько, но удовлетворительно отвѣчать на нихъ или на нѣкоторые изъ нихъ можно только тогда, когда сѣверо-Американскіе языки будутъ изслѣдованы всѣ и надлежащимъ образомъ. Здѣсь можно замѣтить только то, что такое многоразличіе языковъ сѣверо-Американскихъ народовъ, можетъ быть доказательствомъ того, что они всегда были независимы, по крайней мѣрѣ другъ отъ друга, и что это нельзя считать слѣдствіемъ того, что они, находясь въ дикомъ состояніи и не имѣя нужды другъ въ другѣ, живутъ отдѣльно и

не имѣютъ между собою сообщеній; потому что, напротивъ того, многоразличіе языковъ скорѣе можетъ быть причиною, а не слѣдствіемъ раздѣльности народовъ.

Выше сказано, что въ нашей Америкѣ *шесть* языковъ: т. е. Уналашкинскій, Кадьякскій, Кенайскій, Якутатскій, Ситхинскій и Кайганскій.

Уналашкинскимъ языкомъ говорятъ жители Алеутскихъ острововъ и отчасти Аляксы. Онъ, какъ сказано выше, раздѣляется на два нарѣчія: *Уналашкинское* и *Атхинское*; первое употребляется въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ, т. е. собственно на островахъ Лисьихъ и на Аляксѣ, а другое на *Андреяновскихъ* островахъ. Число говорящихъ симъ языкомъ нынѣ простирается не болѣе 2,200.

Кадьякскій языкъ, по числу говорящихъ имъ, есть самый обширнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ Американскихъ, а можетъ быть и всѣхъ сѣверо-Американскихъ языковъ. Онъ съ Кадьяка переходитъ на Аляксу, оттуда на берега Берингова и Ледовитаго моря, до крайняго сѣвернаго мыса *Барровъ* и даже далѣе къ востоку; этимъ же языкомъ говорятъ и Чукчи, жители Азіатскаго берега. Онъ раздѣляется на шесть нарѣчій, а именно: *Кадьякское*, *Аглегмютское*, *Чугатское*, *Чнагамютское*,

Языкъ. *Малегмютское и Чукотское* *. *Первымъ* наръчіемъ говорятъ жители собственно острова Кадьяка, но и здѣсь оно, по произношенію, раздѣляется на двое: на *сѣверное* и *южное*. Число говорящихъ Кадьякскимъ нарѣчіемъ нынѣ не болѣе 2,300. *Аглегмютское* нарѣчіе употребляется жителями сѣверной стороны Аляксы, число коихъ нынѣ не болѣе 550. *Чугацкимъ* нарѣчіемъ говорятъ Чугачи, жители южной стороны Аляксы, прямо Кадьяка, ихъ также не велико. *Чнагамютское* нарѣчіе употребляется жителями около Михайловскаго редута, т. е. отъ мыса *Стефенсъ* до Берингова пролива. *Малегмютскимъ* нарѣчіемъ говорятъ жители заливовъ *Нортонъ* и *Коцебу* и далѣе къ сѣверу; а послѣднимъ *Чукоцкимъ* нарѣчіемъ говорятъ *сидячіе Чукчи*. Число всѣхъ послѣднихъ неизвѣстно.

Кенайскій языкъ, по числу говорящихъ, едвали уступитъ Кадьякскому; ибо имъ говорятъ *Кенайцы*, *Атнахтяне*, (жители мѣдной рѣки) *Кольчане*, *Кускоквимцы* и *Квихпакцы*. Онъ раздѣляется на четыре нарѣчія: собственно *Кенайское*, коимъ говорятъ жители *Кенайскаго* залива,

---

* Но которое изъ сихъ нарѣчій есть главное? никто не могъ мнѣ сказать.

число коихъ не болѣе 450 семействъ, — *Мѣдновское* или Атнахтянское, употребляемое Кольчанами и жителями мѣдной рѣки; число послѣднихъ не болѣе 60 семействъ, —*Кускоквимское*, коимъ говорятъ жители рѣки *Кускоквима*, и число коихъ простирается до 7,000, и *Квихпакское*, коимъ говорятъ жители рѣки *Квихпака*. Впрочемъ въ послѣднихъ нарѣчіяхъ, и особливо Квихпакскомъ, есть много словъ Кадьякскаго и Якутатскаго языковъ. Кенайскій языкъ для выговора есть самый труднѣйшій изъ всѣхъ нашихъ Американскихъ языковъ, по множеству гортанныхъ буквъ, такъ, что часто произносить Кенайскія слова не могутъ даже самые сосѣди ихъ, у которыхъ и собственные языки ихъ отнюдь не могутъ похвалиться легкостію и благозвучіемъ.

Якутатскимъ языкомъ говорятъ жители Якутата и далѣе къ западу, и онъ раздѣляется на два нарѣчія *Якутатское* и *Угаленское*, число говорящихъ обѣими нарѣчіями не болѣе 300 душъ.

Ситхинскій, или собственно такъ называемый *Колошенскій*, языкъ, употребляется отъ *Льтуа* до *Стахина*, и имѣетъ почти одно нарѣчіе; число говорящихъ имъ въ послѣднее время (послѣ оспы) не простирается болѣе 4,500, о свойствѣ сего языка будетъ сказано ниже.

Языкъ.

Кайганскій языкъ употребляется жителями острововъ *Кайгана* и *Шарлотскихъ*, число первыхъ болѣе 1,500, а послѣднихъ не менѣе 8,000.

Всѣ наши Американскіе языки, по образованію своему (сколько можно было узнать), раздѣляются на два главныхъ вида— одинъ отъ другаго совершенно различныхъ, и именно: *Уналашкинскій* и *Колошенскій*.

Отличительныя ихъ свойства состоятъ въ томъ. 1) Въ языкахъ перваго образованія три числа: *единственное*, *двойственное* и *множественное*; а въ языкахъ втораго образованія обыкновенно два числа: *единственное* и *множественное*. 2) Падежи въ первыхъ языкахъ раздѣляются на *неопредѣленные* и *притяжательные*, и потому всѣхъ падежей или окончаній болѣе 50; а въ послѣднихъ не болѣе *трехъ* падежей или окончаній. 3) Глаголы, по числамъ и лицамъ, въ первыхъ измѣняются обыкновенно *на концѣ*, а въ послѣднихъ *въ срединѣ* или по крайней мѣрѣ *въ началѣ* слова. 4) Въ языкахъ Уналашкинскаго образованія нарѣчія имѣютъ числа и потому суть части рѣчи измѣняемыя, а въ послѣднихъ языкахъ того совсѣмъ нѣтъ.

Общее же въ нашихъ Американскихъ языкахъ есть то, что всѣ они не имѣютъ различія въ *родахъ*, но у всѣхъ одинъ *родъ общій*.

Къ первому образованію принадлежатъ языки: *Уналашкинскій* и *Кадъякскій* *, а къ последнему всѣ прочіе **, или по крайней мѣрѣ всѣ прочіе языки суть не Уналашкинскаго образованія. Но замѣчательно, что счетъ Уналашкинскаго и Кадьякскаго языковъ совершенно различнаго основанія, и послѣдній одного съ Колошенскимъ. У Уналашкинцовъ счетъ имѣетъ основаніемъ обыкновенно десятичное число и правильно идетъ до десяти тысячь и даже далѣе; а у Кадьякцевъ и Колошъ счетъ простирается только до 200 и основаніе имѣетъ совсѣмъ другое, и особенно это замѣтно въ десяткахъ.

Въ Колошенскомъ — (Ситхинскомъ) языкѣ можно найти болѣе 30 буквъ, если каждый звукъ означать особою буквою; ибо многія изъ буквъ какъ гласныя, такъ и согласныя произносятся различно, напримѣръ: кѹх, кѹх, кѹк, кѹк ***. Чтобы напи-

---

* Кадьякскій же языкъ, по замѣчанію Г. Шамиссо, есть языкъ ґренландскій (см. путешествію Котцебу).

** Языкъ Насовскихъ Колошъ есть особенный отъ Ситхинскаго и Кайгинскаго, но образованіе имѣетъ одинаковое съ нимъ.

*** Первымъ словомъ называется *калга* (рабъ), вторымъ — *свинецъ,* третьимъ *сѣра,* а послѣднимъ *ящикъ.*

Языкъ.

сать сіи слова точно такъ, какъ произносятъ ихъ Колоши, надобно или букву к подраздѣлить на трое, а х — на двое, или прибавить новыхъ. Но если также, какъ я сдѣлалъ въ Алеутскомъ языкѣ, таковыя подобнозвучныя буквы означать особливыми придыхательными знаками; то въ Колошенскомъ языкѣ можетъ быть не болѣе 17 буквъ, а именно: а, г, е, и, к, ж, л, н, с, т, ѵ, х, ц, ч, ш, ю, я. Изъ коихъ многія произносятся не всегда одинаково и имѣютъ свои правила; но здѣсь не мѣсто излагать правила произношенія ихъ.

Частей рѣчи въ Колошенскомъ языкѣ можно найти столько же какъ и въ Русскомъ, напримѣръ: тлинкит человѣкъ, тлицин сильной, чатмнах одинъ, хат я, стахані дѣлаю, еѵтѵциню сдѣланный, геке хорошо, читах отъ, ѵш ежели, а! (знакъ восклицанія.

Въ Колошенскомъ языкѣ весьма много находится сложныхъ словъ изъ двухъ, трехъ и болѣе словъ и побольшой части односложныхъ, напр.: качин рука, гдѣ ка означаетъ мущину, *чинъ* вообще лапу, руку, ластъ у земноводныхъ,—тѵкитгашá беременная, гдѣ *тѵ* означаетъ его или ея, *кат* брюхо, *гáт* ребёнокъ, á есть.

Числъ, два: единственное и множественное, а двойственнаго совсѣмъ нѣтъ.

Падежей я замѣтилъ только два, а именно: *именительный* или общій и *тво-*

рительный, напр.: ше камень, камня и проч. ше́ч камнемъ, ше́к каменья, каменьевъ и проч. ше́кч каменьями; йн вода́, воды́, водѣ, воду, йнч водою; йнх во́ды, водамъ и проч, йнхч водами.

Имя существительное имѣетъ окончанія на всѣ буквы, выключая одной *ю*, напримѣръ, ка мущина, хаѓ баня и проч.

Во множественномъ числѣ большая часть именъ существительныхъ принимаютъ букву *к* или кк, а нѣкоторыя кончаются на ас, и, хи, кѹ и проч.

Творительный падежъ, вообще въ обѣихъ числахъ, дѣлается чрезъ прибавленіе буквы *ч*, напр.: ас лѣсина, твор. асч; иск лѣсины, твор. аскч.

Прилагательныя имена, по падежамъ, не имѣются. Но степеней сравненія также имѣютъ *три* обыкновенные.

Сравнительная степень дѣлается чрезъ прибавленіе слова *аганак*, которое собственно значитъ: *мимо* и *больше*, напр.: геке хорошій, добрый, яга́нак геке лучше; тлеклюшке́ худой, ага́нак тлеклюшке́ хуже. Но въ нѣкоторыхъ отрицательныхъ именахъ вмѣсто аганак употребляется *акин*, которое собственно значитъ: *назадъ*.

Провосходная степень дѣлается чрезъ прибавленіе слова *ючиганак*, которое собственно значитъ *обѣихъ мило*, напримѣръ: ючига́пак геке́ очень хорошій; но тлеклюш-

Языкъ.

ке превосходныя степень имѣетъ тлехлюшке.

Когда же сравнивается съ превосходною вещію другая нижайшая, тогда прибавляется слово *юшкинтыти меньше*.

Счетъ Колошенскій основаніемъ имѣетъ не десятеричное число, но *пятерное*; это видно вопервыхъ изъ того, что въ *шести*, *семи* и *осьми* видны повторенія *перваго*, *втораго* и *третьяго* съ прибавленіемъ слоговъ тꙋшꙋ́, напр: тлех одинъ, тлетꙋшꙋ́ шесть и проч. Но яснѣе можно видѣть изъ десятковъ, гдѣ, къ первымъ основнымъ числамъ, прибавляется слогъ ка или *ка* и въ слѣдующемъ десяткѣ повторяется тоже слово только съ прибавленіемъ слова: качинка́т, напр.: *тлека* двадцать, тлека́ качинка́т тридцать и проч.

Числа.

1. тлех	10. чинка́т.
2. т̓ех	11. чинка́т катлек
3. нацк	12. ——— кат̓ех
4. тахꙋ́н	13. ——— кана́цк
5. кечи́н	14. ——— катахꙋ́н
6. тлетꙋшꙋ	15. ——— какечи́н
7. тахатꙋшꙋ	16. ——— катлетꙋшꙋ́
8. нецкатꙋшꙋ	17. ——— катахатꙋшꙋ́
9. кꙋшꙋ́к	18. ——— канецкатꙋшꙋ́

19. ——катȣшȣк	70. нацкека качинкат
20. тлека.	80. тахȣнка́
30. тлека́ качинкат	90. тахȣнка качинкат
40. тахка́	100. кичинка
50. тахка качинкат	200. чинкатка́.
60. нацкека	

Болѣе 200 счету въ Колошенскомъ языкѣ нѣтъ; и чтобы сказать триста или четыреста, надобно сказать; *двѣсти да еще прибавить сто*; или *двѣсти да еще прибавить двѣсти*, и такъ далѣе.

Порядочныя числа.

чатле́нах одинъ, единственный.

шȣкȣ первой.	тахатȣшȣа седьмой.
таха́ второй	нецкатȣшȣа́ осьмой.
нацка́ третій	и прочія съ прибавленіемъ на концѣ а.
тахȣна́ четвертый	
кичина́ пятой	
тлетȣшȣа́ шестой.	

Употребляемыя вмѣсто нарѣчій.

чатлетайн однажды

тахтайн дважды и проч: съ прибавленіемъ тайн.

Мѣстоимѣнія существительныя суть двоякія, какъ-то:

я	хат и хач	*мы*	ȣа́н и ȣа́нч
ты	ȣа́е или ȣе и ȣеч	*вы*	иȣа́н иȣа́нч
онъ	ȣ и ȣч	*они*	ас асч / ютаа́с ютаасч

Языкъ. Первыя мѣстоименія употребляются всегда при глаголахъ *страдательныхъ* и *среднихъ*, напр.: хатѹаа я хочу, хат ѹѹни́ я сдѣлался; ѹ̆ае юкѹкани́ ты сдѣлаешься, ѹ ештатапи́ онъ сдѣлался.

Вторыя мѣстоименія употребляются всегда при глаголахъ *дѣйствительныхъ*, наприм.: хач етахани́ я дѣлаю, ѹеч егисини́ ты дѣлаешь, ѹч екѹхсяни́ онъ будетъ дѣлать.

Притяжательныя мѣстоименія также суть двоякія; одни употребляются всегда въ сложеніи съ именами существительными и суть: *ах* мой, *иг* или *й* твой, *тѹ* его, *а* нашъ, *й* вашъ, *ас тѹ* ихъ, напр.: ахи́ш мой отецъ, иги́ш твой отецъ, тѹи́щ его отецъ; аи́ш нашъ отецъ, ии́ш вашъ отецъ, ас тѹи́ш ихъ отецъ.

Вторыя мѣстоимѣнія притяжательныя, суть: *ахаги* мой, *иаги* твой, тѹаги́ его, *ааги* нашъ, *астѹаги* ихъ, (второе число множественнаго числа, такъ какъ единственнаго). Напр. ахаги́ ахиш мой отецъ, иаги́ игиш твой отецъ, тѹаги́ тѹи́ш его отецъ и проч.

Въ глаголахъ замѣчается два *залога*: *дѣйствительный* и *страдательный*.

Лицъ три: *первое*, *второе* и *третіе*.

Измѣненія полицамъ, сколько я могъ замѣтить, бываютъ не на концѣ глагола, но въ *срединѣ* или иногда *началѣ*, напр.: хач

ехусині я сдѣлалъ, уеч егисині ты сдѣлалъ, ьч еусині онъ сдѣлалъ.

Буква *х* есть характерическій знакъ перваго лица единственнаго числа; *и* или *г* втораго лица обоихъ чиселъ, *у* третьяго лица; отсудствіе буквъ перваго и втораго лица есть также знакъ третьяго лица; *с* есть знакъ третьяго лица множественнаго числа.

Наклоненій четыре: *изъявительное*, *сослагательное*, *повелительное* и *неокончательное*, напр.: хач хатляшет я держу, уеч итляшетін ты держалъ и проч., хач енкусянигин я бы сдѣлалъ; енашні дѣлай, етини дѣлать *.

Временъ до шести, а именно:

настоящее етахані дѣлаю

прошедшее несовершенное етаханегін я дѣлалъ.

———— *совершенное* ехусині я сдѣлалъ.

давнопрошедшее ехусинигин я дѣлывалъ.

будущее неопредѣленное екукасяни я буду дѣлать.

———— *совершенное* енкусини я сдѣлаю.

Настоящее время опредѣленныхъ окончаній не имѣетъ.

Прошедшее не совершенное къ настоя-

---

* Есть еще наклоненія *позволительное* и *сослагательное* или повелительное отрицательное.

Языкъ. щему времени прибавляетъ слогъ *егин* или *гин*. И вообще прошедшія времена означаются окончаніемъ *ин*, которое во всѣхъ лицахъ обоихъ числъ не измѣняется.

Будущія времена, также какъ и настоящее, опредѣленныхъ окончаній не имѣютъ, но нерѣдко удерживаютъ прошедшаго совершеннаго. Отличіе же ихъ отъ прочихъ временъ составляютъ слогъ кȣ или кȣк или буква *н*, употребляемыя въ началѣ слова.

Примѣры измѣненія глаголовъ.

хач етаханй я дѣлаю.	δ́анч етатȣни мы дѣлаемъ.
δ́е́честагинй ты дѣлаешь	и δ́анч етагинй вы дѣлаете.
ȣч станй онъ дѣлаетъ.	асч есатани они дѣлаютъ.
хач етаханéгин я дѣлалъ.	δ́анч етаганѐгин мы дѣлаемъ.
ȣеч етаинéгин ты дѣлалъ.	и δ́анч етагинéгин вы дѣлали.
ȣч етанéгин онъ дѣлалъ.	асч еситанéгин они дѣлали.

ОПЫТЪ СОЧИНЕНІЯ
на Колошенскомъ языкѣ.

Тленахгашй тлинкитанитȣкȣан Ашакȣн.	У всѣхъ людей одинъ Богъ.

Читлякȣ ган ȣачàкȣ чȣшȣ́кȣ тах̓ч кȣцити́, тл̓екл шȣкȣкахи́х тȣкȣс-іпи́ги́,	Онъ не имѣетъ ни начала ни конца.
Ашакȣ́нч л̓такáтагаіпин, л̓такáт ахаáхч, л̓такáт атáхаганȣк, л̓такáт тȣчикáгати.	Богъ все знаетъ, все видитъ, все слышитъ, все можетъ.
Ашакȣ́нч чил̓такáт сих̓áн тл̓инкитанитȣкȣáн тȣȣ́ áткхия́х ататȣ́аіпи́; кикат тȣ́áкигика. аганах асихан.	Богъ всѣхъ людей любитъ какъ дѣтей своихъ, но добродѣтельныхъ любитъ болѣе.
Кикáт кȣцитигикá тȣ́акигка тлюшкатéн лкȣ́нȣ́кȣá акȣá тȣхáн акȣ́каȣ́ кетȣ́кȣхсакȣ́ тл̓éкл шȣкȣ́кахи́х астȣтасȣ́кȣгȣ.	Добродѣтельные будутъ жить тамъ вѣчно въ радости и веселіи.
Тл̓юшкатен кȣ́спигиáакȣá аши́х кекȣ́хляци кȣсі̓пи ишанч гехгакȣхлячак.	А злые люди будутъ тамъ страдать и мучиться.
Л̓такáт кагааги тл̓éкл кȣ́кaнá.	У всякаго человѣка душа безсмертна.
Ашакȣн тȣ́акаги́ч аȣ-л̓иéх тл̓инкитани, х̓екакȣ́ц, тл̓якȣ́к, ин, кхáн,	Богъ словомъ своимъ сотворилъ свѣтъ, небо, землю, воду,

ґацинéт, тл̓инкитани-тȣкȣáн.

Ашакȣнч аȣл̓иех тл̓инкитанитȣкȣан тȣ-кȣканéт тȣкȣхсакȣ́т.

рыбъ, птицъ, и всѣхъ людей.

Богъ создалъ людей для ихъ блаженства.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Содержащая въ себѣ замѣчанія о Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ.

